В·Пешков



Страницы прошлого читая...

ЦЕНТРАЛЬНО-
ЧЕРНОЗЕМНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖ
1972



Владимир Пешков



8Р1 2-8-4
П31 83-ЦЧ72

*Оформление
художника А. Ф. Бучнева.*

ОТ АВТОРА

Посмотрите на карту Центральной России.

Обратите внимание на ломаную линию в виде лука, изогнутую почти точно на восток. Здесь граница нынешней Тамбовской области с Пензенской и Саратовской.

А теперь взгляните туда, где находится стык трех областей, почитайте, что написано около кружочков, под которыми подразумеваются города, села, деревни. Вот Белинский (прежний Чембар), Лермонтово (Тарханы), Пачелма. Пензенские владения. А вот Кирсанов, Гавриловка, Умет, Оржевка. Это уже владения тамбовские.

Не надо брать в руки циркуль и по масштабу карты определять расстояния. И на глаз видно: совсем рядом, тридцать, пятьдесят, ну от силы семьдесят километров. Рукой подать. Но между ними граница.

Было время, когда она проходила восточнее: и Чембар и Тарханы считались тогда тамбовскими. Границы могут еще измениться. А близость останется. Историческая. Географическая. Этнографическая.

Еще в прошлом веке наш земляк талантливый историк И. И. Дубасов ввел в научный оборот понятие «Тамбовский край». Под ним он понимал огромную территорию от Нижнего Ломова и до Лебедяни, от Спасска и до Борисоглебска. Это часть лесостепного междуречья Волги и Дона, где издревле обитали мордовские племена, а начиная с XV века стали появляться и русские поселенцы.

Разделенные ныне условностями административных границ, эти земли сохранили свою общность. Поэтому, видимо, простятся нашим краеведам (в том числе и автору этих строк) их «великодержавные» замашки: рассказывая о Тамбовщине, мы то и дело нарушаем областные границы и вторгаемся в места по-теперешнему липецкие, усманские, борисоглебские и иные.

Но давайте еще раз посмотрим на карту. Лермонтово... Всемирно известные Тарханы. Колыбель гениального поэта. Нет-нет, спорить не будем, — законная гордость пензяков. Но почему, например, ребята из тамбовских районов Кирсановского или Уметского могут, не дожидаясь никакой экскурсии, сесть не на мотоцикл, на велосипед — и махнуть в лермонтовский музей, а школьники из Пензы не могут, — далековато.

Значит, дело не в областных границах. Значит, мы по-своему правы, считая Михаила Юрьевича нашим, тамбовским. Родился он в Москве, зато детство и отрочество провел неподалеку от наших пичаевских дубрав, от нашей Цны и Вороны.

И не только это. Поэт путешествовал по тряским тамбовским дорогам. Увековечил наш город в шутливых и грустных строфах «Тамбовской казначейши». Его творчество, судьба его поэтического наследия тесно переплетены с краем. Наконец, жизнь сталкивала М. Ю. Лермонтова со многими тамбовцами.

Автор этой книжки не лермонтовед, а краевед. Он далек от мысли решать общие задачи литературоведения. Его цель более скромная — обратить внимание читателей на те стороны биографии и творчества великого поэта, которые в той или иной степени соприкасаются с Тамбовщиной и тамбовцами.

Однако, как условны областные границы, так иногда трудноопределима та грань, где кончается исследование чисто краеведческое. Поэтому автор взял на себя смелость высказаться и по некоторым, весьма незначительным, вопросам лермонтоведения общего. Правда, у него было одно преимущество: в получасе небыстрой ходьбы от дома — Государственный архив Тамбовской области...

При подготовке книги наряду с лермонтовскими текстами и комментариями к ним известных ученых были использованы также новейшие работы литературоведов, письма и мемуары современников, монографии дореволюционных авторов и т. д. В основном это те самые «широко известные» специалистам книги и журналы, которые терпеливые сотрудницы Областной библиотеки имени А. С. Пушкина ждут неделями, если не месяцами, по межобластному библиотечному абонементу и разрешают читать только местным специалистам.

«Страницы прошлого читая...» — книга для тех, кто любит узнавать, но не имеет возможности рыться в архивах и читать редкие сейчас дореволюционные издания. Автор адресуется в первую очередь к учителям литературы и истории, студентам гуманитарных факультетов, школьникам старших классов и всем, кто живо интересуется историко-литературным прошлым тех мест, которые мы называем Тамбовским краем.

Пользуюсь случаем, чтобы горячо поблагодарить известного советского литературоведа, доктора филологических наук, профессора Виктора Андрониковича Мануйлова за помощь, оказанную мне при подготовке этой книги.





«Хотя Тарханы и Пензенской губернии...»

20 декабря 1835 года корнету лейб-гвардии гусарского полка Михаилу Лермонтову было дозволено уйти в испрашиваемый им отпуск...

Михаил Юрьевич еще и еще раз вчитывается в строки письма, которое накануне прислала ему бабушка из Тархан. Милая, родная старушка! Ждет не дождется она любимого внучка, ненаглядного Мишеля.

«...Хотя Тарханы и Пензенской губернии, — пишет Е. А. Арсеньева, — но на Пензу ехать с лишком двести верст крюку, то из Москвы должно ехать на Рязань, на Козлов и на Тамбов, а из Тамбова — на Кирсанов в Чембар...» [1]

В Москве пришлось немного задержаться. Затем кибитка, запряженная цугом двумя вороными, понеслась по рязанским перелескам, мимо намертво скованных льдом широких рек и утиных озер. У деревни Черемушки большак делает резкий поворот вправо и теряется в бесконечном белом безмолвии. Вот она, тамбовская степь, некогда южная граница государства русского! Черными пунктирами крыш обозначены встреч-

ные села. Нет-нет да выступят в морозной дымке, словно миражи в пустыне, оголенные дубравы.

Зима выдалась лютая: морозная и вьюжная. В тот год Е. А. Арсеньева сообщала в одном из писем: «Какова у вас зима, а у нас морозы доходят до 30 градусов, но пуще всего почти всякий день метель, снегу такое множество, что везде бугры... ветра ужасные, очень давно такой жестокой зимы не было» [2].

Сугробы — выше кибитки. Таких снегов не довелось увидать Лермонтову ни на петербургских, ни на новгородских дорогах. Вот, может, только в степной Саратовщине да под Пензой.

Вспомнит Михаил Юрьевич тамбовские снега на далеком Кавказе, путешествуя по Чертовой долине в Грузии. И напишет в «Бэле»: «Эта долина была завалена снеговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратов, Тамбов и прочие милые места нашего отечества» [3].

От границ губернии и до Тамбова путь пролег по астраханской дороге. Это старый караванный тракт, которым ходили еще в Золотую Орду и обратно. Помнит дорога и татарских купцов, и персидских послов. В лермонтовские времена путь на Астрахань был всегда оживленным. «Главный тракт, — свидетельствует документ, — по которому более бывает проезжающих, есть из Москвы через Тамбов в Астрахань, на станциях сего тракта содержится по 20 лошадей и в нужных местах выстроены для проезжающих почтовые дома» [4].

Уездный городишко Козлов. Здесь лошадям дают отдохнуть. В трактире можно погреть себя обжигающим душистым чаем.

Из Козлова большак берет путь на юго-восток. Местами дорога вплотную подходит к остаткам некогда могучего вала, защищавшего русские границы от татарских и ногайских полчищ. Весь в снегу, он напо-

минает сейчас кавказские отроги, которые довелось видеть поэту в детстве.

Между Козловом и Тамбовом остановка в Покровском-Сабурове. Название села должно заинтересовать. Фамилия Сабуровых поэту хорошо знакома. Родственники владельца тамбовского имения братья Сергей, Михаил и Владимир Сабуровы учились вместе с Лермонтовым в Московском университетском благородном пансионе, а к их сестре Софье поэт был неравнодушен. Михаилу, с которым дружили и ссорились, Лермонтов посвящал стихи:

Вот, друг, плоды моей
небрежной музы!
Оттенок чувств несу тебе я в дар.
Хоть ты презрел священной
дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...[5]

И прозаическое добавление к одному из стихотворений: «К Сабурову — наша дружба смешана с столькими разрывами и сплетнями, что воспоминания об ней совсем не веселы. Этот человек имеет женский характер. Я сам не знаю, отчего так дорожил им»[6].

Тамбов... Блестят на солнце маковки церквей. Горят купола собора — величественного, далеко окрест видного. Улицы — небольшие, но прямы, как петербургские. На Дворянской снег расчищен, и вороные высекают из мостовой искры...

От губернской столицы и аж за Рассказово с двух сторон к большаку подступил лес. Скрипят на ветру, на мороз жалуясь, зеленые ели. Серебряным инеем запорошены лохматые ветви.

Ямщики этих мест побаиваются. Особенно вот того темного лесочка, ему в народе прозвище — «бездушный куст».

— Пошто крестишься? — спросит седок, если он любопытный.



М. Ю. Лермонтов. Портрет маслом П. Заболоцкого. 1837 г.

— Место лихое, барин. Разбойнички, от отца слышал, здесь прятались. А при Пугачеве его люди тут табором стояли...

— Это как же пугачевцы здесь очутились?

— Из пензенских краев, сказывают, из Чембарского уезда...

Из Рассказова до Кирсанова путь тянется строго на восток. Как и астраханская, дорога старая, издавна связывающая тамбовские земли со средним Поволжьем. В наши дни асфальтовая лента пересекает крупные села Платоновку, Ковылку, Калаис. В тридцатых годах прошлого века тракт проходил несколько севернее. В 1834 году этим путем ехал в Тамбов с многочисленной свитой Николай I. В сохранившемся в Государственном архиве Тамбовской области «Деле о высочайшем путешествии государя-императора через Тамбовскую губернию» [7] названы почтовые станции на участке Кирсанов-Тамбов. Они располагались в селах Рождественском и Хмелинке.

Заглянем в старый справочник, чтобы узнать, что представляли собой эти два селения.

Рождественское — «село казенное при речке Большой Ломовис. Дворов 213. Жителей мужского пола 861, женского пола — 902. Церковь православная. Базары по воскресеньям. Почтовая станция. Мельница. Этапный дом». Хмелинка — «село казенное при реке Хмелинке. Дворов 218. Жителей мужского пола 708, женского пола — 744. Церковь православная. Почтовая станция. Мельница» [8].

На всем протяжении от Тамбова до Кирсанова тракт содержался в порядке, был обсажен деревьями. Один из путешественников, прошедший этим путем задолго до Лермонтова, записал в дневнике: «по обе стороны дороги пошли будки плетневые и в онных посажены деревья».

Итак, две короткие остановки в Рождественском и



Тройка в санях у почтовой станции. Рисунок М. Ю. Лермонтова.
1832—1834 гг.

Хмелинке и снова в путь. Снова — белая простыня степи. Сизый дым стелется над избами встречных селений. Пронзительный ветерок теребит гривы вороных. И так до самого Кирсанова — города, ловко раскидавшего свои улочки на заметном холме. Отсюда до родных мест рукой подать. Бабушка рассказывала, что в дни ее молодости по всем делам обращались сюда, а не в Чембар: Кирсанов был тогда центром огромного уезда, куда входили и Тарханы. Не пропускают тарханские мужики, что побогаче, ни одной кирсановской ярмарки. Забегая вперед, сообщим: многие из них придут в этот город встретить гроб с прахом своего молодого барина, злодейски застреленного на Кавказе... [9]

Позади Кирсанов. Теперь дорога прямой стрелой уходит на север. Последняя станция на территории Тамбовской губернии на этом тракте — село Гавриловка. В конце XVIII века Павел I подарил село своему любимцу — действительному тайному советнику и сенатору Федору Федоровичу Вадковскому. После его смерти владельцем Гавриловки стали сыновья Ф. Ф. Вадковского Федор и Александр. Оба они — декабристы, члены Южного общества, руководимого П. Пестелем. Федор томился в сибирской ссылке, Александр жил под надзором полиции в кирсановском имении.

С братьями-декабристами Вадковскими Михаил Юрьевич знаком не был. Но их дальний родственник по отцу Иван Яковлевич Вадковский учился вместе с поэтом в Московском благородном пансионе. По характеристике Лермонтова, это был «...любезный кавалер... гвардейский офицер» [10]. А жена И. Я. Вадковского — Александра Александровна — находилась в родстве с самим Лермонтовым. Сохранился текст записки поэта, в которой он называет ее «милой кузиной» [11].

...Птицей летят вороные. Спешит седок — корнет и лейб-гвардии гусар Михайло Лермонтов сын

Юрьев — в страну своего детства. Пройдет несколько дней, и Арсеньева — бабушка — поделится с приятельницей радостной новостью: «Миша приехал ко мне накануне Нового года» [12].

* * *

Путешествие М. Ю. Лермонтова по тамбовским дорогам зимой 1835—1836 годов не было единственным. Поэт бывал на Тамбовщине и раньше.

Осенью 1827 года Е. А. Арсеньева повезла тринадцатилетнего Мишеля в Москву для определения его в университетский благородный пансион. Летом следующего года Лермонтов приезжал в Тарханы на каникулы.

Какой путь проделывал он тогда? Дорога через Козлов — Тамбов — Кирсанов, уже нам знакомая, исключается. Иначе зачем бы потребовалось Е. А. Арсеньевой этот маршрут описывать столь подробно в своем письме от октября 1835 года?

В 1827—1828 годах М. Ю. Лермонтов ездил из Тархан в Москву и обратно, минуя Нижний Ломов, Спасск и Рязань. Это был кратчайший путь, соединяющий Чембар с древней русской столицей. Значительная часть его проходила по северным уездам Тамбовской губернии: Спасскому и Темниковскому.

В 1829 году этой дорогой проследовал земляк поэта молодой В. Г. Белинский. Свои дорожные впечатления он отразил в «Журнале моей поездки в Москву и пребывания в оной». Эти скупые зарисовки очень ценны для нас: ведь то, что наблюдал Белинский, не мог не заметить и Лермонтов.

«Увидевши Ломов, — свидетельствует будущий критик, — я подумал, что нет в России города хуже Чембара по строению; увидевши же Спасск, я узнал всю несправедливость и несостоятельность моего за-



Е. А. Арсеньева. Гравюра М. Зибольда.

ключения. Этот городишко не стоит и того, чтобы о нем говорить: представьте себе, он не имеет казенного дома для присутственных мест, которые размещены по разным лачугам; нет ни одного каменного дома, только домов десяток, крытых тесом... словом, Спасск есть не что иное, как довольно хорошее село и довольно гнусный городишко. Впрочем, это я говорю-то о наружнем, а не внутреннем его достоинстве» [13].

Большое впечатление произвела на Белинского красавица Цна: «На дороге от Спасска до Старой Рязани мы переправлялись на пароме через Цну. Вы не можете себе представить, в каком я был восхищении... Цна довольно быстра и широка: по ней ходят барки, которые я в первый раз увидел» [14].

А дальше — пески и леса, леса и пески. Иногда приходилось спрыгивать с брички и помогать лошадям — «в иных местах колеса увязали почти по ступицу» [15].

Возникает вопрос: почему в своем письме к внуку Е. А. Арсеньева не предлагает ему дорогу, которой они уже однажды добирались в Москву, а советует ехать через Козлов, Тамбов и Кирсанов? Была вьюжная и снежная зима. Бабка поэта не могла не знать, что Астраханский и Саратовский тракты в любое время года были преодолимы легко, так как специально поддерживались: крестьян окрестных сел сгоняли счищать снег, засыпать колдобины. Путь на Нижний Ломов и Спасск не являлся, говоря по-современному, дорогой государственного значения, здесь можно было и застрять. Оставался, правда, еще один вариант: добираться через Пензу. Но тогда надо было делать двести верст крюку, и Е. А. Арсеньева справедливо предостерегла Михаила Юрьевича от этого.



Легенды и факты

Экскурсионный автобус колесит по Тамбову.

Мы уже побывали в индустриальной, северной части города. Поднимались на западные высоты с широко раскинувшимися кварталами большого жилого района. С крутого левого берега Цны любовались неповторимыми красотами речной поймы, кудрявыми островками, омываемыми протоками.

Теперь наш путь по старому Тамбову, тому Тамбову, каким был он пятьдесят, а то и сто лет назад. Экскурсовод, как и положено, не скупился на пояснения:

— Посмотрите направо. Видите здание с колоннами? Типичный российский ампир начала прошлого века. Сейчас здесь хлебозавод. До революции дом принадлежал купцу Суворову. Здесь бывал Лермонтов...

— Вот этот дом построил генерал Андреевский — тамбовский помещик, участник Отечественной войны 1812 года. У него останавливался Лермонтов...

— Обратите внимание на двухэтажное здание напротив облисполкома. Оно реконструировано в послед-

ние годы. В лермонтовские времена дом выглядел иначе. Тут жили дворяне Протасьевы — заядлые картежники. Поэт гостил у них и, разумеется, играл в карты...

Когда все было объезжено и осмотрено, я поинтересовался у экскурсовода: откуда у него такая осведомленность в отношении Михаила Юрьевича Лермонтова.

— Как откуда? — удивился тот вопросу. — Сведения не секретные. Об этом же пишут в краеведческой литературе...

...Из поколения в поколение передаются в Тамбове легенды о посещении города М. Ю. Лермонтовым. С годами они видоизменяются, обрастают все новыми, порой фантастическими подробностями. Сторож-истопник Государственного архива Тамбовской области показывал мне место, где стоял, по его утверждению, тополь, посаженный... поэтом. Так сказывается своеобразный местный патриотизм, благородное желание приобщиться к одному из великих родников, питающих нашу культуру.

Из всех преданий, связанных с именем Михаила Юрьевича, особого внимания заслуживают два. О музыкальном вечере, на котором якобы М. Ю. Лермонтов встретился с известным композитором уроженцем Тамбовщины А. Н. Верстовским и последний под собственный аккомпанемент исполнил арию Торопки из оперы «Аскольдова могила». В одном варианте легенды это произошло в доме Воронцовых-Дашковых, во втором — у купца Суворова, в третьем — у Протасьевых. И о посещении поэтом «карточного клуба» Протасьевых, где денно и нощно резались в вист и другие азартные игры.

Всем, кому доводилось интересоваться тамбовской историей, конечно же, хорошо известно имя Д. Богданова. Краевед-энтузиаст, он всю свою жизнь посвятил изучению местной старины, часто и интересно вы-

ступал на страницах печати, а его книга «Г. Р. Державин в Тамбове», написанная совместно с Б. Дальним, воронежским литератором, получила одобрительную оценку специалистов.

Была у Д. Богданова и слабая черта — он целиком доверялся изустным рассказам старожилов, нередко выдавая их без всякой проверки за подлинные исторические факты. Так случилось и с легендами о М. Ю. Лермонтове.

В 1935 году в журнале «Подъем» Д. Богданов опубликовал статью «Лермонтов в Тамбове»[1]. Не жалея красок, повествует автор и о музыкальном вечере, и о карточных сражениях, которые-де наблюдал поэт. Причем о том, что это только предания, — ни слова.

С «легкой руки» авторитетного краеведа легенды получили своеобразные права гражданства. Теперь пишущим есть на что сослаться. Статья «Лермонтов в Тамбове» цитируется как источник. Упоминания о музыкальном вечере кочуют по местным изданиям, не минуя даже те, которые рекомендуются в качестве методических разработок и учебных пособий по школьному краеведению[2]. Проникают они и в центральную печать. Б. Грановский — автор серьезной исследовательской статьи о народных истоках творчества А. Н. Верстовского — не удержался от соблазна сообщить: «В 1836 году в Тамбове, в доме помещика Протасова (Протасьева! — В. П.), Верстовский встретился впервые с Лермонтовым. В присутствии поэта он исполнил песню Торопки из «Аскольдовой могилы»[3].

Лермонтоведы, как и следовало ожидать, этим сообщениям, не представляющим научного интереса, никакого значения не придают. Ни в одной серьезной литературоведческой работе вы не найдете упоминания о посещении Лермонтовым Тамбова, как о факте бесспорном, а не предположительном. И возразить против этого нельзя.

Однако любая легенда, миф, предания содержат крупицу истины. Может быть, есть она и в многочисленных тамбовских рассказах о поэте?

Нет никаких оснований предполагать, что Михаил Юрьевич не воспользовался советом бабки и проследовал из Москвы в Тарханы не через Козлов, Тамбов, Кирсанов, а через Пензу. Известно, что поэт выехал из Петербурга 20 декабря 1835 года, а 31 уже был в Тарханах. Три дня, проведенные в Москве, не в счет. Значит, на всю дорогу — свыше тысячи зимних верст — ушло девять-десять дней. Из Петербурга в Москву по тем временам добирались на четвертые-пятые сутки. Примерно такое же расстояние отделяет Москву от Тархан. Следовательно, в запасе у Лермонтова был день-другой.

Вполне вероятно, что, возвращаясь в Петербург, поэт проделал тот же самый путь, то есть проезжал опять через Тамбов. Мы знаем, что 14 марта 1836 года — последний день отпуска Лермонтова, а 30 или 31 марта он уже навестил в Петербурге одного из своих родственников. И здесь расчет времени почти такой же, как и в первом случае.

От Тамбова до Тархан — неполный день езды. Поэтому наиболее реально предположение: Тамбов был последней остановкой и ночевкой Лермонтова на пути в Тарханы и первой — на обратном пути, и поэт при желании мог немного задержаться в городе.

Биография А. Н. Верстовского не изучена настолько, чтобы знать, где он был в декабре 1835 — марте 1836 годов, то есть могла ли произойти его встреча с М. Ю. Лермонтовым в Тамбове. О музыкальных вечерах должны быть непременные сообщения в местной прессе, но газета «Губернские ведомости», основанная еще при Г. Р. Державине в 1786 году, вскоре после его удаления из Тамбова прекратила свое существование; ее выход возобновился лишь весной 1838 года, когда

тамбовским гражданским губернатором стал просвещенный либерал, лицейский однокашник А. С. Пушкина Александр Алексеевич Корнилов[4]. Комплекты «Губернских ведомостей» конца тридцатых — начала сороковых годов прошлого века не сохранились. Найти какие-либо архивные свидетельства о музыкальных вечерах в Тамбове в 1835—1836 годах, к сожалению, не удалось. Но что-то об этих вечерах поэт знал, может быть, действительно на одном из них присутствовал. Иначе как объяснить строки из «Тамбовской казначейши»:

И там нет средства от глупцов
И музыкальных вечеров.[5]

Ниже мы убедимся: во время наиболее вероятного посещения Тамбова Михаилом Юрьевичем Лермонтовым в городе проживали его сокурсники по Московскому университетскому пансиону И. Р. Грузинов и П. В. Боборыкин — юноши из семейств богатых и знатных. Мог он здесь встретить и других знакомцев. Их рекомендации открыли бы перед безвестным лейб-гусарским корнетом двери модных тамбовских гостиных в домах у Воронцовых-Дашковых, Протасьевых или Суворова...

...Великому Пушкину никогда не доводилось ступать на тамбовскую землю. А в трех селах только нынешней Тамбовской области рассказывают довольно правдоподобные мифы о посещении поэтом здешних мест. Надо ли удивляться, что так живучи легенды, связывающие Михаила Юрьевича с нашим городом — городом, который он запечатлел своим бессмертным пером!



„Там есть три улицы прямые...»

Мне кажется, что я не встречал ни одного описания старого Тамбова, где бы не приводились знаменитые лермонтовские строки о «карте генеральной». С одной стороны, это свидетельствует о приверженности многих наших литераторов и журналистов к трафаретам, штампам. А с другой стороны, как тут не воздать должное мастерству великого поэта, сумевшего несколькими скупыми мазками нарисовать картину такой убедительной силы, что уже ничто не в состоянии вытравить ее из сознания.

Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда;
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари и мостовые,
Там два трактира есть, один
«Московский», а другой
                                        «Берлин».
Там есть еще четыре будки,
При них два будочника есть;
По форме отдают вам честь,
И смена им два раза в сутки...[1]

Можно перечитать десятки описаний Тамбова начала первой половины прошлого века, но к этим строкам поэта трудно что-либо добавить. Зарисовка не только абсолютно точная, но и исчерпывающая: в ней верно подмечены все основные штрихи города тех лет.

Мы уже говорили: пребывание Михаила Юрьевича Лермонтова в Тамбове документально ничем не доказано. Этим обстоятельством и пользуются скептики. Кто знает, возражают они, что Лермонтов воспользовался советом бабушки и поехал в Тарханы через Козлов и Тамбов, а не через Пензу? Никто не знает. А написать «три улицы прямые, и фонари, и мостовые...» он мог и с чьих-то слов.

Со скептиками спорить трудно. И все же, когда вдумываешься в каждую строчку лермонтовской зарисовки города, то не остается никаких сомнений: чтобы так написать, надо все самому увидеть. Ибо характеристика ощутимо зрительная. Судите сами...

Там есть три улицы прямые...

До восьмидесятых годов XVIII века город застраивался беспорядочно. Улиц по существу не было. Домики ютились вдоль оврагов и на холмах.

В начале марта 1786 года в Тамбов прибыл новый губернатор — прославленный российский поэт Гавриил Романович Державин. Энергично берется он за дело. Много сил и энергии отдает благоустройству города. По распоряжению губернатора был составлен план Тамбова, и началась застройка по этому плану. Городская земля теперь стала отводиться жителям лишь в том случае, если они давали обязательства строиться на ней по установленному порядку. Наметились улицы, существующие и до сих пор. Прямыми стрелами вытянулись Дворянская (ныне Интернациональная), Большая Астраханская (ныне Советская) и Долевая (ныне Карла Маркса).

И фонари, и мостовые...

Г. Р. Державин планирует замостить проезжую часть главных городских улиц, ибо иного выхода не было: в осеннюю и весеннюю распутицы всякое движение приостанавливалось, и жизнь в городе замирала. Потребовалось большое количество камня. Державину сообщили, что помещик Лунин — отец декабриста — имеет каменоломню в своем имении в селе Инжавинье (Инжавино) Кирсановского уезда. Губернатор предложил ему взять на себя заготовку камня, но Лунин отказался. Затем были обнаружены крупные залежи камня на землях богатого помещика Льва Нарышкина. Этот тоже не разрешил разработку камня и в письме к Державину даже выразил недовольство тем, что «господин губернатор вмешивается в дела чужого имения». Так благие намерения Гавриила Романовича разбились о косность и чванство местной знати.

Мощение улиц началось лишь в 1822 году. Выполнить эту работу, конечно не без корысти, взялся козловский купец Федор Александрович Блазнин. Он пустил в дело кирпич, изготовленный еще при Державине и сорок лет пролежавший без употребления, добавив к нему немного битого камня. Таким способом было замощено «2400 квадратных саженей» на Большой Астраханской улице [2].

А когда через два года стали готовиться к приезду царя, на Большой Астраханской в срочном порядке установили масляные фонари.

Там два трактира есть: один
«Московский», а другой «Берлин».

Оба здания до наших дней не сохранились. Гостиница и трактир «Московский» помещались на углу Дворянской и Долевой, на том месте, где сейчас находится ресторан «Цна». «Берлин» располагался на углу Большой Астраханской и Дубовой (ныне Комсомоль-

ская), здесь впоследствии был построен первый в Тамбове кинематограф «Модерн». Про «Берлин» известно и то, что его владельцем был итальянец Доминико Пивато.

Во время Отечественной войны 1812 года в Тамбове и губернии содержалось несколько тысяч военнопленных из «великой» армии Наполеона: французы, итальянцы, испанцы, поляки, немцы. Офицеры пользовались полной свободой, помещики наперебой приглашали их в гости в свои имения. «Я готов думать,— писал один из военнопленных, — что французу здесь лучше, чем на родине, он отовсюду встречает здесь незаслуженное расположение» [3]. В 1813 году пленных начали постепенно отпускать на родину, но многие не захотели вернуться и остались в Тамбове в качестве учителей, гувернеров или занялись коммерцией. В их числе оказался и предприимчивый Доминико Пивато.

Итальянец быстро обрусел. На обнаруженном мною в архиве документе, относящемся к 1818 году, он уже подписался, как «купец второй гильдии Демид Иванович Пивато» [4].

Там есть еще четыре будки,
При них два будочника есть;
По форме отдают вам честь,
И смена им два раза в сутки...

Здесь поэт допустил неточность. Будок было не четыре, а шесть, будочников, соответственно, три. Будки стояли на заставах попарно при въезде в город на моршанской, козловской и астраханской дорогах. Знакомясь с Тамбовом, Лермонтов, видимо, не увидел астраханской заставы, она находилась в сравнительно большом удалении от центра (верстах в двух). Будки были покрашены в серо-черную полоску и украшены гербами. Изображение заставы на казловской дороге



Тамбов. Гостиница «Интернациональная». На этом месте располагался трактир «Московский». Фото Е. Писарева.

можно еще и сейчас встретить на фотографиях конца прошлого — начала нынешнего века.

Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядывает Цна... [5].

Писать о Тамбове и не упомянуть Цну просто нельзя. Немногие из рек центральной степной России могут поспорить с ней своей красотой. В рассказе «Касьян с Красивой Мечи» устами своего героя И. С. Тургенев ласково называет Цну «голубкой».

Если бы Лермонтов приехал в Тамбов лет на семь-восемь раньше, он никакой Цны и не заметил бы. До начала тридцатых годов прошлого века русло реки проходило в нескольких верстах от города. В 1812 году местные власти решили соорудить обводной канал, чтобы подвести Цну вплотную к Тамбову. Благо даровой рабочей силы было в избытке — пленные солдаты французской армии. Дело, правда, закончили лишь в конце двадцатых — начале тридцатых годов и опять не без помощи пленных солдат — на сей раз турецких.

Когда лишь купола собора
Роскошно золотит Аврора... [6]

Казанский собор, расположенный на территории одноименного монастыря, по свидетельству современников, обращал на себя внимание всех приезжающих в город. Литератор, журналист, известный путешественник Андрей Болотов, дважды посетивший Тамбов, в 1768 году писал: «Едучи через сей город, веселился я опять зрением на великолепное и красивое здание архирейского дома и монастыря...» [7] Большие золоченые купола монастырского собора не случайно запечатлелись и в памяти поэта.

И, тишины известный враг,
Еще безмолвствовал кабак... [8]



Тамбов. Кинотеатр «Звезда». На этом месте располагался трактир «Берлин». Фото Е. Писарева.

«Враг тишины» принадлежал богатому купцу Толмачеву и размещался на месте нынешней конторы государственного банка. (В лермонтовские времена улица именовалась Знаменской, теперь — Октябрьской.) В простонародье кабак называли «бесшапочным». Дело в том, что напротив находились присутственные места, и основными посетителями этого питейного заведения были «приказные» — мелкие чиновники. Даже не надевая шапок, они то и дело бегали туда, чтобы пропустить очередной шкалик. А изрядно подгуляв, многие тут же засыпали. Пьяные оргии, драки, вечный шум и гам — все это создало кабаку Толмачева дурную репутацию в городе.

Там зданье лучшее острог...

Эту строку в позднейших изданиях поэмы искать бесполезно. Она исчезла. И вот почему.

Известно, что «Тамбовская казначейша» была сильно искромсана цензурой. Целые строфы были вымараны и заменены точками. Еще недостаточно искушенный в таких тонкостях поэт пришел в ярость. «...Я застал Лермонтова,— вспоминал И. И. Панаев,— у г. Краевского в сильном волнении... Он держал тоненькую розовую книжечку «Современника» в руке и покушался было разорвать ее, но г. Краевский не допустил его до этого.

— Это черт знает, что такое! Позволительно ли делать такие вещи! — говорил Лермонтов, размахивая книжечкой... — Это ни на что не похоже!

Он подсел к столу, взял толстый карандаш и на обертке «Современника», где была напечатана его «Казначейша», набросал какую-то карикатуру» [9].

Полный автограф «Тамбовской казначейши» не сохранился или до сих пор не найден. Поэтому восстановить выброшенные цензурой строчки поэмы не представляется возможным. Правда, первый биограф и из-

датель полного собрания сочинений поэта П. А. Висковатов пытался это сделать с помощью А. П. Шан-Гирея — близкого родственника и друга Лермонтова, который знал поэму на память. Так в висковатовских изданиях многие пропуски были заменены строчками. Среди них появилась и вышеприведенная...

Однако советские редакторы М. Ю. Лермонтова [10] от вписанных П. А. Висковатовым строк отказались. И в поэме снова перед строкой «короче, славный городок» появилось многоточие.

В данном случае, на мой взгляд, осторожность излишняя. «Там зданье лучшее — острог» органически вписывается в текст поэмы. Во-первых, строка соответствует тому шутливо-добродушному тону, которым повествует поэт о захолустном губернском городе («теперь он, право, хоть куда», «короче, славный городок»). А во-вторых, местный острог был в самом деле заметным для Тамбова тех лет сооружением, и поэт, знакомясь с городом, не мог не обратить на него внимания. Построил его в начале века один из местных купцов и в 1818 году продал «казне» за девятнадцать тысяч рублей. «Тюремный замок, — читаем мы в документе, — каменный, двухэтажный, при нем пять каменных флигелей...» [11]

* * *

Есть в описании Тамбова у М. Ю. Лермонтова строки, которые на первый взгляд кажутся не совсем понятными.

Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.

Почему опальный? Что имеет в виду поэт?

В шеститомном академическом издании сочинений М. Ю. Лермонтова в комментариях к «Тамбовской казначейше» находим: «Он прежде город был опаль-

ный...» — по местным преданиям, Тамбов когда-то был ссылочным местом, своего рода Сибирью»[12]. Эти строки взяты из большого очерка дореволюционного тамбовского краеведа и историка И. И. Дубасова, опубликованного в десятом номере журнала «Исторический вестник» за 1884 год.

Но такой комментарий мало что объясняет. Сам Дубасов свидетельствует: «Местное предание неверно. Тамбов никогда не был Читой...»[13]

Известно, что дважды в наш город высылали знаменитого грузинского поэта Александра Чавчавадзе — тестя А. С. Грибоедова. Почти шесть лет в Тамбове провел земляк Чавчавадзе — царевич и каталикос Антоний, четвертый сын последнего грузинского царя Ираклия. Но разве это была ссылка! Получавший солидное по тем временам денежное вознаграждение (десять тысяч золотых рублей в год), окруженный пышной свитой, царевич, несмотря на свой «святой» сан, вел жизнь праздную и отнюдь не целомудренную. Сорил деньгами направо и налево. Влез в огромные долги — около ста девяноста тысяч рублей. И обратился к царю с таким письмом: «Я во время московского разорения потерпел большие убытки и не имею состояния, а если мне платить долги из жалованья, то самому останется мало»[14].

И. И. Дубасов, перерывший огромное количество документов присутственных мест, пришел к выводу: Тамбов до середины прошлого века никогда не был местом ссылки ни для политических преступников, ни для уголовников. Правда, в утверждении Дубасова можно еще усомниться, так как он не имел возможности познакомиться с секретными материалами из канцелярии гражданского губернатора и поэтому многого просто не мог знать.

...Перелистываю несколько довольно объемистых папок. О ссыльных никаких свидетельств. И лишь в

«Деле о списке лиц, находящихся под полицейским надзором» за 1812 год наряду с местным фабрикантом Лионом и каким-то ротмистром есть упоминание о докторе Спейере, сосланном «в Тамбов для жития... согласно воле государя-императора» [15].

Эти примеры ни о чем не говорят. В самом деле, какой из губернских городов центральной России никогда не был местом ссылки? Воронеж, Калуга, Орел? Нет... И в то же время никому не пришло бы в голову называть эти города опальными. Да и мог ли М. Ю. Лермонтов употребить слово «опальный» по отношению к месту ссылки? Людей, которых ссылали, например, в Сибирь, опальными называют, но ведь саму Сибирь не назовешь опальной.

В своем толковом словаре В. Даль в числе синонимов слова «опала» называет «гнев» и «немилость». Он — Тамбов — был раньше в немилости, был заброшенным, запущенным городом, а теперь стал «хоть куда» — не это ли имел в виду поэт?

В царствование Петра I, когда Россия вышла к берегам Азовского моря, Тамбов целиком утратил свое значение как опорный пункт в борьбе с крымскими и ногайскими татарами. Город приходит в запустение. Население растет медленно, казенные здания ветшают. Нужных ассигнований из центра не поступало. Широким планам Г. Р. Державина по благоустройству и даже своего рода реконструкции Тамбова не суждено было сбыться. А после его удаления в 1788 году и до 1814 года побывавшие в крае 13 губернаторов больше помышляли не о благоустройстве города, а о личном обогащении. Губернский Тамбов продолжал оставаться «большим черноземным селом».

И лишь в конце двадцатых и начале тридцатых годов город начинает менять свой облик. Возводятся каменные здания (гостиный двор, публичная библиотека, присутственные места, особняки купцов Суворова,

Малина, Толмачева и т. д.). Улицы замащиваются камнем и освещаются («... и фонари, и мостовые...»).

К 1835 году — времени наиболее вероятного посещения М. Ю. Лермонтовым Тамбова — город уже выглядел довольно прилично.

Конечно, «хоть куда» — шутливое преувеличение поэта. Побывавший в середине сороковых годов в Тамбове артист И. И. Лавров восклицал: «Ну уж здесь и грязь! Просто ног не вытащишь! Как это тамбовцы ходят и ездят?» [16]

Впоследствии Тамбов действительно станет «своего рода Сибирью». В город и губернию будут сосланы на постоянное и временное жительство большие группы поляков — участников восстания 1863 года. А тамбовскому обывателю конца XIX века будет казаться: в город испокон веков ссылали... Отсюда и местные легенды, которые и приводит и опровергает в своем очерке И. И. Дубасов. Да и возникли они, как своего рода комментарий к строке из поэмы М. Ю. Лермонтова.

Неудачный комментарий!



Была ли казначейша тамбовской?

Захватывающие события разыгрались в городе, который, хотя и перестал быть опальным, но на генеральных картах (вот беда!) не всегда еще обозначается кружочком. Еще бы: старик казначей проиграл в карты законную жену. Раскрасавицу Дуню — Авдотью Николаевну:

В Тамбове не запомнят люди
Такой высокой, полной груди:
Бела как сахар, так нежна,
Что жилка каждая видна.

Казалося, для нежной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну что такое бирюза?
Что небо?..

А этот носик! Эти губки,
Два свежих розовых листка!
А перламутровые зубки,
А голос сладкий, как мечта! [1]

И штаб-ротмистр хорош, ничего не скажешь:

...Ее в охапку
Схватив, с добычей дорогой,
Забыв расчеты, саблю, шапку,
Улан отправился домой. [2]



Иллюстрация к «Тамбовской казначейше».
Рисунок Ф. Китена.

Чем не повод для пересудов в небольшом городке?

Неделю целую спустя,
Кто очень важно, кто шутя,
Об этом все распространялись...[3]

...Что это — действительное событие, ожившее под пером поэта, или плод его богатого воображения? Другими словами, придуман сюжет «Тамбовской казначейши» или он взят из жизни?

Тщетные попытки ответить на эти вопросы предпринимались еще в прошлом веке. Тот факт, что не только архивные материалы, но даже местные легенды никак не комментировали необыкновенный случай проигрыша в карты жены, не остановил краеведов. Коль описание города отличается завидной точностью, рассуждали они, может быть, документально и все остальное?

Один дореволюционный краевед решил выяснить, какая из воинских частей находилась в Тамбове во время вероятных событий, описанных М. Ю. Лермонтовым. Как это сделать? Он пошел таким путем. Из строк:

Таков-то был штаб-ротмистр Гарин:
По крайней мере, мой портрет
Был схож тому назад пять лет...[4]

наш исследователь заключил, что уланский полк находился в Тамбове за пять лет до написания «Казначейши», примерно в 1830—1832 годах. Известна масть полковых коней:

Услыша ласковое ржанье
Желанных вороных коней...[5]

Затем надо было узнать, в каком из полков двенадцати русских уланских дивизий имелись лошади вороной масти. Оказалось, в четырех. Из них Волынский полк однажды действительно побывал в Тамбо-



Иллюстрация к «Тамбовской казначейше». Рисунок К. Флавицкого.

ве еще в двадцатых годах прошлого века [6]. Что это дало? Ничего, хотя труд был затрачен немалый.

Уже в наше время саратовский исследователь Л. Прокопенко, зная, что Лермонтов часто наделял героев своих произведений именами, которые носили их прообразы, начал разыскивать следы штаб-ротмистра Гарина. В справочнике «Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии с показанием чинов, фамилий и знаков отличия» на 1831 год он среди офицеров Новороссийского драгунского полка обнаружил Николая Прокофьевича Гарина. Тот служил в полку с 1829 по 1841 год, участвовал в русско-турецкой войне в Малой Валахии (Молдавии).

К окну поспешно он садится,
Надев персидский архалук;
В устах его едва дымится
Узорный бисерный чубук.
На кудри мягкие надета
Ермолка вишневого цвета
С каймой и кистью золотой,
Дар молдаванки молодой...[7]

К тому же в 1835 году Новороссийский драгунский полк участвовал в больших маневрах в центральной России и по пути из Орла в Воронеж проходил через Тамбов, а Н. П. Гарин вышел в отставку ротмистром, то есть чином выше, чем Гарин лермонтовский [8].

Что ж, возможно, поэт и был знаком с Н. П. Гариным. Но в «Тамбовской казначейше» фигурируют не драгуны, а уланы, полк не проходит через губернский центр, а зимует в нем.

Все попытки установить, какие воинские полки квартировали в Тамбове в начале тридцатых годов, не могли привести к результатам хотя бы потому, что после войны 1812 года на протяжении многих лет в городе не было никаких войск, кроме батальона внутренней стражи, солдаты которого набирались в основном

из крестьян окрестных селений. Уланские, гусарские, драгунские и другие полки обычно проходили Тамбов, следуя на очередные маневры, и в лучшем случае задерживались здесь на день-другой. Исключение составили несколько пехотных частей, присланных в ноябре 1830 года из Козлова и Липецка для подавления холерного бунта. Эти войска были определены в Тамбове на трехмесячный постой — так власти наказывали взбунтовавшийся городской люд. Разумеется, встречали солдат не столь радушно, как улан в «Тамбовской казначейше».

Есть в поэме строки, которые, казалось бы, также могли облегчить поиски: упоминание фамилии губернского казначея («Против гостиницы «Московской», притона буйных усачей, жил некто господин Бобковский, губернский старый казначей» [9].

Дом губернского казначея в самом деле находился недалеко от гостиницы «Московской», но его хозяином был вовсе не «господин Бобковский», а некто Муратов. О нем сведений никаких обнаружить не удалось, кроме того, что губернский казначей не отличался особой щепетильностью и частенько воровал казенные деньги. Присвоив таким образом около сорока тысяч рублей, Муратов угодил под суд [10].

Среди других губернских чиновников наиболее колоритной фигурой был служащий уголовной палаты Гороховский (фамилия чем-то созвучна с фамилией лермонтовского казначея) — хитрый, пронырливый старикан, большой плут и заядлый картежник.

Как мы убедились, о документальной основе сюжета «Тамбовской казначейши» не может быть и речи. Всю эту трагикомическую историю поэт или выдумал или заимствовал из каких-то источников. В частности, исследователи указывают на повесть А. Шидловского «Пригожая казначейша» и рассказ известного немецкого писателя Гофмана «Счастье игрока».



Иллюстрация к «Тамбовской казначейше». Художник А. Бучнев. 1970 г.

«Пригожая казначейша» (Сцены уездного города) была напечатана в 1835 году в «Библиотеке для чтения» — журнале, который М. Ю. Лермонтов, разумеется, читал. В повести рассказывается о том, как отставной армейский поручик похищает у старика казначея предмет своей любви — его жену. А в рассказе Гофмана такой финал: заядлый игрок проигрывает в карты полковнику свою жену. Они давно любят друг друга. Полковник спешит за выигрышем, но находит женщину мертвой. Закономерная концовка романтической новеллы. Последние строфы лермонтовской поэмы явно пародируют Гофмана:

Вы ждали действия? Страстей?
Повсюду нынче ищут драмы,
Все просят крови — даже дамы. [11]

А здесь никакой крови и никакой драмы. Улан спокойно отправился домой, заботливо захватив свой необычный выигрыш. Кумушки в течение недели чесали языки. И все...

Итак, забавная история со штаб-ротмистром, стариком казначеем и его красавицей женой — плод фантазии М. Ю. Лермонтова. Но то, что по воле автора эта история разыгралась именно в Тамбове, вполне объяснимо.

Центр огромной черноземной губернии славился своим пристрастием к картам. Играли дворяне, мещане, купцы, духовенство. Тамбовские власти, посылая запрос московской карточной конторе, писали: «Поелику в Тамбове никаких увеселений нет, кроме карточного клуба... да и в том же городе живет наибольшее число играющих в карты дворян, посему покорнейше просим выполнить наше повышенное требование» [12]. «Повышенное требование» для 1822 года, например, свелось к семи тысячам колод высшего сорта и четырнадцати тысячам колод обыкновенных на баснослов-

ную сумму... в сто семьдесят тысяч рублей! Для сравнения укажем: в том же году город выписал из Москвы книг только на двести пятьдесят рублей шестьдесят пять копеек.

Упомянутый в документе «карточный клуб» помещался в доме тамбовского дворянина Протасьева, который был знаменит еще и тем, что здесь останавливался царь Александр I в 1824 году, проезжая через Тамбов (дом не сохранился, он стоял напротив нынешнего здания облисполкома на углу улиц Советской и Максима Горького). Проигрывались целые состояния:

...крапленые колоды
Не раз невинные доходы
С индеек, масла и овса
Вдруг пожирали в полчаса.[13]

Сюда приезжал попытать свое счастье знаменитый игрок и шулер Толстой-«американец». А однажды игра длилась целый месяц без перерыва. Картежники за столом ели, пили, спали. Неизвестно, чем кончилось бы дело, не вмешайся вовремя полиция. Короче говоря, при таких обстоятельствах проиграть жену было вполне возможно.



Путешествие В. А. Жуковского

В письме к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 года М. Ю. Лермонтов сообщал: «Я был у Жуковского и по его просьбе отнес ему «Тамбовскую казначейшу»; он понес ее к Вяземскому, чтобы прочесть вместе; им очень понравилось, напечатано будет в ближайшем номере «Современника» [1].

Оба первых читателя поэмы были знакомы с городом, где по воле автора развернулись удивительные события. Правда, Петр Андреевич Вяземский последний раз побывал в Тамбове сравнительно давно — в 1828 году. Зато у Василия Андреевича впечатления были самые свежие: прошло чуть больше полугода с того дня, когда бродил он по тамбовским мостовым. Случилось это так...

Весной 1837 года в губернских и уездных городах не только европейской, но и азиатской части России с лихорадочной быстротой наводится «лоск». Губернаторы и градоначальники были под впечатлением тревожной новости: наследник престола Александр Николаевич со свитой отправляется в большое путешествие по стране. Вызвать недовольство будущего императора — значит расстаться с радужными мечтаниями о служеб-



В. А. Жуковский. Портрет К. Брюллова. 1837 г.

ной карьере. Вот и спешат «отцы» городов в срочном порядке привести в надлежащий вид улицы: обывателям дан строгий наказ красить в яркие цвета заборы, убирать мусор и засыпать «ямы со зловониями».

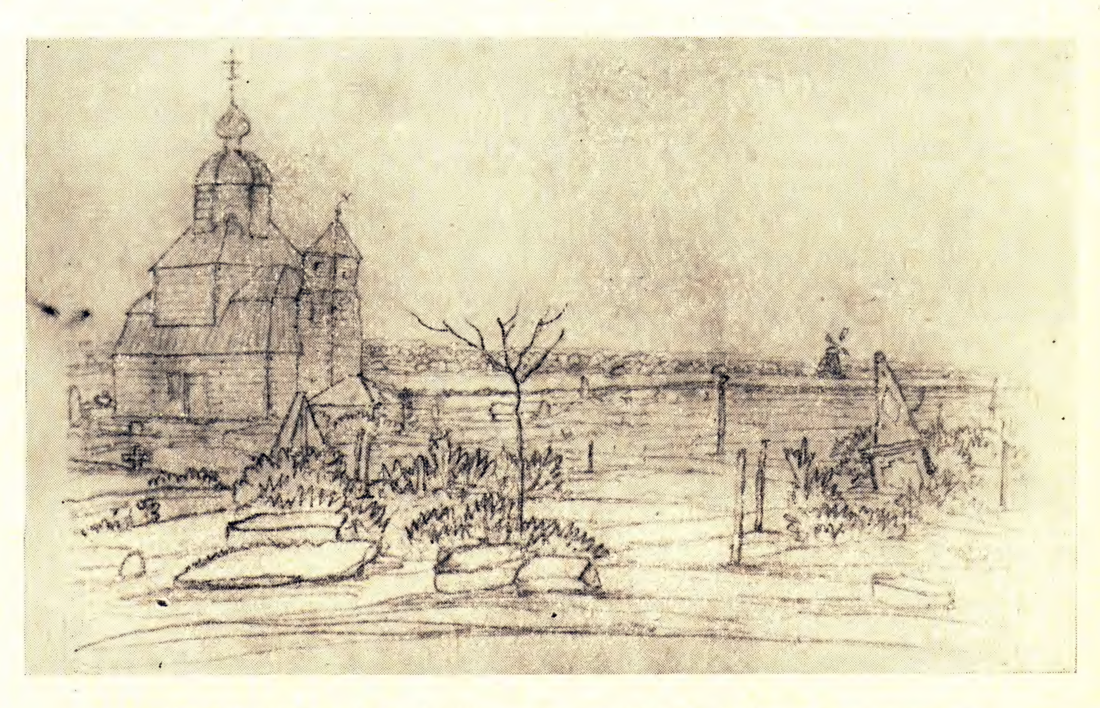
...Много недель тянется по российским дорогам необычный кортеж. В одной из колясок мерно покачивается в такт лошадиному бегу средних лет мужчина со смуглым лицом и жгучими, как смоль, волосами. Прославленный русский поэт Василий Андреевич Жуковский — воспитатель царских детей — путешествует вместе с престолонаследником. В дорожном саквояже автора «Певца во стане русских воинов» и «Светланы» альбом для зарисовок и толстая тетрадь, куда заносятся ежедневные впечатления.

В первый день июля «венценосный» путешественник покинул Пензу. Путь взят на Тамбов. 2 июля В. А. Жуковский записывает в дневнике: «Все обширные поля, засеянные хлебом. Моршанск. Красивый город на Цне...» [2] На знакомство с Моршанском ушло несколько часов. Поэт побывал на Набережной, полюбовался на мельницу Кутайсова «о 24 поставах». От случайного знакомца купца Киселева узнал подробности экономической жизни этого важного торгового города. «Май месяц — сплав судов в Волгу. Оборот от 25 до 35 миллионов. Хлеб, сало, пенька, кожи, воск» [3].

Из Моршанска дорога идет на юг — к губернскому центру. Вдоль левого берега живописной Цны, которая «во все время видна», — большие, утопающие в зелени дубрав села и деревни.

В Тамбов прибыли вечером 2 июля. На другой день поэт записал в дневнике: «Поутру прогулка: две хорошие улицы — Астраханская и Дворянская. Приютилось множество лачуг и мазанок» [4].

В городе, где «две хорошие улицы» (две из трех прямых!), Василий Андреевич встретил немало старых знакомых. Александр Александрович Полторацкий —



Тамбов. Рисунок В. А. Жуковского. 1837 г. Публикуется впервые.

приятельствующий с А. С. Пушкиным в Петербурге. Отставным капитаном он жил недалеко от Тамбова в своем рассказовском имении. Его жена Екатерина Павловна, урожденная Бакунина, та самая Катенька Бакунина, которой лицеист Пушкин посвятил несколько стихотворений... Герой Отечественной войны 1812 года генерал-майор Степан Андреевич Андреевский — у него в доме Жуковский ночевал... Известный конезаводчик Василий Петрович Воейков. Он славился своей феноменальной силой. Уже будучи глубоким стариком, однажды, чтобы потешить публику, Воейков разорвал полную колоду карт, согнул двугривенный, свежее яблоко положил между двумя пальцами — средним и указательным, сжал пальцы, и яблоко развалилось пополам... В Тамбове Жуковский познакомился с Яковом Ивановичем Сабуровым — человеком, о котором он много слышал от своих петербургских друзей, в том числе и от самого Пушкина: великий поэт был еще в молодости в близких отношениях с этим выходцем из семьи богатых тамбовских помещиков, способным журналистом и литератором. Правда, в 1824 году Пушкин обратился к Сабурову с сердитым посланием: «Сабуров, ты оклеветал мои гусарские затеи...», но чем оно вызвано — сказать трудно, так как, по свидетельству современников, Яков Иванович отличался незлобивым характером, был искренен и благороден...

Были и другие интересные встречи.

Вечером в честь гостей в дворянском собрании был дан бал. К этому балу в городе готовились несколько месяцев. В государственном архиве Тамбовской области сохранилось довольно объемистое дело, свидетельствующее о том, как тщательно отрабатывался его «сценарий». Долго и придирчиво дворянские предводители обсуждали кандидатуры приглашенных. Всех подозрительных тут же вычеркивали из списков.

4. В. Пешков.



Тамбов. Рисунок В. А. Жуковского. 1837 г.

Бал «сожрал» внушительную сумму — около пятнадцати тысяч рублей золотом. Правда, растроганный наследник часть денег вернул — он пожертвовал пять тысяч рублей «наиболее нуждающимся в пособии»[5] горожанам.

В. А. Жуковского балы занимали мало. Зато выставка местных изделий, которую он посетил накануне, произвела большое впечатление. Поэт записал в дневнике: «Выставка. Хлеб. Образец толщины слоя чернозема. Открытая свинцовая руда и сера. Индюшиный мех. Ковры. Мериносовая шерсть. Сало. Мыло. Недостаток сбыта...»[6]

В воскресенье, 4 июля, путешественники покинули Тамбов. Через Козлов — «город обширный и лежит на реке Лесной» — кортеж направился в Липецк...

Здесь снова заночевали. Утром осматривали известную тогда по всей стране липецкую лечебницу минеральных вод.

Не вспомнилось ли все это Василию Андреевичу, когда он читал рукопись «Тамбовской казначейши?» Не сравнивал ли лермонтовское описание Тамбова со своими собственными впечатлениями о городе?

Поэма, понравившаяся П. А. Вяземскому и В. А. Жуковскому, увидела свет в третьем номере журнала «Современник». Напечатана она была без подписи автора. Цензор вычеркнул из заголовка слово «Тамбовская». Название города в тексте было заменено точками.

Жуковский — в литературе не новичок — знал о том, что цензура собирается «оперировать» поэму, но Михаила Юрьевича не предупредил об этом. Он был человеком многоопытным и осторожным...

А впервые поэма была по-лермонтовски названа «Тамбовской казначейшей» уже в советское время — в 1936 году — в академическом издании произведений поэта под редакций Б. М. Эйхенбаума.



Братья Протасьевы

Читатель уже узнал о том, что в тамбовских преданиях о М. Ю. Лермонтове упоминаются местные дворяне Протасьевы. Их дом в губернском центре, превращенный в карточный клуб, якобы посещал Михаил Юрьевич.

Фамилия Протасьевых лермонтоведам знакома. В Московском университетском пансионе вместе с поэтом учились три Протасьевых, в том числе два брата: Дмитрий и Федор.

...В Государственном архиве Тамбовской области хранится около десятка дел, на обложках которых значится эта фамилия. Просматриваю папки. Протасьевы, да не те. Но вот, кажется, напал на след. Протасьев Михаил Федорович. Помещик Моршанского уезда, владелец 803 душ крепостных. С 1797 по 1801 год — на военной службе. В чине прапорщика вышел в отставку. Десять лет служил по «статской линии», награжден несколькими орденами. Как свидетельствуют документы, в 1834 году Михаилу Федоровичу — пятьдесят четыре года. Он женат на дочери надворного советника П. Н. Дубовицкого — Елизавете Петровне.



Московский университетский пансион. Акварель Б. Земенкова. 1841 г.

Имеет детей: Дмитрия, Федора, Александра, Надежду и Екатерину [1].

Дмитрий и Федор Васильевич Протасьевы — это и есть однокашники Лермонтова по пансиону...

Московский университетский благородный пансион, где, как мы убедимся ниже, судьба свела поэта со многими тамбовцами, был открыт 26 апреля 1755 года. Это было старейшее привилегированное учебное заведение для дворян. «Можно смело сказать, — отмечал первый биограф Лермонтова П. Висковатов, — что добрая часть деятелей наших первой половины XIX века вышла из стен пансиона» [2]. Здесь когда-то учились Фонвизин, Новиков, Богданович, Жуковский, Грибоедов, многие декабристы.

Пансионское образование носило ярко выраженный гуманитарный характер. Преподаватели — а это были в основном профессора Московского университета — всячески поощряли занятия воспитанников собственными сочинениями и переводами. Наиболее одаренные входили в состав литературного общества, основанного видным поэтом Раичем. Издавались рукописные журналы. В такой среде формировались творческие вкусы будущего великого поэта. Участие молодого Лермонтова в литературном обществе вместе с другими однокашниками, среди которых не последнее место принадлежало братьям Протасьевым, не прошло бесследно для Михаила Юрьевича.

Дмитрий Протасьев (родился в 1811 году) поступил в пансион 27 августа 1827 года полупансионером, то есть в свободное от занятий время он жил на частной квартире, а не в общежитии. Когда М. Ю. Лермонтов учился в пятом классе, он был в шестом. С января 1830 года они стали заниматься вместе. 29 марта 1830 года на так называемом «торжественном акте» — экзаменах — Д. Протасьев прочитал по-немецки рассуждение «О постоянном усовершенствовании древней клас-

сической литературы между немцами». Был награжден за успехи золотой медалью. Окончил пансион 27 июня 1831 года. В тот день выступил с чтением трактата «О сущности воспитания и о достоинствах человека образованного во всех обстоятельствах жизни». И в литературном обществе Дмитрий Протасьев пользовался авторитетом как оратор и критик.

Федор Протасьев (родился в 1812 году) — однокашник Лермонтова по шестому классу — также был одним из лучших учеников пансиона. В 1830 году был награжден серебряной медалью. Федор, по свидетельству пансионеров, увлекался свободолюбивой поэзией, от руки переписал поэму К. Рылеева «Войнаровский», которой зачитывались его одноклассники. Среди членов литературного общества слыл драматургом и критиком. В 1831 году на торжественном акте прочитал «Разговор о благородной гордости», построенный в форме диалога между Честоном и Славолюбом [3].

К сожалению, ничего неизвестно о том, в каких отношениях находился молодой М. Ю. Лермонтов с братьями Протасьевыми. Не удалось проследить и за судьбой этих двух одаренных юношей. Чем занимались они после пансиона, как вообще сложилась их жизнь? Довелось ли им встречаться с собратом по пансионскому литературному обществу — с великим поэтом России? Чтобы ответить на эти вопросы, нужны поиски и поиски. Будем надеяться: кому-нибудь и повезет в них...

Что же касается тамбовской легенды о посещении М. Ю. Лермонтовым «карточного клуба» дворян Протасьевых, то не такая уж она беспочвенная. Дом, в котором размещался пресловутый «клуб», принадлежал близким родственникам Дмитрия и Федора Михайловичей. Где проживали братья в 1835 году? Не в Тамбове ли? Так что все может быть...



„Муз прилежный обожатель...»

В первом томе академического издания сочинений М. Ю. Лермонтова под редакцией Б. М. Эйхенбаума (1936) опубликовано небольшое восьмистрочное стихотворение «К Грузинову». Датировано оно 1829 годом — тогда автору исполнилось всего пятнадцать лет. В скупых комментариях к стихотворению сказано: Грузинов (1812—1858) — приятель Михаила Юрьевича по Московскому университетскому пансиону, поэт и беллетрист. Дан список его произведений. И все.

Кто-то из пушкинистов заметил: знакомые Пушкина должны стать и нашими знакомыми. А знакомые другого великого русского поэта — Лермонтова? Разумеется, тоже. Вот и захотелось побольше узнать о человеке, вдохновившем молодого поэта на создание одного из ранних произведений.

...Выходец из Грузии Роман Мамчевадзе в середине XVIII века поселился на Дону. Донские казаки в ту пору охотно принимали к себе представителей других национальностей. Турок, решивший быть казаком, становился Турчаниновым, поляк — Поляковым, ев-

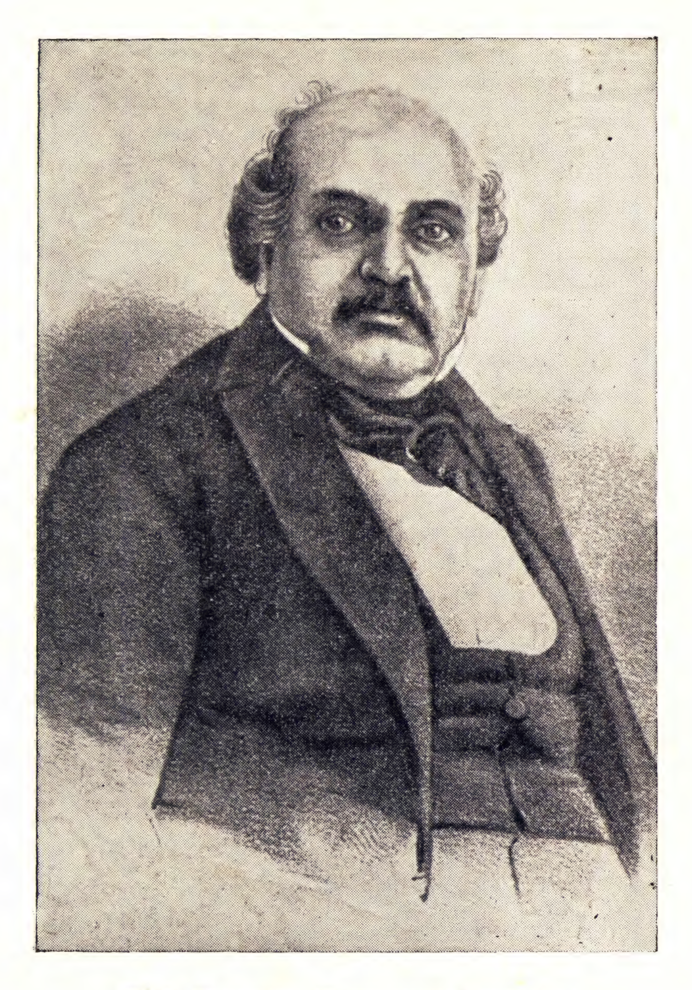
рей — Жидковым или Евреиновым. Роман Мамчевадзе стал Грузиновым.

Внуки Мамчевадзе при императоре Павле I служили в лейб-гвардии казачьем полку. Двух старших — Евграфа и Петра — царь приблизил к себе: первый стал полковником, второй — подполковником. В 1797 Евграфу Грузинову были пожалованы села Сержале и Левиное (Левино) в Моршанском уезде[1].

А потом братья Грузиновы стали жертвами одной из придворных интриг. Евграфа и Петра отстранили от службы, сослали на Дон. Здесь их обвинили в намерении поднять против царя восстание и зверски казнили.

Уцелел лишь младший из братьев — Роман. Он родился в 1761 году, двадцати трех лет поступил в казачий полк. 16 апреля 1797 года Павел I «пожаловал за службу лейб-казачьего полка ротмистру Роману Осипову сыну Грузинову Тамбовской губернии и уезда в деревне Лесном Тамбове крестьян 150 душ с принадлежащей к ним землею»[2]. Роман дослужился до майора, накануне Отечественной войны 1812 года вышел в отставку и поселился в Тамбове, поблизости от своих моршанских владений (села Сержале и Левиное он унаследовал от бездетного старшего брата). Женился на тамбовской помещице Ольге Андреевне Давыдовой. 25 декабря 1812 года у Грузиновых родился сын Иосиф.

Мальчику исполнился год, когда умер отец. Иосиф сначала живет с матерью, а затем его забирает к себе дядя — Федор Андреевич Давыдов, гвардии полковник в отставке, участник наполеоновских войн, приятель прославленного русского поэта В. А. Жуковского. Имение Давыдовых, где провел свои детские годы Иосиф, находилось в селе Кулеватово — одном из живописнейших мест на Тамбовщине. «Село с крепкими бревенчатыми избами, крытыми соломой, с простор-



И. Р. Грузинов. Со старинной гравюры.

ными задворками и гумнами... с огородами и конопляниками; за селом весело выглядящие поля ржи, овса и проса с узкими полосами гречих и льна; в стороне, у изгиба реки, белая каменная церковь с колокольней, а рядом с ней помещичья усадьба, вся в садах, с круглым, обсаженным цветами газоном перед балконом дома и расходящими лучами от этого круга подстриженными липовыми аллеями»[3]. В доме гвардии полковника была огромная библиотека из русских и французских книг, и мальчик рано пристрастился к чтению, литературе.

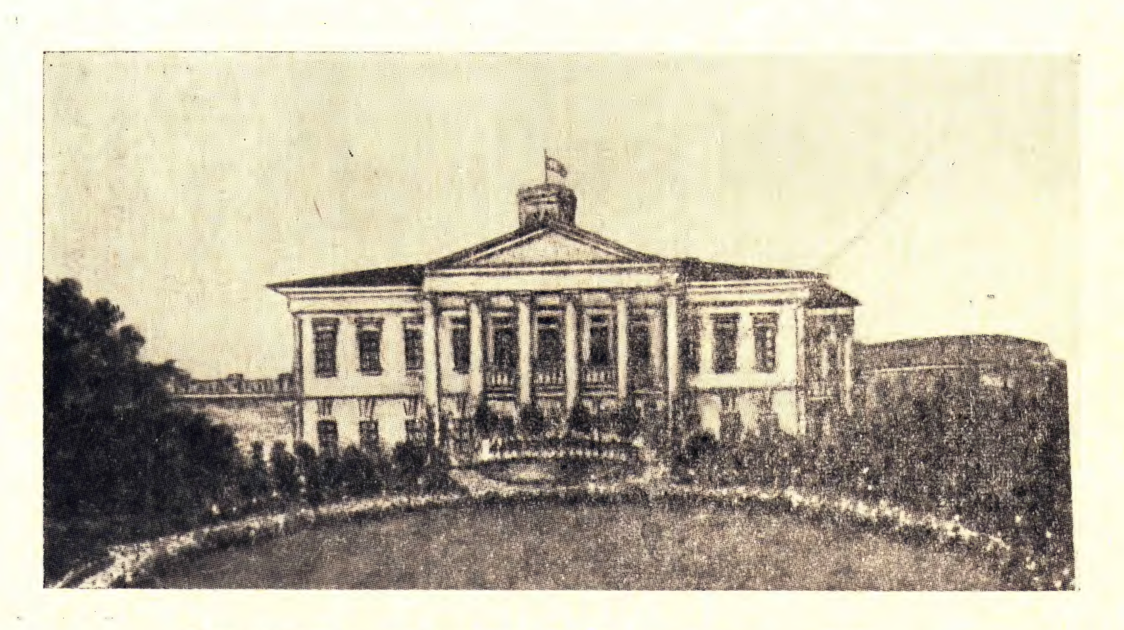
В августе 1827 года дядя определяет Иосифа Грузинова в Московский университетский благородный пансион. Здесь и состоялось его знакомство с М. Ю. Лермонтовым, с которым они вместе учились в четвертом и пятом классе.

К тому времени Иосифу исполнилось пятнадцать лет. Это был полный, розовощекий юнец, добрый и беззлобный, но очень гордый. Отличался неуравновешенным характером, нередко хандрил, замыкался в себе. Пансионеры уважали Грузинова, хотя и частенько над ним подтрунивали. Слабостью Иосифа было сочинительство стихов, он верил в свою звезду поэта.

Лермонтов приятельствовал с Грузиновым, но к его литературным опытам относился скептически. Все это и нашло отражение в уже упомянутом стихотворении Михаила Юрьевича:

Скажу, любезный мой приятель,
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый друг! Коварных
К себе не приманишь никак —
Ведь музы — женщины — и так
Кто ж видел женщин благодарных?..[4]

Грузинов не внял дружескому предупреждению. Он надеялся, что упорство заменит ему талант. В 1830 го-



Барский дом в селе Кулеватово. Фотография конца XIX в.

ду юноша даже рискнул издать небольшой сборник — «Цитра, или мелкие стихотворения». В нем были собраны на редкость беспомощные вирши вроде:

Прошли, прошли мои мечты,
Их миновался легкий сон,
Я жертва чудная судьбы,
И жизнь моя — надгробный стон...

Теперь я пленник безотрадной,
У ног красавицы моей,
У ног красавицы бесчадной
Унижен я, как прах полей...

Но из неволи я воспряну,
С свободой снова заживу,
От сна любви, сказал, восстану...
И что ж? Опять склонил главу! [5]

Подобные стихи «Литературная газета», издаваемая А. С. Пушкиным и А. И. Дельвигом, рекомендовала «не показывать никому, а просто держать взаперти их, пока они не пригодятся закурить трубку или затопить камин» [6].

Не кончив полного курса пансиона, И. Грузинов поступает на гражданскую службу: сначала в канцелярию Московского горного правления, а затем в Тамбовский земский суд. В конце 1835 года, когда М. Ю. Лермонтов проездом, видимо, побывал в Тамбове, Грузинов здесь в то время жил. Вполне возможно, что встреча старых приятелей состоялась.

Еще в 1829 году Иосиф Романович женился на дочери тамбовского помещика секунд-майора Безобразова Софье. Через семь лет молодая чета уже имела четырех сыновей: Аркадия, Романа, Александра и Николая.

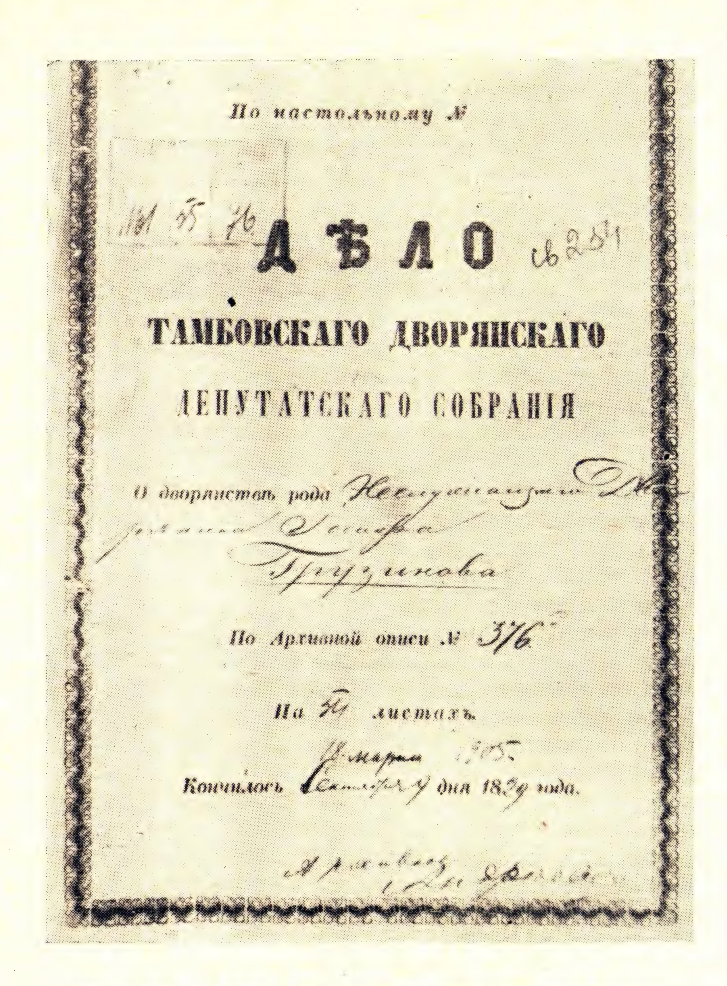
Став чиновником, Грузинов, как и в юности, много времени и энергии отдает литературным занятиям. В московских типографиях печатает несколько поэтических книжек: «Были и повести» (1840), «Мечты и

звуки поэзии» (1842), «Отблески поэзии» (1849). Стихи уже не столь беспомощны, как в юности; автор, судя по всему, овладел тайнами технического мастерства стихосложения. Однако их главный недостаток, как на то указывал критик из «Отечественных записок», — «отсутствие оригинальности и поэтического содержания». «У г-на Грузинова, — отмечал он, — большая часть пьес написана в подражании известным нашим поэтам: Пушкину, Жуковскому, Лермонтову, Языкову»[7].

Пробовал свои силы Грузинов и в прозе. Уже после его смерти в 1863 году вышли двухтомные «Записки покойного Якова Васильевича Базлова». Книга — «необыкновенна в русской литературе»[8]. Композиционно она распадается на две самостоятельные части. Первая — это жизнеописание Якова Васильевича Базлова. В ней содержится немало автобиографических сведений. Базлов рано лишился родителей, воспитывался у дяди и тети в деревне, учился в «модном пансионе», рано полюбил и женился... Интересны страницы, посвященные описанию тамбовской природы; даны выпуклые зарисовки провинциальной дворянской жизни. В описании губернского города Т... читатель без труда узнает Тамбов тридцатых — сороковых годов прошлого века.

В чем же тогда необычность книги? В ее второй части. Оказывается, Я. В. Базлов обладал необыкновенной способностью — разговаривать с... животными, насекомыми и растениями, которые, как и люди, живут «жизнью ума и воли»[9]. Реалистические главы «Записок» чередуются с фантастическими приключениями собак, снегирей, блох, арбузов, якобы рассказанными ими автору.

Эпиграфом к книге взяты знаменитые строки Лермонтова «И скучно, и грустно...». Автор посвятил «Записки» Ю. Н. Бартеневу — человеку, дружившему с Пушкиным, Жуковским, Одоевским, Мятловым, За-



По настольному №

ДѢЛО

ТАМБОВСКАГО ДВОРЯНСКАГО

ДЕПУТАТСКАГО СОБРАНІЯ

О дворянствѣ рода

Грузинова

По Архивной описи № 376

На листахъ.

Кончилось дня 18 года.

Титульный лист «Дела тамбовского дворянского депутатского собрания о дворянстве рода неслужащего дворянина Иосифа Грузинова», хранящегося в Государственном архиве Тамбовской области.

госкиным и другими литераторами. Поэтому можно предположить, что и сам Грузинов был близок к этому кругу людей.

В канун подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 года в русской печати развернулась острая полемика. В ней принял участие и И. Грузинов. В 1858 году в «Журнале землевладельцев» он выступил с интересным очерком «Быт крестьянина Тамбовской губернии». По своему политическому направлению «Журнал землевладельцев» был изданием довольно загадочным. На его страницах высказывались порой взаимоисключающие друг друга точки зрения на крестьянский вопрос. Здесь печатали свои статьи и отъявленные крепостники, и либералы. Очерк И. Р. Грузинова свидетельствует о прогрессивной позиции автора, по мнению которого освобождение крестьян от крепостной зависимости — «справедливое, святое дело» [10].

Нетрудно убедиться, что «Быт крестьянина Тамбовской губернии написан человеком, близко наблюдавшим и знавшим жизнь поселян, человеком, который «часто заглядывал в курные избы наших степных крестьян», может рассказать, как топится соломой печь, изготовляется домоткань, что берет с собой мужик, отправляясь в извоз... Однако очерк не является этнографическим, И. Р. Грузинов показывает себя в нем грамотным политэкономом. Вспомним полемику В. И. Ленина с народниками девяностых годов, конструирующими «среднего мужика» по количеству надельной земли. К чести Грузинова, он тридцатью годами раньше отчетливо понимал, что экономическое положение крестьянской семьи определяется не земельными десятинами, а наличием рабочего скота. «Главное движимое богатство степного крестьянина, — писал он, — составляют лошади» [11].

В очерке много интересного фактического материа-

ла. Автор, исследуя бюджет зажиточной крестьянской семьи Федора Непряхина, поведал, как тот тратит в год два воза березы на лучины, 60 копеек на лыко для лаптей, покупает на всех домочадцев (а их 16 человек) шесть пар сапог, две суконные шапки, шесть пар рукавиц. Большего не позволяют средства. Можно себе представить, какова была жизнь не «крепкой», а обыкновенной крестьянской семьи в условиях дореформенной Тамбовщины!

...Так сложилась жизнь и творческая судьба приятеля юности великого поэта.

Ныне имя Иосифа Грузинова совсем забыто. Что ж, удивляться нечему: литературное дарование его было незначительным. И все же уместно напомнить здесь слова А. П. Чехова о том, что в литературе маленькие чины так же необходимы, как и в армии.



Потомки строптивого стольника

История основания Тамбова неразрывно связана с именем Романа Боборыкина...

В 1634 году неудачей закончилась длившаяся почти три лета война с Польшей. Одной из причин проигрыша кампании были частые набеги крымских и ногайских татар на южные границы Русского государства. Правительство Михаила Романова принимает все меры к тому, чтобы подобное не повторилось впредь На огромном многоверстовом расстоянии от Симбирска до Белгорода строится целая система укреплений. Валится могучий лес под «засеки», насыпаются земляные валы, роются рвы. Словно грибы после дождя, вырастают новые городки-крепости и острожки.

В 1635 году «указал государь, царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси за Шацким, в степи у речки Липовицы, поставить город Тамбов стольнику Роману Боборыкину» [1]. Боборыкин был в то время шацким воеводой. Типичный представитель дворянского служилого люда, он отличался крутым нравом, неуемной энергией, воинской доблестью, администра-

торскими способностями. Стольник был небогат, но горд и спесив, при случае не забывал напоминать, что Боборыкины и царствующие Романовы — побеги одного корня (их родоначальником был выходец из Пруссии, перешедший на русскую службу еще при Александре Невском).

Боборыкин ослушался царского повеления и не стал закладывать новый город у речки Липовицы. Место это ему показалось неподходящим. Он выбрал другое: при впадении многоводного Студенца в Цну. 17 апреля 1636 года сюда из окрестных сел согнали сотни крестьян. Застучали топоры, запели пилы... Так начинался Тамбов.

О самоуправстве строптивого стольника царю наябедничали «коллеги» — строители соседнего Козлова воеводы И. Биркин и М. Спешнев. Твой-де любимец, государь, донесли они, крепость построил «на казачьих проходах, а не на татарских сакмах для того, что донским казакам водным и сухим путем с Дона и Хопра выезд будет на Тонбов, а от татарского проходу в Русь от того Тонбова города никакие загороды нет» [2]. Но царь простил, а время показало, что прав был Боборыкин, а не его недоброжелатели.

Три года стольник Боборыкин воеводствовал в Тамбове, затем служил и в Москве, и в Смоленске, и в других местах. Участвовал в дворцовых интригах, однажды схватился с самим патриархом Никоном...

Потомки Романа Боборыкина расселились по многим землям: московским, нижегородским, смоленским. До тех тамбовских краев, где когда-то хозяйствовал их далекий предок, им, казалось, и дела не было. Прошло много времени, прежде чем один из Боборыкиных объявился на Тамбовщине.

В январе 1828 года на имя царя поступило прошение от Василия Дмитриевича Боборыкина. «А как Тамбовской губернии, — писал он, — по Лебедянскому

уезду состоит за мною недвижимое имение, в котором я ныне расположен основать свое пребывание, по поводу чего желаю быть сопричисленным к дворянству Лебедянского уезда» [3].

За плечами у Василия Дмитриевича было сорок семь лет. В молодости он служил в Семеновском гвардейском полку, куда его определили рядовым еще в шестнадцатилетнем возрасте. В чине поручика ушел в отставку. Много лет подвизался на гражданской службе.

Но вот умерла жена. Служба надоела. И Василий Дмитриевич, женившись вторично, ушел в отставку и навсегда поселился на Тамбовщине в имении супруги — селе Павловском.

Царь удовлетворил просьбу Боборыкина. Его вместе с детьми (четверо сыновей от первого и две дочери от второго брака) причислили к тамбовскому дворянству.

Из четверых сыновей Василия Дмитриевича нас будут интересовать только двое: Павел и Василий. Правда, можно назвать еще и Дмитрия, поскольку он — отец известного литератора П. Д. Боборыкина, автора многочисленных романов и повестей («Жертва вечерняя», «Солидные добродетели», «Василий Теркин», «Русский Шеффильд» и др.), пьес, исследований по русской и западноевропейской литературам, а также интереснейших воспоминаний, на которые нам придется ссылаться ниже.

Тамбовское имение Боборыкиных было небольшое — 19 душ мужского пола и 70 десятин земли. На пригорке в тени запущенного парка стоял неказистый деревянный дом. В нем и поселился Василий Дмитриевич со своими многочисленными домочадцами.

Человек он был неглупый, образованный, но ужасно беззаботный, бесхозяйственный и безалаберный.

Крепостных своих не притеснял, дворовых кормил и одевал, работой не перегружал, но и заботы о них не проявлял никакой: не было в селе ни школы, ни лекаря.

Слабостью Боборыкина-старшего являлись книги. В Павловском в его кабинете стояли два огромных шкафа, доверху набитых сочинениями французских классиков, среди которых «безбожные» Руссо и Вольтер занимали не последнее место. Хорошая библиотека была у него и в московской квартире на Поварской улице.

Любовь к чтению Василий Дмитриевич с ранних лет привил своим сыновьям. И Павел (1813—1839), и Василий (1817—1885) получили отличное домашнее образование, хотя и несколько одностороннее. Воспитывали их гувернеры-швейцарцы, «пропитанные духом энциклопедистов» [4], но не имевшие ни малейшего понятия о русском языке и русской литературе. Этот пробел в некоторой степени восполняется влиянием самого отца — Василий Дмитриевич любил отечественную поэзию, особенно произведения декабристов К. Ф. Рылеева, был почитателем русской старины. Его биллиардная в московской квартире была увешана портретами героев 1812 года.

В августе 1826 года Павла определили учиться в московский университетский пансион. В сентябре 1828 года он уже в четвертом классе. В это время туда поступает и М. Ю. Лермонтов. Правда, познакомиться они могли и раньше: семьи Арсеньевых, Столыпиных и Боборыкиных давно общались друг с другом.

В пансионе Павел Боборыкин был в числе лучших учеников, неоднократно поощрялся за успехи и прилежание. Он отлично владел французским и немецким языками. В ноябре 1831 года на «торжественном акте» — экзаменах — произнес по-немецки собствен-

ного сочинения речь, заслужившую похвалу преподавателей.

В 1832 году П. В. Боборыкин окончил пансион и был выпущен в чине чиновника 14-го класса. На этом сведения о нем в литературе обрываются.

В чем дело? Почему человек, судя по всему одаренный, образованный, из знатной семьи, не оставил о себе никаких следов, не попал в поле зрения мемуаристов? Его племянник П. Д. Боборыкин в своих воспоминаниях довольно часто упоминает родню: деда, отца, дядек и теток. О Павле Васильевиче — ни слова...

Ясность внес обнаруженный в тамбовском архиве документ — прошение вдовы П. В. Боборыкина Аграфены Дмитриевны, урожденной Головиной, на имя тамбовского губернского предводителя дворянства, датированное 1840 годом[4]. Оказывается, однокашник Лермонтова прожил всего только двадцать шесть лет. После окончания пансиона он женился, жил в Тамбове на положении «неслужащего дворянина». В сентябре 1836 года поступил унтер-офицером в гусарский «его императорского Высочества герцога Максимилиана Лейхтенбергского полк», дислоцированный на западной границе. Через три года скоропостижно скончался, пережив своего отца лишь на семь лет.

Младший брат Павла Боборыкина Василий, наоборот, прожил долгую, бурную и нелегкую жизнь. Сначала он учился в Горном корпусе, но, не окончив курса, в 1834 году перешел в юнкерскую школу, где и состоялось его знакомство с Лермонтовым.

В сентябре 1836 года Боборыкин окончил школу и был выпущен в Кирасирский полк. Однако вскоре учинил на улице дебош, наделавший в Петербурге много шума, и за это ему пришлось поплатиться ссылкой на Кавказ. Здесь во Владикавказе произошла его вторая встреча с поэтом.

В чине прапорщика В. В. Боборыкин участвовал в

стычках против горцев, был ранен, получил прощение и снова вернулся в Кирасирский полк. В 1840 году, оказавшись в отпуске в Москве, он в последний раз виделся с Лермонтовым.

В. В. Боборыкин принадлежал к той «золотой молодежи», о которой поэт с горечью писал:

Печально я гляжу на наше поколенье,—
Грядущее его иль пусто, иль темно... [6]

Карты, кутежи, дуэли, романы со светскими женщинами — на этом замыкался круг интересов. М. Ю. Лермонтов с величайшим презрением относился к таким людям. Василий Васильевич, разумеется, не составлял исключения.

Незадолго до смерти В. В. Боборыкин расскажет о своих встречах с поэтом. Честно поведает о том, что Михаил Юрьевич не баловал его вниманием и уважением. «Не скрою, — напишет Боборыкин, — что глубокий, пронизывающий душу и презрительный взгляд Лермонтова, брошенный им на меня при последней нашей встрече, имел немалое влияние на переворот в моей жизни, заставивший меня идти совершенно другой дорогой, с горькими воспоминаниями о прошедшем» [7].

Какую же дорогу избрал для себя этот лихой офицер, светский лев и прожигатель жизни?

Выйдя в отставку, В. В. Боборыкин уезжает за границу, где совершенствует свое образование, учится, в частности, рациональному ведению сельского хозяйства. Вернувшись на родину, женится и поселяется в имении жены — селе Лысково Нижегородской губернии.

Вскоре о новом помещике заговорили окрест. Его считали ненормальным, с «винтиком». Еще бы: открыл в селе школу, сам учит в ней крестьянских детей, а их отцам преподает различные ремесла. Написал

и издал брошюру «Письма о земледелии к новичку-хозяину». Отпустил длинную бороду, ходил в крестьянском полушубке, в грубых сапогах, шокируя соседних помещиков. Короче говоря, стал Василий Васильевич, по свидетельству племянника, эдаким местным Львом Толстым «без его дарования, но с таким же неугомонным исканием правды» [8].

Все благие начинания В. В. Боборыкина по улучшению крестьянского быта в условиях полуфеодальной России не могли не кончиться крахом. Он дотла разорился и умер в нищете.



Встречи «с певцом пиров и грусти томной»

Этот просторный особняк, скрытый в глубине двора в Машковом переулке, был известен всему культурному Петербургу первой половины прошлого века. Его хозяин — потомок рода Рюриковичей князь Владимир Федорович Одоевский — славился не только своим хлебосольством. Двоюродный брат известного декабриста и поэта А. Ф. Одоевского, он был крупным ученым и талантливым литератором, принадлежавшим, по словам Белинского, «к числу наиболее уважаемых из современных русских писателей» [1], человеком энциклопедически образованным, страстным библиофилом.

Аристократ по происхождению, Владимир Федорович был связан с прогрессивными, демократическими слоями тогдашнего общества. В его доме не было принято отдавать дань почитанию чинов: мелкий чиновник мог на равных разговаривать с сенатором, журналист — с сиятельным вельможей. Не случайно сюда охотно и часто приходили писатели и художники, издатели и музыканты. В кабинете князя, как пишет

в своих воспоминаниях один из современников, «Пушкин слушал благоговейно Жуковского; графиня Ростопчина читала Лермонтову свое последнее стихотворение; Гоголь подслушивал светские речи; Глинка расспрашивал графа Виельгорского про разрешение контрапунктных задач; Даргомыжский замышлял новую оперу и мечтал о либреттисте» [2].

После возвращения из первой кавказской ссылки Лермонтов стал посещать знаменитые субботы В. Ф Одоевского. Здесь в начале 1840 года состоялось его знакомство с замечательным поэтом пушкинской плеяды, нашим земляком Евгением Абрамовичем Боратынским.

Конечно, они уже знали друг о друге. Боратынский к тому времени был известным поэтом, автором «Бала», «Наложницы», «Пиров», «Эды», многочисленных элегий, которым очень высокую оценку давал А. С. Пушкин. «Боратынский — прелесть и чудо, — писал он в одном из писем, — после него никогда не стану печатать своих элегий» [3].

Почти треть жизни Евгения Абрамовича прошла в степном тамбовском краю. Здесь он родился, провел детские и отроческие годы, впервые познал чувство любви. В Мару — кирсановское имение своего отца генерал-лейтенанта Абрама Андреевича Боратынского — часто приезжал в зрелые годы жизни. Непосредственно тамбовскими впечатлениями навеяны многие произведения поэта: «Родина» («Мара»), «Запустение», «Дядьке-итальянцу» и другие. Своей «начальной любовью» назвал Боратынский родные кирсановские места.

К сожалению, мы не располагаем ничем, что свидетельствовало бы об отношении Лермонтова к творчеству Боратынского. Нигде: ни в дошедших до нас письмах, ни в заметках или стихах он не дает ему никакой оценки. Однако трудно предположить, что Лермонтов



В. Ф. Одоевский.
Портрет работы неизвестного художника.

недостаточно хорошо знал поэзию своего старшего собрата по перу. Более того, элегии Боратынского, наполненные грустью и разочарованием в жизни, должны были импонировать Лермонтову.

Екатерина Сушкова, познакомившаяся с Михаилом Юрьевичем в 1830 году и написавшая впоследствии воспоминания о своих встречах с ним, рассказывает, что юный поэт любил стихотворение Боратынского «Уверение»:

Нет, обманула вас молва,
По-прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили с годами.
Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образам,
Но с беспокойством староверца. [4]

Читали «Я вас любил...» А. С. Пушкина. Лермонтов, выслушав, сказал:

«— У Боратынского есть пьеса, которая мне еще больше нравится, она еще вернее обрисовывает мое прошедшее и настоящее... — и начал декламировать...» [5]

Большой знаток лермонтовской поэтики, ныне покойный профессор Б. М. Эйхенбаум считал, что «поэзия Боратынского, часто принимающая формы лирических медитаций, заостренных афоризмами, была во многом ближе Лермонтову, чем поэзия Пушкина, всегда уравновешенная и легкая в своих очертаниях» [6]. По его же мнению, под влиянием Боратынского созданы некоторые стихотворения Лермонтова («В. И. Бухаровой») и особенно:

Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Все жив, хотя бессилен он;



Е. А. Боратынский. Литография А. Мюнстера с рисунка А. Лебедева.

Другим предавшися мечтам,
Я все забыть его не мог;
Так храм оставленный —
все храм,
Кумир поверженный — все бог! [7]

Несомненно, и Боратынский к моменту встречи уже многое знал о Михаиле Юрьевиче. Внимательно следивший за всеми литературными явлениями тех лет, он не мог не заметить «Бородина», «Думы», «Бэлы», «Фаталиста», «Казначейши», «Ветки Палестины», «Трех пальм», опубликованных в столичных журналах и вызвавших восторженный отзыв демократической критики, в первую очередь Белинского.

...И вот они встретились в один из январских вечеров 1840 года. Михаил Юрьевич был в ударе: вдохновенно читал стихи, сыпал остротами — дерзкими и убийственными... На Боратынского встреча произвела большое впечатление. В письме к жене он сообщал: «Познакомился с Лермонтовым, который прочел прекрасную новую пьесу; человек, без сомнения, с большим талантом» [8].

Слово «новую» в этом письме не оставляет сомнения в том, что Боратынскому были знакомы прежние произведения поэта.

Но если стихи Михаила Юрьевича оставили неизгладимое впечатление на Боратынского, лермонтовская манера поведения не нашла у него понимания. За плечами у Евгения Абрамовича — сорок лет. В юности он перенес трагедию, наложившую отпечаток на всю жизнь. Не мог не помнить, как была учинена расправа над декабристами, среди которых было немало друзей, как был затравлен и погиб Пушкин, как правительство цинично издевалось над Чаадаевым. Все это научило осторожности. Смелость и резкость суждений автора «На смерть поэта» Боратынский воспринял как... неумение держаться в обществе.



Мара. Фотография конца XIX века. Публикуется впервые.

Вскоре Боратынский уехал из Петербурга. Их вторая встреча состоялась спустя несколько месяцев в Москве. 9 мая 1840 года в день своих именин Н. В. Гоголь решил угостить друзей и знакомых обедом. Был приглашен и Лермонтов, оказавшийся в Москве по пути из Петербурга в свою вторую ссылку на юг за дуэль с Барантом.

Об обеде у Н. В. Гоголя оставил воспоминания писатель С. Т. Аксаков. Собрались на открытом воздухе у литератора и издателя М. П. Погодина. Лермонтов был в приподнятом настроении и читал отрывок из «Мцыри». Затем все прошли в беседку, «где Гоголь собственноручно, с особенным старанием приготовлял жженку» [9].

В числе гостей С. Т. Аксаков кроме Лермонтова называет поэтов П. А. Вяземского, М. А. Дмитриева и некоторых других. Боратынского среди них нет. Другой участник обеда, А. И. Тургенев, в своем дневнике дополняет список: «...Стол накрыт в саду: Лермонт(ов), к(н) Вяземский, Боратынский...» [10].

Довелось ли двум поэтам встречаться еще? По всей видимости, да. Это могло случиться как в Петербурге, так и в Москве у кого-нибудь из общих знакомых: у В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, П. А. Плетнева, С. А. Соболевского, А. И. Тургенева...

Боратынский был в числе немногих поэтов, откликнувшихся на смерть М. Ю. Лермонтова. В стихотворении, полном тоски и грусти, он бросает горький упрек лицемерному «свету», для которого безразличны поэты и живые и мертвые. Так было с Пушкиным, так еще будет...

Когда твой голос, о Поэт,
Смерть в высших звуках остановит,
Когда тебя во цвете лет
Нетерпеливый рок уловит;

Кого закат могучих дней
Во глубине сердечной тронет?
Кто в отзыв гибели твоей
Стесненной грудию восстонет?

И тихий гроб твой посетит,
И над умолкшей Аонидой
Рыдая, пепел твой почтит
Нелицемерной панихидой?

Никто! — но сложится певцу
Канон намеднишним Зоилом,
Уже кадящим мертвецу,
Чтобы живых задеть кадилом.[11]



„Среди кружка родного...»

Лермонтов произведен в офицеры. Позади юнкерская школа с ее бессмысленной и жестокой муштрой. Впереди служба в лейб-гусарском полку — одном из блестящих гвардейских полков. Еще совсем недавно офицерами этого полка были Д. Давыдов и П. Чаадаев. Сам Пушкин в молодости серьезно подумывал о том, а не стать ли ему гусаром.

Покину кельи кров приятный,
Татарский сброшу свой халат,
Простите, девственные Музы!
Прости приют младых отрад!
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных Муз—
В числе воюющих корнетов!

В полку и в помине нет той затхлой и казарменной атмосферы, которую упорно насаждал в русской армии Аракчеев. Тут еще теплится дух бунтарства и вольницы. И пускай он не идет пока дальше шумных

кутежей и вызывающего озорства, но и это все-таки жизнь... Да и только ли озорство?

Корнет Александр Вяземский похищает воспитанницу театрального училища девицу по фамилии Кох, держит ее под секретом в своих именьях. Столица всполошена. На похищенную давно имела виды одна августейшая особа и вдруг... В дело вмешивается царь. Корнет посажен в крепость, а один из его друзей-офицеров, участник похищения, сослан на Кавказ...

Лейб-гусары хранят традиции своих недавних предшественников — лихих повес, воспетых Пушкиным. Об одном из них, сыне тамбовского помещика, владельца большого села Умет, Павле Петровиче Каверине, ходят легенды. Это была действительно незаурядная личность. Приятель молодого Пушкина, здоровяк и красавец, храбрый воин, бретер, он был образованным человеком, интересовавшимся литературой, политикой. После 14 декабря 1825 года он мог угодить под суд, но отец вымолил прощение сыну.

Лермонтов уже не застал Каверина в полку, зато сколько о нем слышал рассказов! В Париже, после вступления туда победоносных русских войск, Каверин как-то зашел в ресторан. За соседним столиком сидели молодые французы.

— Нам бутылку шампанского и четыре бокала, — небрежно бросил один из них официанту.

— А мне четыре бутылки и один бокал, — громко попросил Каверин.

Расправившись с шампанским, он выпил еще рому и коньяку, закусил целым гусем, а когда выходил из ресторана твердой походкой абсолютно трезвого человека, в зале раздались восторженные аплодисменты...

Молодые лейб-гусарские офицеры подражали Каверину. Многие охотно повторяли его любимую поговорку: «Да где нам, дуракам, чай пить, да еще со сливками!»



И. Боратынский в мундире лейб-гусарского полка. Акварель неизвестного художника.

Эти рассказы пригодятся Лермонтову. Вспомнит он об удачливом сыне тамбовского помещика, когда будет работать над «Героем нашего времени»... Перечитайте разговор Печорина с Грушницким перед балом в Собрании:

«— Ты, говорят, эти дни ужасно волочился за моей княжной? — сказал он (Грушницкий. — В. П.) довольно небрежно и не глядя на меня.

— Где нам, дуракам, чай пить! — отвечал я ему, повторяя любимую поговорку одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным» [1].

Разные люди окружают поэта в лейб-гусарском полку. Для одних позолоченный ментик на мундире — цель жизни, запросы других значительно богаче. В числе новых знакомцев и приятелей Лермонтова есть и тамбовцы.

Отец флигель-адъютанта ротмистра Ираклия Боратынского был соседом отца Павла Каверина по тамбовскому имению. В 1798 году Павел I подарил двум своим фаворитам братьям Богдану и Абраму Боратынским поместье в селе Вяжле Кирсановского уезда Младший брат А. Боратынский вскоре чем-то не угодил самодержцу, был вынужден покинуть Петербург и обосноваться в Тамбовской губернии. Накануне отставной генерал-лейтенант женился на А. Ф. Черепановой, женщине умной и образованной, и остаток жизни посвятил воспитанию детей. Их у него было немало: в 1800 году родился первенец Евгений — будущий поэт, через два года Ираклий, затем Сергей и Лев и еще дочери — Софья, Наталья и Варвара. И по сей день в Уметском и Кирсановском районах Тамбовской области сохранились названия деревень: Евгеньевка, Сергеевка, Софьинка, Натальевка, Варваринка...

Об Ираклии Боратынском сведений у нас очень мало. Известно, что он, как и отец, дослужился до ге-



А. Д. Абамелек-Боратынская.
Портрет работы неизвестного художника.

нерал-лейтенантского чина, был ярославским и казанским военным губернатором, к концу жизни (умер он в 1859 году) даже сенатором. Ираклий был недурен собой, неглуп, общался с виднейшими литераторами, в том числе с Пушкиным.

Детские годы Ираклий провел в отцовском поместье — Маре. Здесь все было поставлено на широкую ногу: рядом с массивным двухэтажным каменным домом — целая система прудов с водопадами, каменным гротом, аллеями. Воспитывал братьев специально приглашенный дядька-итальянец. Подростком Ираклия определили в пажеский корпус. Став офицером, он воевал на Кавказе, был награжден за храбрость золотой саблей.

В лейб-гусарский полк попал одновременно с Лермонтовым в 1834 году.

Мы, к сожалению, ничего не знаем о характере отношений Лермонтова с И. А. Боратынским. Однако то, что последний был личностью интересной, сомневаться не приходится, и одно это уже должно было обратить на него внимание поэта.

В 1835 году Ираклий Абрамович женился на красавице княжне Анне Давыдовне Абамелек-Лазаревой. Женщина для своего времени выдающаяся, она была прекрасно образована, знала европейские языки, тонко разбиралась в поэзии, сама пробовала писать и переводить стихи. Ее хорошо знали Пушкин и Тютчев. Был знаком с А. Д. Абамелек-Боратынской и Лермонтов.

Анна Давыдовна вошла в историю литературы как одна из первых переводчиц Пушкина, Лермонтова и Некрасова на французский язык. Изданная ею небольшая книжечка переводов (20 стихотворений) ныне стала библиографической редкостью, ее можно встретить лишь в отделе редких книг крупнейших библиотек.



А. Г. Ломоносов. 1842 г.
Публикуется впервые.

Жене Ираклия Боратынского многие поэты посвящали стихи. В ее дошедшем до наших дней альбоме сделали записи Пушкин, Тютчев, Мятлев и другие. В конце марта — начале апреля 1841 года Михаил Юрьевич переписал в альбом Боратынской свое стихотворение «Последнее новоселье», посвященное Наполеону:

Меж тем как Франция, среди рукоплесканий
И кликов радостных, встречает хладный прах... [2]

Это наполненное большим политическим смыслом, вызвавшее острую журнальную полемику стихотворение в альбоме светской красавицы появилось отнюдь не случайно. Приехав зимой 1841 года в Петербург в отпуск, М. Ю. Лермонтов стал добиваться разрешения на издание ряда своих произведений. Было получено согласие на выпуск второго издания «Героя нашего времени», не вызвали возражения стихотворения «Оправдание» и «Родина», которые вскоре увидели свет на страницах журнала «Отечественные записки». Сложнее оказалось дело с публикацией «Последнего новоселья». Цензоры не решались дать своего согласия. Потребовалась помощь Анны Давыдовны, которая использовала для этого высокое положение мужа и личные светские связи, чтобы помочь поэту. В ответ благодарный М. Ю. Лермонтов и подарил ей автограф.

У А. Д. Боратынской хранился и другой лермонтовский автограф — список знаменитого стихотворения «На смерть поэта».

Уже будучи глубокой старушкой, Анна Давыдовна попробовала заняться переводами М. Ю. Лермонтова на английский язык. Три таких перевода: «Молитвы», «К портрету», «Ветка Палестины» — были изданы в Бадене в 1878 году.

Вместе с женой И. А. Боратынский часто приезжал



С. Г. Ломоносов. Акварель К. Брюллова. 1849 г.
Публикуется впервые.

в Мару, подолгу гостил здесь. Наездами бывал он и в губернском центре. В. А. Жуковский, посетивший Тамбов в июле 1837 года, встретил в городе Ираклия Абрамовича и Анну Давыдовну Боратынских. Об этом свидетельствует запись в его дневнике.

Хорошие отношения сложились у Лермонтова и с тамбовцем Александром Григорьевичем Ломоносовым. Он происходил из богатой семьи помещиков, владевших в Шацком уезде многочисленными селами и деревнями (Лукьяновское, Серовское, Мишулово, Иваншино и др.). Двух его братьев знал Пушкин. Николаю поэт адресовал стихотворение «К Н. Г. Ломоносову» («И ты, любезный друг, оставил...»), с Сергеем вместе учился в Царскосельском лицее. Сергей Григорьевич Ломоносов сделал карьеру на дипломатическом поприще, был секретарем русского посольства во Франции, затем послом в Бразилии и Португалии, чрезвычайным посланником при нидерландском королевском дворе.

На квартире у А. Г. Ломоносова постоянно велись жаркие карточные баталии, во время которых проигрывались большие деньги. Частенько сюда заглядывал и Лермонтов, хотя страстным игроком он не был. Иногда после игры все вместе отправлялись в Петербург послушать цыган. Поэта привлекали их разудалые и грустные песни, оригинальность типов и характеров этой свободолюбивой народности.

Ломоносов был старше Лермонтова и по возрасту, и по офицерскому званию: незадолго до ссылки поэта на Кавказ он был произведен в полковники. В литературе он смыслил немного, но Михаила Юрьевича любил искренне, относился к нему с отеческой добротой.

— Брось ты свои стихи писать, — посоветовал он однажды Лермонтову, — государь узнает, и наживешь ты себе беды.

— Не беспокойтесь, господин полковник, не нажи-



Бивуак лейб-гвардии гусарского полка под Красным Селом. Акварель М. Ю. Лермонтова. 1835 г.

ву, — отшучивался поэт, делая при этом самую серьезную мину на лице... [3]

...Дни летят своим чередом. Корнет Лермонтов командует взводом. Лермонтов-поэт пишет стихи, пробует силы в прозе. И очень много рисует.

Только что закончились маневры. Гусары расположились на бивуак. В гости к офицерам приехал Сергей Ломоносов. Очутившись по своим дипломатическим делам в Петербурге, он не удержался от соблазна навестить брата. Михаил Юрьевич достает из своего походного саквояжа карандаши и краски, склоняется над альбомом... Пройдут годы, а гусары будут бережно хранить эту небольшую акварель в память о своем гениальном однополчанине...

Сейчас лермонтовская акварель находится в фондах Государственной имени В. И. Ленина публичной библиотеки в Москве. На красного дерева раме укреплена бронзовая табличка с выгравированной надписью: «Бивуак лейб-гвардии гусарского полка под Красным Селом, рисовал оного ж полка корнет Михаил Юрьевич Лермонтов в 1835-м году. 1. Корнет князь Николай Сергеевич Вяземский лежит. 2. Ротмистр Григор. Витт с вахмистром Докучаевым вдали. 3. Штаб-ротмистр Алек. Григорьевич Ломоносов сидит на ковре. 4. Ротмистр Ив. Ив. Ершов стоит сложа руки позади. 5. Посланник в Бразилии Сергей Григорьевич Ломоносов. 6. Поручик Яковлев сложа руки на груди. 7. Флигель-адъютант ротмистр Ираклий Абрамович Боратынский. 8. Корнет князь Александр Егорович Вяземский, рассказывающий полковнику князю Дмитрию Алексеевичу Щербатову, который сидит на складном стуле, о похищении из Императорского театрального училища воспитанницы, танцовщицы, девицы Кох» [4].

Акварель небольшая (16,8 × 21,4), лица братьев Ломоносовых, Боратынского, как и других гусарских офицеров, трудноразличимы, но, по свидетельству спе-

циалистов, «портретное сходство... следует считать схваченным очень удачно, если сравнить с дошедшими до нас отдельными портретами некоторых из персонажей этой акварели» [5].

Поэт вспомнил о приятелях-гусарах, работая над «Тамбовской казначейшей»:

О, скоро ль мне придется снова
Сидеть среди кружка родного
С бокалом влаги золотой
При звуках песни полковой!
И скоро ль ментиков червонных
Приветный блеск увижу я
В тот серый час, когда заря
На строй гусаров полусонных
И на бивак их у леска
Бросает луч исподтишка! [6]



„Победа сердца...»

Вместе с поэтом в лейб-гусарском полку служил Иван Николаевич Гончаров — красивый молодой человек, богатый и довольно пустой. Офицером он считался хорошим, впоследствии дослужился до генерал-майора.

К подобным людям М. Ю. Лермонтов большого интереса не проявлял, но здесь надо иметь в виду одно обстоятельство: Иван Николаевич доводился старшим братом Наталье Николаевне Гончаровой-Пушкиной, жене гениального поэта. Не знать об этом Лермонтов не мог...

...Когда наполеоновские полчища приближались к Москве, калужский дворянин, владелец имения Полотняный Завод Николай Афанасьевич Гончаров решил перевезти свою семью от греха подальше в Тамбовскую губернию. «...Для всякой осторожности, — сообщал он в письме к приятелю, — назначил я дорогим сердцу моему мирным убежищем... село Кареян...» [1] В Кариане (ныне Знаменка) находилось имение Загряжских — родственников Н. А. Гончарова по жене.



Н. Н. Гончарова-Пушкина. Акварель Т. Райта. 1844 г.

13 августа 1812 года беженцы достигли цели своего назначения. Вместе с Николаем Афанасьевичем в Кариан прибыли его супруга Наталья Ивановна и дети — Дмитрий, Екатерина, Иван, Александрина. Наталья Ивановна была на последнем месяце беременности. 27 августа она родила дочь, которую решили назвать в честь матери Натальей. Спустя год Гончаровы покинули Тамбовщину.

Пройдет много времени, прежде чем М. Ю. Лермонтов познакомится с красавцем офицером Иваном Гончаровым, а затем и с его знаменитой сестрой, нашей землячкой... Зимой 1837 года после трагической смерти мужа Наталья Николаевна впервые услышит о Лермонтове, о его написанных болью сердца стихах «На смерть поэта». С. Н. Карамзина — дочь литератора и историографа — писала 10 февраля брату Андрею: «Мещерский понес эти стихи Александрине Гончаровой, которая попросила их для сестры, жаждущей прочесть все, что касается ее мужа, жаждущей говорить о нем, обвинять себя и плакать» [2]. Через два года М. Ю. Лермонтов и вдова поэта встретятся в салоне Карамзиных.

Дом Николая Михайловича Карамзина и после его смерти был одним из центров культурной жизни Петербурга. «Все, что было известного и талантливого в столице, каждый вечер собиралось у Карамзиных...», «Там выдавались дипломы на литературные таланты...» — таковы свидетельства современников и очевидцев [3].

Здесь некогда часто бывал Пушкин. После первой кавказской ссылки двери дома гостеприимно распахнулись перед Лермонтовым. У Карамзиных он встречается с Вяземским, Жуковским, с сослуживцем по лейб-гусарскому полку Ираклием Боратынским, его женой Анной Давыдовной.

На третью зиму после смерти мужа Наталья Ни-



Церковь в селе Кариан (ныне Знаменка), где была крещена Н. Н. Гончарова-Пушкина. Публикуется впервые.

колаевна Пушкина вернулась в Петербург. И вот, как и прежде, она снова блистает в карамзинском салоне. «Сейчас она уже успокоилась, — сообщает С. Н. Карамзина брату, — ... да простит ей господь, ибо она не ведала, что творит. И ты, мой дорогой Андрей, не горюй о ней — для нее еще много найдется на земле радостей и удовольствий» [4].

Хозяева и гости дома предупредительны и внимательны к вдове-красавице. Лишь один человек старается не замечать и избегать ее — Лермонтов. В глазах Михаила Юрьевича она — виновница гибели величайшего поэта. Поэтому и настораживает ее красота, нерадостные мысли рождает каждая встреча с ней.

Последний вечер у Карамзиных перед последней поездкой на Кавказ. Лермонтов грустен, он предчувствует, что назад уже не вернется. Может быть, в этот вечер впервые посмотрел Михаил Юрьевич иными глазами на Гончарову-Пушкину, увидел в ней просто несчастную, достойную сожаления женщину. Он подсел к вдове, и они долго говорили, к удивлению всех собравшихся.

— Когда я только подумаю, как мы часто с вами здесь встречались! — воскликнул Лермонтов. — Сколько вечеров, проведенных здесь, в этой гостиной, но в разных углах! Я чуждался вас, малодушно поддаваясь враждебным влияниям. Я видел в вас только холодную, неприступную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние искренности, которое не разбираешь, а признаешь, чтобы унести с собой вечный упрек в близорукости, бесплодное сожаление о даром утраченных часах! Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение и, если не слишком самонадеянна мечта, стать когда-нибудь вам другом. Никто не может помешать посвятить вам ту беззаветную преданность, на которую я чувствую себя способным.

— Прощать мне вам нечего, — ответила Наталья Николаевна, — но если вам жаль уехать с изменившимся мнением обо мне, то поверьте, что мне отраднее оставаться при этом убеждении [5].

В 1847 году Н. Н. Гончарова-Пушкина вышла за-



А. П. Арапова. Фотография 60-х годов XIX в.
Публикуется впервые.

муж за тамбовского помещика П. П. Ланского. От второго брака у нее было несколько детей. Одна из дочерей — Александра Петровна Ланская-Арапова — долгое время жила под Тамбовом в имении родственников мужа — селе Арапове (ныне Красносвободное). Она-то и рассказала в 1908 году в газете «Новое время» о встречах матери с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, об их теплом прощании. «Мне было шестнадцать лет, — пишет А. П. Арапова, — я с восторгом юности зачитывалась «Героем нашего времени» и все расспрашивала о Лермонтове, о подробностях его жизни и дуэли. Мать тогда мне передала их последнюю встречу и прибавила:

— Случалось в жизни, что люди поддавались мне, но я знала, что это было из-за красоты. Этот раз была победа сердца, и вот чем была она мне дорога. Даже и теперь мне радостно подумать, что он не дурное мнение обо мне унес с собою в могилу» [6].

Вполне возможно, что в воспоминаниях А. П. Араповой есть и преувеличения, цель которых — облагородить образ умершей матери. Но нет оснований считать их неправдоподобными целиком, не верить, что теплое прощание М. Ю. Лермонтова с вдовой А. С. Пушкина не могло состояться.



Нижегородские драгуны

Нижегородский драгунский полк, куда по «высочайшему повелению» был сослан автор гневных стихов на смерть А. С. Пушкина, располагался в Грузии, верстах в ста от Тифлиса. Его задачей было нести охрану так называемой «кордонной линии» и отражать возможные набеги лезгин.

В сентябре 1837 года Михаил Юрьевич прибыл в штаб полка. В биографии Лермонтова была открыта новая страница.

Интересовало ли поэта прошлое полка, в котором теперь надлежало служить? Если да, то здесь Лермонтов мог узнать много любопытного.

Крестником нижегородцев был сам Петр I. Полк участвовал в войне со шведами за овладение невскими берегами. Создавая регулярную и многочисленную по тем временам армию, Петр понимал, что и без того истощенной казне не прокормить ее. И царь нашел выход: полки расквартировывались по разным губерниям и уездам, а все расходы на их содержание ложились на плечи местных жителей. В 1719 году, когда исход



Нижегородский драгун. Рисунок Г. Гагарина.

войны уже был предрешен, нижегородских драгун из Белозерска перевели в Шацк — будущий уездный город Тамбовской губернии, в места по соседству с теми, где провел свое детство и отрочество поэт. Здесь полк пробыл двенадцать лет, настолько прижился, что одно время даже потерял свое первородное название и стал именоваться Вторым Шацким.

В 1731 году полк перебросили почти на сотню верст южнее, поближе к Тамбову, в большое село Пичаево. Нижегородские драгуны прикрывали от татарских набегов степь между Доном и Волгой, затем участвовали в Семилетней войне, побывали в Пруссии.

В 1776 году полк снова в Тамбове. Командует им дворянин из тамбовских помещиков Степан Данилович Жихарев — близкий родственник С. П. Жихарева, литератора и театрала, знакомого А. С. Пушкина.

А в 1783 году нижегородцам на многие десятилетия пришлось расстаться со среднерусской степной равниной. И вот на протяжении уже долгого времени несут они бессменную, полную опасностей и тревог службу в самом центре Кавказа.

В памяти новых сослуживцев М. Ю. Лермонтова были еще свежи события тех героических дней, когда их «отцом-командиром» был грузинский князь, поэт и вольнодумец Александр Гарсеванович Чавчавадзе. Слава о доблести полка перевалила через кавказские хребты и далеко понеслась... 27 сентября 1829 года драгуны во главе со своим бесстрашным командиром в конном строю взяли штурмом сильное турецкое укрепление — случай невиданный в истории кавалерии![1] А через четыре года был раскрыт антиправительственный заговор в Тифлисе, и один из участников его, бывший командир нижегородцев, отправился в Тамбов — в свою вторую ссылку...

В Государственном архиве Тамбовской области сохранились два документа, позволяющие судить о сро-



А. Г. Чавчавадзе.
Портрет работы неизвестного художника.

ках ссылки опального грузинского князя. В секретном отношении от 19 февраля 1834 года министр внутренних дел сообщал тамбовскому губернатору, что «князь Чавчавадзе 18 минувшего генваря отправлен в Тамбов в сопровождении есаула Черноморского казачьего войска Грудаева» [2]. А вскоре — 22 апреля того же года — военный министр поставил в известность местные власти: «Государь император высочайше соизволил разрешить находящемуся ныне на жительстве в г. Тамбове генерал-майору князю Чавчавадзе приехать в С.-Петербург» [3].

Эти документы были впервые приведены в книге Ираклия Андроникова «Лермонтов в Грузии в 1837 году». Однако, ссылаясь на них, автор произвольно указывает сроки прибытия в Тамбов и отъезда в Петербург А. Чавчавадзе: «прибыв в Тамбов 18 февраля...» и «в первых числах мая Чавчавадзе выехал из Тамбова» [4]. Оснований для такой точной датировки документы не дают...

Следовательно, ссылка длилась всего три месяца, а не четыре года, как это раньше считали специалисты. В 1837 году А. Чавчавадзе находился уже в Грузии. Это позволило И. Л. Андроникову сделать предположение о возможной встрече двух поэтов. Она могла состояться в Цинандали — родовом имении князя, в окрестностях которого располагался Нижегородский драгунский полк.

Пребывание в полку было для М. Ю. Лермонтова недолгим. В октябре 1837 года Николай I, находящийся в это время в Тифлисе, устроил смотр войскам. В параде приняли участие и два дивизиона нижегородцев, в том числе и второй дивизион, в котором служил поэт. Полк получил благодарность за «отличный вид», многие офицеры были поощрены. Не обошли вниманием и М. Ю. Лермонтова: он был прощен и переведен в Гродненский гусарский полк. 25 ноября

1837 года — последний день пребывания Михаила Юрьевича среди нижегородцев.

Поэт получил возможность вернуться в Россию. «Герой нашего времени», «Мцыри», «Беглец», «Дары Терека» и другие замечательные произведения, навеянные кавказскими впечатлениями, — таков творческий итог первой ссылки М. Ю. Лермонтова.



„Рыцарь из Тамбова»

В один из июньских вечеров 1834 года группа студентов Московского университета собралась на шумную вечеринку. Когда были опорожнены несколько бутылок шампанского, кто-то из присутствующих запел:

Русский император
В вечность отошел,
Ему оператор
Брюхо распорол.

Песню дружно подхватили:

Плачет государство,
Плачет весь народ,
Едет к нам на царство
Константин-урод... [1]

На вечеринке присутствовал провокатор. По его доносу явилась полиция, и студенты были арестованы

Московские власти решили воспользоваться этим случаем для расправы над кружком Герцена, куда входили наиболее революционно настроенные студенты университета. Правда, на вечеринку никто из них приглашен не был, зато при обыске у предполагаемого ав-

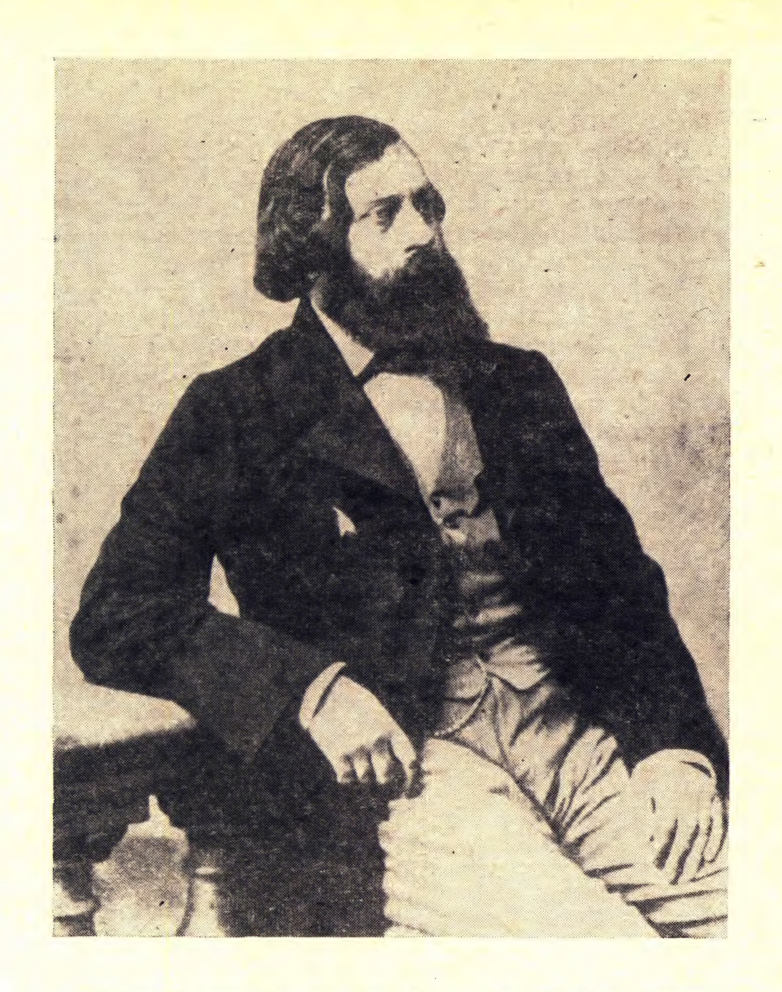
тора «крамольной» песни были найдены их письма. Так в московском губернском полицейском управлении появилось дело «о лицах, певших пасквильные песни».

Были арестованы еще несколько человек: Герцен, Огарев, будущий известный переводчик Кетчер... В их числе оказался и наш земляк Николай Сатин.

Николай Михайлович Сатин (1814—1873 гг.) родился в селе Дмитриевщина (ныне Рассказовский район) Тамбовской губернии, в семье богатого помещика. Здесь же провел свои детские годы. В 1827 году вместе с Лермонтовым он поступил в Московский университетский пансион. Они учились в одном классе, но дружбы между ними не завязалось.

После закрытия пансиона Сатин поступил на математический факультет Московского университета, близко сошелся с Герценом и Огаревым. Пылкий, восторженный юноша, напоминавший «своей идеальной красотой Байрона: он и прихрамывал, как Байрон, и краснел, как девушка» [2], стал активным участником революционного кружка студентов. Но ему не хватало тех качеств, которые помогли впоследствии Герцену и Огареву стать непоколебимыми борцами против самодержавия и крепостничества. По свидетельству близко знавшей его современницы, он «принес в жизнь нежную, чувствительную душу, но не принес ни твердой воли... ни твердого тела. Болезненный, бледный, он похож на оранжерейное растение, воспитанное в комнатах и забытое небрежным садовником на стуже московских летних ночей... Его фантазия была направлена на ложную мысль бегства от земли» [3].

Арест по делу «О лицах, певших пасквильные песни», подорвал и без этого слабое здоровье Сатина. «Физически Сатин пострадал больше других, — вспоминал А. И. Герцен, — он был худ и лишился части волос. Узнав в Тамбовской губернии, в деревне у своей мате-



Н. М. Сатин. Фотография 60-х годов XIX в. Публикуется впервые.

ри, что нас схватили, он сам поехал в Москву, чтоб приезд жандармов не испугал мать, простудился по дороге и приехал домой в горячке. Полиция его застала в постели, везти в часть было невозможно. Его арестовали дома, поставили у дверей спальной с внутренней стороны полицейского солдата и братом милосердия посадили у постели больного квартального надзирателя, так что приходя в себя после бреда, он встречал слушающий взгляд одного или испитую рожу другого»[4].

В ожидании суда долго и однообразно тянутся дни. Сатин, считавшийся способным поэтом и уже опубликовавший несколько своих произведений на страницах столичных журналов, в тюрьме много пишет. Одно из стихотворений, «Послание к сестре», в списках ходило по Москве и пользовалось большой популярностью у революционной молодежи.

Из тесной кельи заключенья
Зачем ты требуешь стихов?
Там тухнут искры вдохновенья,
Где нет поэзии цветов!

А здесь их нет: больных стенанье,
Оружья стук да шум солдат
Души высокой излиянья
Хоть в ком внезапно прекратят.
. . . .
. . . .

А ты, сестра, возьми терпенья
И не ищи восторга след
В моем отрывке вдохновенья:
Я узник здесь, а не поэт![5]

По приговору суда Сатина высылают в Симбирскую губернию, а через два года по болезни переводят на Кавказ. Живя летом 1837 года в Пятигорске, Николай Михайлович встречается с М. Ю. Лермонтовым —

своим однокашником по университетскому пансиону.

«Лермонтов приходил ко мне почти ежедневно после обеда отдохнуть и поболтать, — вспоминал много лет спустя Сатин. — Он не любил говорить о своих литературных занятиях, не любил даже читать своих стихов, но зато охотно рассказывал о своих светских похождениях...» [6].

Зимой 1838 года Сатин снова встретился с Лермонтовым, на этот раз в Ставрополе, где он снимал квартиру вместе с доктором Майером. К ним в гости часто приходили сосланные декабристы Сергей Кривцов и Валериан Голицын. Заглядывал сюда и Михаил Юрьевич.

О встречах с великим русским поэтом Н. М. Сатин рассказал в своих воспоминаниях, впервые опубликованных в 1895 году в сборнике «Почин». По оценке специалистов, они «являются наиболее значительными из всех мемуарных свидетельств о первой ссылке Лермонтова на Кавказ» [7]. Да и сами визиты Лермонтова на квартиру к больному Сатину не были бесплодны: здесь состоялось его знакомство с В. Г. Белинским, многими декабристами, а также с Николаем Васильевичем Майером — разночинцем и вольнодумцем, человеком оригинального ума и большой начитанности, послужившим Михаилу Юрьевичу прообразом одного из персонажей «Героя нашего времени» — доктора Вернера.

После двухлетнего пребывания на Кавказе Сатину разрешили вернуться в Москву. Затем он едет за границу, побывал в Германии, Франции, Италии, повидался с Герценом — тогда уже эмигрантом. Живя осенью 1843 года в Париже, Н. Сатин сблизился со своим земляком Е. А. Боратынским. Дружба длилась недолго: Евгений Абрамович вскоре умер. «Он имел много планов и умер, завещая нам привести их в исполнение», — вспоминал Сатин впоследствии. Тяжело

переживая кончину поэта, он посвятил ему стихотворение:

В его груди любила и томилась
Прекрасная душа
И ко всему прекрасному стремилась,
Поэзией дыша,
Святой огонь под хладной сединою
Он гордо уберег,
Не оскудел, хоть и страдал душою
Средь жизненных тревог...
. . . .

О, сколько раз с горячим рукожатьем,
С слезою на глазах,
Он нам твердил: вперед, младые братья,
Пред истиной все прах! [8]

В Москве и Петербурге после возвращения с Кавказа Лермонтов с Сатиным, видимо, больше не виделись, во всяком случае, известий об этом никаких нет. В 1841 году Сатин принял участие в полемике, разразившейся вокруг лермонтовского стихотворения «Последнее новоселье». Многие литераторы и критики, в том числе и В. Г. Белинский, увидели в нем оскорбление французского народа. Это заблуждение разделил и Сатин, написавший «Поэту-судии»:

Когда поэт, сознав свое призванье,
Свой приговор народу возвестит,—
Как мощно он стихом негодованья
Народ бичует и клеймит! [9]

Сатин не понял, что в своем стихотворении Лермонтов потому-то и ополчился против французов, что этот великий и свободолюбивый народ, по его мнению, начинает терять революционные традиции.

Вернувшись из заграничной поездки на родину, Сатин много занимается литературной работой, печатает свои стихи и переводы в журналах «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» и других.

В 1850 году Сатин был вместе с Огаревым арестован по обвинению в принадлежности к «коммунистической секте» и вновь сослан. В ссылке он усиленно занимается переводами на русский язык произведений Шекспира. Критика тех лет отмечала, что перевод «Бури» был «отличным и читался с увлечением». В 1851 году в «Современнике» появился сатинский перевод комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», который также был удостоен высокой оценки читателей и критики.

Я отлучен судьбою был от мира,
И там, в тиши, открылся предо мной
Волшебный мир—волшебника Шекспира
С его живой, великой простотой...

Так объяснял сам Сатин свой огромнейший интерес к творчеству бессмертного гения...[10]

Про Сатина-поэта и переводчика говорили: далеко пойдет. Но сам Николай Михайлович вдруг разочаровался в литературе. Писать и печатать стихи бросил. А увидев где-либо журнал со своим стихотворением, тут же вырывал страницу.

С Герценом и Огаревым он дружил до конца своих дней. Кстати, с последним они даже породнились: оба были женаты на сестрах Тучковых.

Настоящим, последовательным революционером Сатин не стал. Однако друзья любили его за доходящую до фанатизма честность и порядочность, бескорыстие, светлые мысли. Его и не называли иначе, как «Ritter aus Tambov» — рыцарь из Тамбова.



Декабрист Сергей Кривцов

Зимой 1838 года в Ставрополе на квартире у Сатина поэт познакомился с декабристом Сергеем Ивановичем Кривцовым.

Их было три брата. Старший, Николай, двадцать лет приятельствовал с А. С. Пушкиным, младший, Павел, был хорошо знаком с Н. В. Гоголем и И. С. Тургеневым (с последним Кривцовы находились в довольно близком родстве).

Герой Отечественной войны 1812 года, любимец Александра I, бывший тульский, воронежский и нижегородский губернатор, Николай Иванович Кривцов отличался глубокими познаниями в различных областях науки, тонким художественным вкусом, железной волей и властолюбивым характером. Павел, не в пример старшему брату, как истинно русский барин, был подвержен лени, не чужд был позерству, зато умел приспосабливаться, очаровывать людей, могущих в чем-либо быть полезными.

Сергей выгодно отличался от братьев своими моральными достоинствами. Он был «простой, искрен-

ний, нерасчетливый человек, безобидный остряк и верный товарищ» [1]. На эти черты характера С. И. Кривцова указывает и Н. М. Сатин: «добрый, хороший человек, далеко ниже по уму и выше по сердцу своего брата Николая» [2].

Сам внешний вид Сергея Ивановича излучал радушие. Большой, медлительный, неповоротливый, с крупными чертами лица, на котором особенно выделялись глаза — добрые, внимательно смотрящие на собеседника...

В 1827 году после крушения своей карьеры на административном поприще Николай Иванович переселяется на Тамбовщину в село Любичи Кирсановского уезда — имение жены Екатерины Федоровны, урожденной Вадковской. С тех пор это небольшое село, затерявшееся в кирсановской глуши, стало для орловских дворян Кривцовых второй родиной. Здесь умерли и похоронены Николай и Павел, сюда часто наезжал Сергей.

Сергей вместе с Павлом учился и воспитывался в Швейцарии, в знаменитом пансионе Фелленберга — ученика выдающегося педагога Песталоцци. В 1820 году после завершения пансионного курса некоторое время жил в Париже, слушал лекции в университете, посещал театры. По возвращении в Россию был вынужден поступить на военную службу, хотя и не имел к ней никакого тяготения, в марте 1821 года его зачислили в лейб-гвардии конную артиллерию.

В 1824 году Сергей Иванович вступил в Южное общество декабристов по рекомендации Ф. Ф. Вадковского — родного брата жены Н. И. Кривцова. Во время восстания на Сенатской площади он гостил в Воронеже у Николая Ивановича. Кстати, здесь произошло событие, которое для нас может представлять известный интерес.

В доме воронежского губернатора Н. И. Кривцова и



С. И. Кривцов. Акварель Н. А. Бестужева. 1828 г.

его красавицы жены Екатерины Федоровны довольно часто устраивались балы. На них приглашались и офицеры расквартированного в Нижнедевицке конно-егерского полка, среди которых был поручик Обресков — близкий родственник Екатерины Федоровны.

Однажды после бала из гостиной Кривцовых исчезли драгоценности. Вскоре вор был найден, им оказался... Обресков. Военный суд лишил поручика дворянского звания, чина и всех наград. Рядовым он был переведен на Кавказ, сражался с горцами в составе Нижегородского драгунского полка, за храбрость заслужил прощение. Может быть, и не стоило вспоминать об Обрескове, если бы впоследствии он не женился на Наталии Федоровне Ивановой — загадочной «Н. Ф. И.», к которой обращены многие замечательные стихотворения М. Ю. Лермонтова...[3]

Сергей Иванович был арестован в Воронеже в январе 1826 года. Как не принимавшего активного участия в делах тайного общества, но знавшего об «умысле Вадковского на цареубийство», его осудили по седьмому разряду к четырем годам каторжных работ, сокращенных затем до года. Отбыв каторгу в Читинском остроге, он был переведен на поселение сначала в Туруханск, а затем в Минусинск.

По свидетельству друзей-декабристов, каторга и ссылка не сломили Сергея Ивановича. Один из них — Розен — писал впоследствии: «Развлекали нас шахматы и песни С. И. Кривцова, питомца Песталоцци и Фелленберга; бывало запоет «Я вкруг бочки хожу», то Ентальцев (декабрист. — В. П.) в восторге восклицает: «Кто поверит, что он в кандалах и в остроге?»[4]

О жизнерадостности, неиссякаемом остроумии Сергея Ивановича Кривцова свидетельствовал и такой забавный факт. В Минусинске на вывеске одного проныры портного он написал по-немецки «Трофим — вор». Ничего не подозревавший Трофим очень гордился этой

надписью, которая привлекала к нему не знавших немецкого языка доверчивых заказчиков... Оставил о себе память Кривцов в Минусинске и тем, что пожертвовал двадцать рублей серебром для строительства моста через речку.

Находясь в Сибири, Сергей Иванович регулярно переписывался с родными и знакомыми. Из Любичей ему постоянно писала Екатерина Федоровна Вадковская-Кривцова, с Орловщины — мать, сестра и родственник Сергей Тургенев — отец великого писателя.

В сентябре 1831 года благодаря многочисленным хлопотам родных и друзей Сергей Иванович был переведен рядовым на Кавказ, где участвует в многочисленных боях и стычках с горцами, получает за храбрость Георгия. В 1835 году его произвели в унтер-офицеры и разрешили краткосрочный отпуск. Первым делом он спешит в Любичи, чтобы успеть на день рождения старшего брата, живет здесь две недели, потом отправляется к матери в село Тимофеевское в Орловской губернии. «Сергей здоров физически и духовно — таково общее и главное впечатление, — сообщал Николай Иванович в письме к Павлу в Рим. — Прожив 10 лет вне Европы, он тем не менее вполне осведомлен обо всем, что совершилось в ней за это время, создание новейшей литературы, успехи цивилизации, словом, все завоевания века ему знакомы и близки и, вернувшись в общество, он внешне будет на одном уровне со всеми, а по существу будет и выше общего уровня, благодаря размышлениям, которые питали в нем разнообразные перипетии его жизни» [5].

К моменту встречи с М. Ю. Лермонтовым Сергей Иванович за храбрость и отличия в боях уже заслужил офицерский чин. А через два года добился наконец долгожданной отставки. Ему исполнилось тогда 37 лет.

В 1843 году умер Николай Иванович, через год скоропостижно скончался приехавший в Любичи Павел. Сергей Иванович становится опекуном детей последнего, управляет их имением в селе Тамале — недалеко от Любичей, на границе Тамбовской и Саратовской губерний, часто и подолгу живет и в Любичах у вдовы брата и в Тамале.

Только в 1856 году в день коронации Александра II с декабриста С. И. Кривцова был снят полицейский надзор. Умер он в 1864 году, шестидесяти двух лет от роду.



Поэт и генерал

Их знакомство было непродолжительным. Они, видимо, пришлись друг другу по душе: поэт тепло написал о генерале в одном из своих лучших произведений, генерал, в свою очередь, делал все возможное, чтобы облегчить участь опального поэта...

Просматривая однажды в Тамбовском архиве какие-то дела, встретил я довольно редкую фамилию: Галафеев. Документ поведал, что в 1804 году гвардейский подпоручик в отставке Василий Петрович Галафеев купил в селе Избище Лебедянского уезда Тамбовской губернии имение и переселился сюда вместе с семьей на постоянное жительство. Василий Петрович, очевидно, увлекался древнегреческой историей и мифологией. Своим сыновьям он, не хуже гоголевского Манилова, дал звучные имена Сократ, Аркадий, Аполлон и Вениамин.

В 1819 году В. П. Галафеев умер, имение в Избищах было поделено между Сократом, Аполлоном и Вениамином Васильевичами (Аркадия к тому времени уже не было в живых) [1].

Нам известно, что в 1840 году во время второй кавказской ссылки М. Ю. Лермонтов участвовал в Чеченском походе в составе отряда, которым командовал генерал-лейтенант Аполлон Васильевич Галафеев (1793—1853 гг.).

Возник вопрос: кавказский генерал и сын владельца Избищ — одно и то же лицо? Оказалось, что да.

Что удалось узнать об этом человеке? Биография генерала — биография типичного профессионального военного. Образование он получил в кадетском корпусе. В конце 1811 года был выпущен подпоручиком в Тульский пехотный полк. В Отечественную войну служил в войсках графа Витгенштейна, прикрывавших от французов дорогу на Петербург. Участвовал в заграничных походах и взятии Парижа.

В русско-турецкой войне 1828—1829 годов Аполлон Васильевич уже полковник. За смелость, проявленную в сражениях, был награжден четырьмя орденами и золотой полусаблей с надписью «За храбрость».

Затем — участие в польском походе 1830 года, за что был также награжден орденом и представлен к званию генерал-майора, служба в отдельном Сибирском корпусе на должности начальника штаба и, наконец, Кавказ. С апреля по сентябрь 1839 года А. В. Галафеев участвовал в экспедиции генерал-адъютанта Граббе в Дагестан против Шамиля, командуя всей пехотой отряда. Два новых ордена и чин генерал-лейтенанта — таков итог этой экспедиции для Аполлона Васильевича...

Они встретились во время второй ссылки поэта на Кавказ. В крепости Грозной, заложенной еще знаменитым Ермоловым, под командованием генерал-лейтенанта А. В. Галафеева готовилась очередная экспедиция против чеченцев. 6 июля 1840 года отряд выступил в поход. В числе офицеров находился и поручик Тенгинского пехотного полка М. Ю. Лермонтов.



А. В. Галафеев. Акварель Д. Палена.

Впереди — многие версты пути по лесистым ущельям, через бурные, каменистые потоки, завалы... 11 июля 1840 года при речке Валерик произошло кровопролитное сражение с горцами. Бой длился несколько часов. В отряде Галафеева было убито и ранено свыше 20 офицеров и почти 350 солдат. Потери горцев оказались еще значительнее.

В военном отношении значение сражения при Валерике было ничтожным, зато, по выражению одного историка, оно «доставило русской литературе несколько блестящих страниц Лермонтова». Да, знаменитый лермонтовский «Валерик» («Я вам пишу случайно, право...») является одним из наиболее сильнейших гуманистических и антивоенных стихотворений поэта.

Описывая сражение, М. Ю. Лермонтов не забыл упомянуть о командующем отрядом русских. С Галафеевым мы встречаемся в стихотворении дважды

Подъем ударил барабан—
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал... [2]

Утих «бой жестокий». Смолкли выстрелы. Сражавшиеся стороны подсчитывают потери.

...Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал. [3]

Есть в стихотворении еще одна любопытная деталь. Окруженный своими солдатами, умирает раненый капитан.

В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры

Бродили страшно, он шептал...
«Спасите, братцы. Тащат в горы.
Постойте — ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но все слабей, и понемногу
Затих и душу отдал богу... [4]

Умирающий в бреду помнит о своем начальнике, беспокоится о нем, — это говорит о многом. Аполлон Васильевич принадлежал к тому числу «отцов-командиров», которых солдаты любили и уважали, и это всеобщее уважение разделял и Михаил Юрьевич...

В то время, когда генерал «сидел в тени на барабане и донесенья принимал», ему доложили об отважных действиях в бою поручика М. Ю. Лермонтова. Вместе с другими отличившимися в сражении Галафеев представил поэта к награждению орденом Владимира 4-й степени с бантом. В наградном списке Аполлон Васильевич писал: «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы» [5].

Старания Галафеева оказались напрасными: корпусный командир заменил в представлении орден Владимира на менее ценный — Станислава 3-й степени, потому что «поручик орденов не имеет», а царь вычеркнул фамилию Лермонтова совсем.

После Валерикского сражения отряд Галафеева возвратился в Грозную. М. Ю. Лермонтов едет в Пятигорск — у него обострился ревматизм. Через два ме-



Эпизод из сражения при Валерике. Рисунок М. Лермонтова и Г. Гагарина.

сяца, 12 сентября, он сообщал другу А. Лопухину: «Я теперь вылечился почти совсем и еду с вод опять в Чечню, в действующий отряд генерал-лейтенанта Галафеева, на левый фланг» [6].

Когда поэт вернулся в отряд, здесь закончилась подготовка к новой экспедиции против горцев. На сей раз она длилась двадцать дней. Все это время М. Ю. Лермонтов командовал отрядом разведчиков — «охотников»: в нем были собраны представители различ-

ных национальностей, отчаянные храбрецы, первыми кидавшиеся в огонь сражений. Галафеев передал «охотников» под начало Лермонтова в связи с тем, что их командир — дерзкий смельчак, заядлый дуэлянт и скандалист, сын прославленного героя Отечественной войны 1812 года Руфин Дорохов был ранен...

Позади три недели трудных походов, тяжелых боев... В рапорте на имя командующего войсками кавказской линии Галафеев просит наградить отличившихся офицеров, «бывших в продолжении двадцатидневного движения отряда по Чечне и при взятии приступом главных неприятельских аулов: Шали, Герменчука и Саит-Юрта»[7]. В списке одним из первых значился Лермонтов, который отличался «расторопностью, верностью взгляда и пылким мужеством». Галафеев рекомендовал перевести Лермонтова «в гвардию с тем же чином».

Нетрудно заметить, что генерал не просто отдает дань мужеству своего подчиненного. Его просьбы, касающиеся Лермонтова, — это попытки избавить поэта от Кавказа — «теплой Сибири». Награждение орденом могло привести к полному прощению опального поручика и возвращению его в столицу, перевод в гвардию — тем более. Только хлопоты А. В. Галафеева успеха не имели...

Аполлон Васильевич служил на Кавказе до 1846 года, был дважды ранен в сражениях с горцами. Потом его перевели комендантом в Севастополь. Незадолго до начала Крымской войны престарелый генерал был уволен со службы и вскоре умер.

С Тамбовщиной он поддерживал связи до последних дней. В одном из архивных дел мне удалось обнаружить письмо А. В. Галафеева, с которым он обратился из Крыма в губернское дворянское собрание по делам своего тамбовского имения.



Липецкий старожил

В Пятигорске накануне роковой дуэли у М. Ю. Лермонтова произошла еще одна интересующая нас встреча...

«Лермонтова уже нет, вчера оплакивали мы смерть его. Грустно было видеть печальную церемонию, еще грустней вспомнить: какой ничтожный случай отнял у друзей веселого друга, у нас лучшего поэта... Как недавно, увлеченные живой беседой, мы переносились в студенческие годы: вспоминали прошедшее, разгадывали будущее... Он высказывал мне свои надежды скоро покинуть скучный юг и возвратиться к удовольствиям севера: я не утаил надежд наших литературных, и прочитал на память одно из лучших его произведений. Черные большие глаза его горели: он, казалось, утешен был моим восторгом и в благодарность продекламировал несколько стихов, которые и теперь еще звучат в памяти моей.

Вот они:

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..

А годы проходят, все лучшие годы!
Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всем там ничтожно...
Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка:
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...

Так провел я в последний раз незабвенные два часа с незабвенным Лермонтовым» [1].

Эти строки взяты из «Дневника поездки по России в 1841 году», опубликованного в сентябрьском номере журнала «Русская старина» за 1913 год. Незадолго перед этим известному историку и археологу Александру Александровичу Гоздаво-Голомбиевскому кто-то из студентов Петербургского университета подарил старую рукопись. Это был дневник — дорожные заметки человека, много путешествовавшего по стране. «Удалось установить, — сообщал А. Голомбиевский в «Русской старине», — что писавший дневник был... Николай Федорович Туровский. Сын поселившегося в начале XIX века в Липецке штаб-лекаря Федора Ивановича Туровского, Николай Федорович в молодости служил в Петербурге, затем переселился в Липецк и сделался тамошним старожилом. Там он имел дом с большим садом, открытым для всех обитателей Липецка: жил очень открыто и широко. Одно время он был директором Липецких минеральных вод, а потом выборным мировым судьей» [2].

Да, не очень многим располагал ученый-историк. А между тем автор дневника — человек из лермонтовского окружения. «... Мы переносились в студенческие годы, вспоминали прошедшее». Что Туровский под этим подразумевает: пансион или университет? Ответ на вопрос был дан лишь много лет спустя. В 1941 году доцент Воронежского университета Ф. Ф. Майский

опубликовал список однокашников М. Ю. Лермонтова по пансиону. В этом списке есть Николай Туровский (ошибочно Туравский)[3].

Итак, перед нами человек, знавший поэта в юные годы, встретившийся с ним на Кавказе и оставивший воспоминания об этой встрече. Узнать о нем какие-то подробности — дело не одного праздного любопытства.

...В 1790 году ученик философского класса Черниговской семинарии Федор Туровский, не завершив курса наук, перебрался в Петербург, где поступил в «Генеральную сухопутную гошпиталь» лекарским учеником. Не богословие и философия, а медицина были его давнишней мечтой и призванием. Получив в «гошпитале» необходимые врачебные навыки, Туровский переселяется в Тамбовскую губернию. Служил штаб-лекарем в Липецком, Моршанском и Спасском уездах. В 1808 году окончательно обосновался в Липецке, становится главным медиком при местных минеральных водах. Владелец «трех душ крепостных мужеска пола», Федор Иванович Туровский выгодно женился на дочери богатого помещика, получив за ней солидное приданое. В чине надворного советника ушел в отставку. Избирался липецким уездным предводителем дворянства.

Николай Федорович был старшим сыном в семье Туровских. Родился он 6 октября 1811 года в имении матери — селе Покровском Задонского уезда Воронежской губернии. Детство провел в Липецке. С четвертого по шестой классы учился вместе с Лермонтовым в пансионе. По окончании его в феврале 1832 года переезжает в Петербург, служит сначала в департаменте просвещения, затем в государственном заемном банке и департаменте государственного казначейства. Летом 1841 года по служебным делам совершает большое путешествие по югу России. В Пятигорске, как мы уже знаем, встречается с Лермонтовым.

С 1852 года и до самой смерти (примерно 1884 год) Туровский живет в Липецке. Служит директором минеральных вод, десять лет исполняет обязанности уездного предводителя дворянства.

Такова краткая биография лермонтовского однокашника, представление о которой дают обнаруженные в тамбовском архиве документы [4]. Кое-что добавляет к ним сам Николай Федорович в «Дневнике поездки по России в 1841 году». Автор дневника предстает перед нами человеком начитанным, наблюдательным, остроумным. Часто цитирует Пушкина. Неплохо владеет пером. О пятигорском обществе лета 1841 года он отзывается, например, так: «Мужчины, большею частью пехотные, жалкие армейцы, которых сперва выставляют черкесам, как мишени, а потом калеками присылают лечить на воды. Есть и гвардейцы: им или вреден север или нужен крестик...» [5]

Из дневника мы узнаем также, что Н. Ф. Туровский был в довольно близких отношениях с академиком Иустином Евдокимовичем Дядьковским. С последним незадолго до гибели встретился Михаил Юрьевич, о чем свидетельствует один из современников и очевидцев: «В тот же вечер мы видели Лермонтова... Человек молодой, бойкий, умом остер. Беседа его с Иустином Евдокимовичем зашла далеко за полночь. Долго беседовали они о Байроне, Англии, о Бэконе. Лермонтов с жадностью расспрашивал о московских знакомых. По уходе его Иустин Евдокимович много раз повторял: «что за умница» [6].

К сожалению, на этом сведения о пансионском сокурснике М. Ю. Лермонтова обрываются. Но будем надеяться, что дальнейшие поиски позволят добавить еще несколько штрихов к характеристике «липецкого старожила» — человека, рядом с которым великий поэт провел почти три года своей жизни.



„Как мальчик кудрявый, резва...»

Новотомниково — одно из красивейших мест на Тамбовщине. Вдоль пологого левого берега Цны раскинулось село. Внизу зеленым ковром легла речная пойма. Трава — человеку по пояс. Блестят, словно слитки серебра, многочисленные озера и озерки. Не о здешних ли местах писал певец русской природы И. С. Тургенев: «То были раздольные, просторные, поемные, травянистые луга, со множеством небольших лужаек, озерец, ручейков, заводей, заросших по концам ивняком и лозами, прямо русские, русским людом любимые места...» [1].

Если вы побываете в Новотомникове — можете полюбоваться построенной еще в начале прошлого века церковью, поражающей богатством своей внутренней и внешней отделки, огромным парком, где собраны десятки самых разнообразных пород деревьев. Памятником архитектуры является и просторный особняк с колоннами — в нем размещен детский санаторий.

До революции это был барский дом. Селом владели Воронцовы-Дашковы — крупнейшие российские

землевладельцы, богачи и аристократы. Не многие тамбовские помещики владели таким имением: почти восемнадцать тысяч десятин пашен, шесть с половиной тысяч десятин леса, луга, выгоны, сады[2]. К тому же на долгие годы укрепилась за графским поместьем репутация «образцового»: о том, как велось здесь на дешевом наемном труде местных крестьян хозяйство, писали в газетах, журналах, книгах...

В тридцатых — пятидесятых годах прошлого века Новотомниково принадлежало графу Ивану Илларионовичу Воронцову-Дашкову. Выбрав местом своего постоянного жительства Петербург, он изредка наведывался вместе с женой Александрой Кирилловной в свою тамбовскую вотчину. Был у них дом и в Тамбове (он не сохранился). Приезжая в губернский центр, граф с супругой устраивали в своем доме музыкальные вечера, в одном из них, по преданиям, принял участие известный композитор Верстовский, впервые исполнивший арию Торопки из «Аскольдовой могилы». Существуют легенды о том, что в тамбовском доме Воронцовых-Дашковых бывал и М. Ю. Лермонтов.

Иван Илларионович Воронцов-Дашков, которого современники за веселое выражение, не сходившее с лица, прозвали «вечным именинником», вел беззаботную светскую жизнь. Знаменитые петербургские балы в его доме по своей пышности, многочисленности гостей соперничали с дворцовыми. Их удостаивали «высочайшим» вниманием царь и царица, великие князья. Частыми гостями в доме Воронцова-Дашкова были многие величайшие представители русской культуры: А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Е. А. Боратынский, И. С. Тургенев, К. П. Брюллов, М. И. Глинка... Последних больше привлекали не балы, а очаровательная хозяйка — графиня Александра Кирилловна. «Много случалось встречать мне на моем веку, — писал В. А. Соллогуб, — женщин гораздо более красивых, может

быть даже более умных, хотя графиня Воронцова-Дашкова отличалась необыкновенным остроумием, но никогда не встречал я ни в одной из них такого соединения самого тонкого вкуса, изящества, грации с такой неподдельной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью. Живым ключом била в ней жизнь и оживляла, скрашивая, все ее окружение»[3].

Происходила она из старинного знатного и богатого рода Нарышкиных, чьи поместья были разбросаны по всей России, в том числе и в Конобеевской волости Тамбовской губернии. Совсем молоденькой девушкой вышла замуж за человека старше ее на двадцать семь лет. Несмотря на высокое место, занимаемое в свете, графиня сохранила в себе многие хорошие качества, была доброй и отзывчивой к чужому горю. Рассказывали: как-то на улице к Александре Кирилловне обратилась за помощью незнакомая женщина. Денег с собой не было, она оторвала от ожерелья ценный бриллиант и отдала просительнице.

Была Александра Кирилловна женщиной смелой и независимой. В Париже дерзила Луи-Наполеону, а однажды обидела даже великую княгиню Марию Николаевну — свою соперницу по балам и соседку по новотомниковскому имению. Николай I подарил мужу дочери герцогу Лейхтенбергскому большое село Ивановку на Тамбовщине.

М. Ю. Лермонтов познакомился с А. К. Воронцовой-Дашковой в Петербурге после возвращения из первой кавказской ссылки. Зимой 1838/39 года был частым гостем в ее доме. Они подружились. Впоследствии первый биограф Лермонтова П. А. Висковатов записал много любопытных подробностей о жизни поэта со слов Александры Кирилловны.

Сохранился портрет Воронцовой-Дашковой. В 1840 году он был литографирован Граведеном в Па-



А. К. Воронцова-Дашкова. Литография Граведена.
1840 г.

риже. К тому же времени относятся и стихи Михаила Юрьевича «К портрету»:

Как мальчик кудрявый, резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.

Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь, ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.

Таит молодое чело
По воле — и радость и горе.
В глазах — как на небе светло,
В душе ее темно, как в море!

То истиной дышит в ней все,
То все в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно [4].

По всей видимости, автор стихотворения был неравнодушен к своей героине. В. А. Соллогуб, близко знавший и Лермонтова и Воронцову-Дашкову, которая была его двоюродной сестрой, в повести «Большой свет» нарисовал безответную любовь Мишеля Леонина к княжне Воротынской. Современники без труда узнавали в Воротынской Воронцову-Дашкову, а в Леонине — Лермонтова.

Кстати, что касается литературных произведений, то здесь Александре Кирилловне повезло больше, чем другим. И. С. Тургенев вывел ее в «Отцах и детях» в образе княгини Р..., Н. А. Некрасов посвятил стихотворение:

Дом — дворец роскошный, длинный, двухэтажный,
С садом и решеткой; муж — сановник важный.
Красота, богатство, знатность и свобода —
Все ей даровали случай и природа. [5]

...В первой декаде февраля 1841 года Михаил Юрьевич, возвратившийся с Кавказа в отпуск, приезжает в Петербург. Поэт надеется добиться отставки от военной службы. Однако этим мечтам не суждено было сбыться.

Приезд Лермонтова совпал с масленицей. 9 февраля во дворце Воронцова-Дашкова устраивался большой масленичный бал. На него было приглашено около шестисот человек. Пожаловали царъ с супругой, великий князь Михаил Павлович. Вечером во дворец явился Лермонтов, встречен он был хозяевами хорошо.

Увидев опального поэта в толпе танцующих, Николай I был страшно рассержен. Высказал свое неудовольствие великому князю.

После тура вальса к Михаилу Юрьевичу подошел Соллогуб.

— Да что ты тут делаешь! Уходи отсюда, того и гляди тебя арестуют! Посмотри, как грозно глядит на тебя Михаил Павлович!

— Не арестуют у меня! — щурясь сквозь лорнет, вскользь проговорил граф И. И. Воронцов-Дашков, проходя мимо... [6]

Лермонтов вскоре был вынужден уйти с бала.

Появление у Воронцовых-Дашковых оказалось ошибкой поэта. Через несколько дней Лермонтову было приказано в течение сорока восьми часов покинуть столицу.

«...Мне дали отпуск, — сообщал он на Кавказ одному из приятелей во второй половине февраля, — но я скоро еду опять к вам и здесь остаться у меня нет никакой надежды, ибо я сделал вот такие беды: приехав сюда, в Петербург, на половине масленицы, я на другой же день отправился на бал к г-же Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким. Что делать? Кабы знал, где упасть — соломки бы по-

Автограф стихотворения М. Ю. Лермонтова «К портрету» («Как мальчик кудрявый, резва...»).

достлал; обществом зато я был принят очень хорошо...» [7]

Царь продолжал мстить. Когда в скором времени ему были представлены наградные списки на кавказских офицеров, отличившихся в сражении при Валерике, он собственноручно вычеркнул оттуда фамилию Лермонтова.

Больше Лермонтов с Александрой Кирилловной не виделся...

Жизнь этой женщины, многим казавшейся баловнем судьбы, сложилась трагически. В 1852 году умер Иван Илларионович, через год графиня увлеклась французом де Поальи, вышла за него замуж и уехала в Париж. Новый муж оказался прожженным авантюристом и тираном. Он обобрал доверчивую женщину. Некогда блестящая великосветская дама умерла в 1856 году в одной из парижских больниц в страшной нищете и одиночестве. О ее незавидном конце рассказал Н. А. Некрасов в стихотворении «Княгиня» (1856 год):

Смерть ее в Париже не была заметна:
Бедно нарядили, схоронили бедно...
А в отчизне дальней словно были рады:
Целый год судили — резко, без пощады,
Наконец устали... И одна осталась
Память: что с отличным вкусом одевалась!
Да еще остался дом ее с гербами,
Доверху набитый бедными жильцами,
Да в строфах небрежных русского поэта
Вдохновенных ею чудных два куплета... [8]



Нити к «Вадиму»

Летом 1759 года секретарь Тамбовского наместнического правления «коллежский асессор и кавалер» Петр Ефимович Крюков купил «из дворян у канцеляриста» Фаддея Егоровича Спицына имение в селе Новопанском, недалеко от Козлова, с «мужеска пола 113 душ со всем их крестьянским имуществом, усадьбою, с пашенною и не пашенною землею, лесами, сенными покосы, рыбными ловли по речке, называемой Новопанке, и со всеми принадлежащими к оному имению угодьями и господским деревянным домом» [1]. В том же году Крюков перепродал имение артиллерии подпоручику Якову Сергеевичу Муратову, о чем были составлены нужные документы.

Долгое время имением благополучно владели Муратовы: сначала артиллерии подпоручик, а после смерти — его сын, поручик Иван Муратов. Но в 1826 году сын П. Е. Крюкова — гвардии подполковник Семен Крюков — возбудил в Козловском уезде гражданское дело о якобы незаконном владении Муратовым Новопанским имением.

Правда, казалось, на стороне Муратова, зато у Крюкова, помещика, владевшего тремя тысячами крестьян в Пронском и Ряжском уездах Рязанской губернии, было много денег. Это обстоятельство не могло не повлиять на решение продажных судей. А что они были действительно продажны, сомневаться не приходится: козловская помещица Мусина-Пушкина, примерно в это же время добившаяся исхода одного дела в свою пользу, дала судьям взятку в 3900 рублей. «Деньги брали за все, — свидетельствует документ, — копию сделать — 200 р., за переписку копии — 63 р., за справку — 6 р.» [2].

В 1832 году дело закончилось в пользу Крюкова. Крючкотворы из Козловского суда придрались к тому, что Муратов не мог предъявить купчей о приобретении имения его отцом — она сгорела во время пожара еще в 1790 году.

В октябре 1832 года Муратов, когда уже было отдано распоряжение отобрать у него имение, едет в Москву обжаловать решение козловского суда. В это время в Москве находился А. С. Пушкин; от своего друга П. В. Нащокина он узнал о тяжбе двух помещиков, заинтересовался ею. Пушкин попросил достать ему копию решения козловского суда и целиком привел его в романе «Дубровский». Он даже не стал переписывать документа, просто вложил копию в рукопись, предварительно заменив в ней карандашом фамилии Крюкова и Муратова на Троекурова и Дубровского, а название села Новопанское на Кистеневку...

А теперь вспомним лермонтовского «Вадима». «...Однажды на охоте, — рассказывает главный герой романа своей сестре, — собака отца твоего обскакала собаку его друга; он посмеялся над ним: с этой минуты началась непримиримая вражда...» [3]. Чем она окончилась, нам известно: Палицын незаконно отбирает у отца Вадима его имение...

Откуда такое совпадение? «Дубровский» был опубликован в конце 1841 года, когда М. Ю. Лермонтова не было в живых. А. С. Пушкин, разумеется, ничего не мог знать о «Вадиме» — роман увидел свет лишь в 1873 году.

Почему же завязки у двух произведений так схожи между собой? Обстоятельный ответ на этот вопрос пытался дать И. Андроников. В 1948 году был издан сдвоенный (№№ 45—46) том «Литературного наследства», посвященный М. Ю. Лермонтову. В нем, в частности, были опубликованы письма бабки поэта к П. А. Крюковой. Судя по ним, Е. А. Арсеньеву и ее адресатку связывала давняя дружба. Переписываясь друг с другом, они делятся всеми мало-мальски значительными новостями. Проанализировав письма, И. Андроников заключает: «В Петербурге Арсеньева постоянно посещала дом Лонгиновых... Мать М. Н. Лонгинова, Мария Александровна, жена статс-секретаря Н. М. Лонгинова, была дочерью тамбовской помещицы Прасковьи Александровны Крюковой... В 1835 году, пересылая Лермонтову «мех черный под сюртук», Арсеньева отправляет его к своей соседке П. А. Крюковой в ее тамбовское имение, а та пересылает его в Петербург, в адрес дочери... Постоянно встречаясь и переписываясь с Крюковыми, Е. А. Арсеньева, несомненно, знала от них подробности многолетней незаконной тяжбы их тамбовского соседа и, вероятно, родственника, подполковника Крюкова с обедневшим Муратовым... Завязка обоих романов восходит, таким образом, к одному и тому же источнику, о котором Пушкин знал от Нащокина... а Лермонтов — через Крюковых, со слов бабки» [4].

Гипотеза, казалось, весьма убедительная. Раскрыта еще одна загадка в литературоведении, дано остроумное объяснение непонятным раньше совпадениям в «Дубровском» и «Вадиме». Нам, краеведам, был как

бы указан исходный рубеж для поиска: Крюкова... Действительно, кто она, эта женщина, принимавшая «участие» в создании юношеского романа М. Ю. Лермонтова?

...Чуть ли не половину кабинета директора Государственного архива Тамбовской области Тамары Дмитриевны Исаян занимает эта картотека. Оборудована она на библиотечный манер: огромный шкаф состоит, словно пчелиный улей из сот, из небольших ящичков, на них наклеены буквы русского алфавита. В ящичках — карточки, сотни, тысячи карточек... Тамара Дмитриевна очень много лет работает в архиве, и каждая новая обнаруженная ею фамилия в делах дворянского губернского собрания или иных фондах немедленно заносится в картотеку.

Приходилось выслушивать и снисходительно-насмешливое: кому, мол, нужен этот океан дворянских фамилий, эти тени давно и безвозвратно ушедшего прошлого? Нужны, да еще как! Скольким исследователям сберегла время картотека Тамары Дмитриевны! Не надо копаться в описях, выискивая нужное дело, здесь все они «разнесены» в алфавитном порядке.

Ящичек с литерой «К» у меня в руках. Кого только здесь нет. Вот Н. Кривцов — помещик села Любичи Кирсановского уезда, друг Пушкина... П. Каверин — отец известного гусара-повесы Петра Каверина, о котором уже рассказано выше. Кутайсовы, Кугушевы, Керн... Крюковых нет.

Делать выводы, безусловно, рано. П. А. Крюкова могла быть тамбовской помещицей, но не быть тамбовской дворянкой, то есть состоять на дворянском учете где-нибудь в другом месте. И такие случаи бывали. А посему и неудивительно, что ускользнула она из поля зрения Т. Д. Исаян.

Внимательно просматриваю списки помещиков Козловского уезда начала XIX века, двадцатых и тридцатых годов. Нет никаких Крюковых. Листаю на всякий случай списки помещиков других уездов: Тамбовского, Моршанского, Лебедянского, Кирсановского. Увы! Как же так: на территории Тамбовской губернии было пять сел, названных «Крюково» или «Крюковка»... Но ни одно из них не являлось помещичьим — все они были государственными и своими названиями обязаны чему угодно, только не дворянам Крюковым.

Поиски, казалось, зашли в тупик, когда в какой-то дореволюционной работе по истории края мелькнуло упоминание о тамбовском губернаторе Крюкове. Не муж ли он разыскиваемой нами Прасковьи Александровны? Если да, то не все еще потеряно. Крюковы жили в Тамбове, не будучи местными помещиками. Знали, разумеется, о тяжбе своего однофамильца. Переписывались с бабкой поэта.

Остается установить, как звали губернатора. В одном из документов читаю: «Его превосходительству господину статскому советнику тамбовскому гражданскому губернатору Александру Степановичу Крюкову»[5]. Сомнений нет: он...[6] Только тут же приходится разочаровываться — губернаторствовал Александр Степанович в Тамбове с 8 мая 1821 по 5 апреля 1823 года[7], то есть задолго до начала «козловского дела».

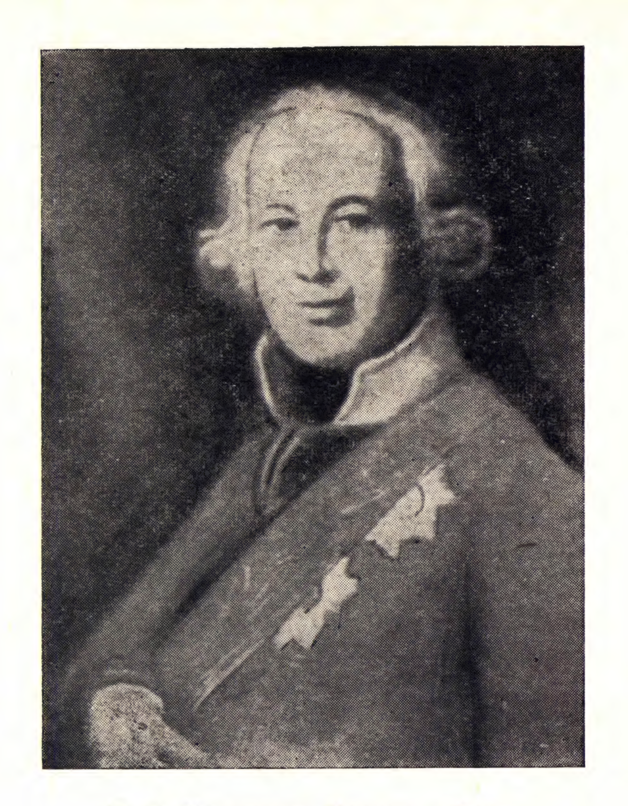
Итак, П. А. Крюкова и ее супруг А. С. Крюков никогда не были ни тамбовскими помещиками, ни соседями С. П. Крюкова, отсудившего имение у Муратова. Вряд ли могли они поэтому знать «подробности многолетней незаконной тяжбы» и сообщить о них Е. А. Арсеньевой.

А как же тогда объяснить «мех черный под сюртук», который бабка поэта якобы отправляет к «своей соседке П. А. Крюковой в ее тамбовское имение»? Пе-

речитаем письмо Е. А. Арсеньевой к поэту от октября 1835 года. Бабушка делится своими впечатлениями о последней поездке в Москву. «Я в Москве была нездорова, оттого долго там и прожила...» И интересуется: «Получил ли ты мех черный под сюртук, Прасковья Александровна Крюкова взялась переслать его Лонгиновой» [8]. Переслать из Москвы в Петербург, а не из несуществующего тамбовского имения, не так ли?! Кстати, о том, что П. А. Крюкова не имела ничего общего с тамбовскими землевладельцами, говорят и те несколько строк, которые отведены ей в работе В. И. Чернопятова «Род Крюковых». Приведу их полностью: «Крюкова Прасковья Александровна, ст. совет., помещ. Тарусс(кого) у. Калуж. губ., с-ца Кулишова, Московец и др.» [9].

Мы убедились, что П. А. Крюкова тамбовской помещицей никогда не была. Из этого следует два вывода: или в основу завязки романа «Вадим» легло какое-то иное событие, а не тяжба Крюкова и Муратова, разбиравшаяся в козловском суде, или об этой тяжбе М. Ю. Лермонтов узнал из других источников.

Пожалуй, единственным исследователем, поставившим под сомнению версию И. Л. Андроникова, была лермонтовед Т. Иванова. «Не исключена возможность,— пишет она в книге «Юность Лермонтова», — что Лермонтов и слышал о тяжбе тамбовских помещиков Муратова и Крюкова, послужившей Пушкину сюжетом для «Дубровского» и законченной в октябре 1832 года, как это предполагает И. Л. Андроников, но сюжет для романа у Лермонтова имелся уже и раньше. Подобных историй он немало знал с детства. Особенно сильное впечатление должен был произвести на него случай, происшедший в 1828 году в среде ближайших знакомых... Он, вероятно, и послужил сюжетом для романа» [10]. Случай «в среде ближайших знакомых» — это фабрикация подложных документов пензенскими зе-



Н. С. Мордвинов. Портрет работы неизвестного художника. 1820-е годы.

мельными магнатами князьями Енгалычевыми, с помощью которых они незаконно завладели имением своей соседки — небогатой помещицы Максютовой.

В рассуждениях автора «Юности Лермонтова» много резонного: подобных фактов, когда сильный разорял слабого, в условиях николаевской России было немало.

Не случайно А. С. Пушкин, приведя в «Дубровском» решение козловского суда, снабдил его таким комментарием: «Мы помещаем его вполне, полагая, что всякому приятно будет увидать один из способов, коим на Руси можем мы лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право»[11]. Один из способов.

Всего-то их было не один, и о многих различным путем мог знать М. Ю. Лермонтов.

И все же, когда знакомишься с деталями «козловского дела» и сопоставляешь их с событиями «Вадима», то с доводами Т. Ивановой трудно согласиться. И. Я. Муратов отправился в Москву обжаловать решение уездного суда, после того как было отдано распоряжение отобрать у него имение. Поездка его оказалась безрезультатной. И у М. Ю. Лермонтова: отец Вадима возвратился из Москвы, проиграв дело.

Стало быть, Енгалычевы и Максютова здесь не при чем. Но откуда, из каких источников мог узнать юный Лермонтов о тяжбе Муратова и Крюкова? На этот вопрос помог ответить известный советский литературовед ленинградский профессор Виктор Андроникович Мануйлов. По его мнению, о тяжбе двух помещиков поэт или его бабка могли получить сведения от Н. С. Мордвинова.

Крупный государственный деятель александровского времени, вице-адмирал и сенатор Николай Семенович Мордвинов был очень яркой фигурой на политическом небосводе тех лет. Он учился в Англии, проникся идеями Адама Смита. Занимая высокие посты при Александре I, Мордвинов сблизился с известным либералом Сперанским, стал его единомышленником. «Вельможа-гражданин», по определению Боратынского, Н. С. Мордвинов пользовался большой популярностью в передовых кругах тогдашнего русского общества за смелость и прямоту своих суждений. Пушкин считал, что «Мордвинов заключает в себе одном всю

русскую оппозицию». Гениальный поэт посвятил Мордвинову оду, еще раньше это сделал К. Рылеев. Е. А. Боратынский писал о нем:

Когда сей редкий муж, вельможа-гражданин,
От дней Фелицыных оставшийся один,
Но смело дух ее хранивший в веке новом,
Обширный разумом и сильный громким словом,
Любовью к истине и к родине горя,
В советах не робел оспаривать царя... [12]

В случае удачного осуществления своего замысла декабристы планировали передать верховную власть Мордвинову и Сперанскому. И престарелый Николай Семенович был единственным из 72 человек — участников суда над декабристами, который не испугался открыто выступить против смертного приговора пяти дворянским революционерам.

Н. С. Мордвинов бывал в Тамбове и крае. В Моршанском уезде ему принадлежало крупное село Черкино [13].

Николай Семенович Мордвинов был в близких отношениях с бабкой поэта и с самим Лермонтовым. Родной брат Е. А. Арсеньевой обер-прокурор сената А. А. Столыпин был женат на дочери адмирала — Вере Николаевне Мордвиновой. Живя в Петербурге, молодой Лермонтов запросто посещал дом «дедушки Мордвинова». Кстати, через последнего бабка хлопотала о поэте, когда за стихи на смерть Пушкина он был выслан на Кавказ.

Сенатор Мордвинов должен был знать о тяжбе Муратова с Крюковым — подобные судные дела часто разбирались в Сенате. Он-то, скорее всего, и рассказал о ссоре двух помещиков Е. А. Арсеньевой или М. Ю. Лермонтову.

* * *

Многие события юношеского романа М. Ю. Лермонтова «Вадим», как это теперь доказано исследователями, навеяны рассказами тарханских старожилов, услышанными поэтом в детские годы. Отчетливо запечатлелись в обостренной памяти Лермонтова-мальчика предания и были о грозном «Пугаче», его лихих есаулах, о времени, когда раб, распрямившись во весь рост, восстал против угнетения...

Рассказы эти оживут на страницах романа. А ученые, сравнивая отдельные эпизоды «Вадима» с историческими исследованиями о пугачевцах Пензенского края, будут с удовлетворением констатировать: как много совпадений...

Нам известны факты, когда на сторону Пугачева переходили дворяне из числа небогатых и малознатных. Под Пензой действовал большой повстанческий отряд во главе с есаулом-дворянином. Им оказался помещик из офицеров Иван Яковлевич Брюхатов, владевший имением Поляны невдалеке от Тархан. К пугачевцам он примкнул в августе 1774 года после посещения Полян казачьим отрядом «государя Петра Федоровича».

Участие дворян в крестьянском движении производило «обычно сильное впечатление, и память о таких случаях, конечно, долго хранилась среди населения. Поэтому рассказы о подавшемся к «Пугачу» полянском барине длительное время жили в здешних краях, соседних с Тарханами» [14].

И. Я. Брюхатов не был исключением. В том же Пензенском крае на сторону крестьян перешли поручик Петр Семенов, дворянские недоросли Филиппов и Мартынов.

Из числа тамбовских дворян в стане мятежников оказался владелец села Рамзы Шацкого уезда отстав-

ной корнет Василий Дементьевич Васильев. Он сражался с царскими войсками в составе отряда пугачевского полковника Каменского, который был разбит недалеко от Баланды.

Итак, Вадим — дворянин, сын помещика, действует в рядах пугачевцев. Не явились ли в таком случае пензяки Брюхатов, Семенов и иже с ними своеобразными прообразами главного героя романа? Вопрос вполне закономерный. А раз так...

Теснимые регулярными царскими войсками, многие повстанческие отряды были вынуждены покинуть пензенские края. Осенью 1774 года неподалеку от села Рассказово, что в тридцати километрах от Тамбова, появилась большая группа пугачевцев. Они расположились лагерем в глухом лесистом месте, известном под названием «Бездушный куст». Здесь занимались военными учениями, отсюда устраивали набеги на окрестные помещичьи усадьбы.

В Рассказове в то время работало несколько суконных фабрик, принадлежавших купцам Тулинову и Олесову. Фабрикантам соседство пугачевцев доставляло немало беспокойств и хлопот: они боялись, что «бунтовщики» могут увлечь за собой рабочих.

Однажды пугачевский отряд появился на фабриках. Хозяева устроили ему пышную встречу. Когда после обильного ужина восставшие крепко уснули, Тулинов и Олесов с надежными людьми напали на них и почти всех перебили. Девять вожаков были схвачены и привезены в Тамбов, где им учинили «натуральную смертную казнь» — четвертование [15].

Среди казненных оказались и наши знакомые — поручик Петр Семенов, ротмистр Брюхатов, недоросли Филиппов и Мартынов, то есть люди, рассказы о которых, возможно, помогли Лермонтову в работе над созданием образа главного героя его незаконченного романа.



Секундант в последней дуэли

В десятой книжке журнала «Исторический вестник» за 1884 год в разделе «Писатели, скончавшиеся в 1881 году», упомянут Александр Илларионович Васильчиков.

Не надо утруждать себя и напрягать память, чтобы вспомнить беллетриста Васильчикова. Вряд ли кто из нынешних читателей слышал что-либо о незначительных повестях его, вроде «Две любви, две измены». Зато имя одного из секундантов в последней, роковой дуэли М. Ю. Лермонтова известно каждому, кто интересуется жизнью поэта, его окружением.

А. И. Васильчиков был на четыре года моложе Лермонтова. Его отец — крупный саратовский помещик — сделал головокружительную карьеру после подавления восстания декабристов. В 1839 году он становится председателем Государственного совета, получает княжеский титул.

Перед сыном фаворита Николая I были открыты все пути к высоким государственным постам. Но Александр Васильчиков избрал иную дорогу. Еще в 1835—1839 годах, будучи студентом юридического факуль-

тета Петербургского университета, он группирует вокруг себя оппозиционно настроенную молодежь.

После окончания университета молодой Васильчиков посещает собрания так называемого «кружка шестнадцати», где «болтали обо всем и все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободно, как будто бы III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии вовсе не существовало» [1]. Известно, что душой этого кружка был корнет лейб-гусарского полка М. Ю. Лермонтов.

Как и другие участники кружка, А. И. Васильчиков вынужден был покинуть Петербург и отправиться на Кавказ. Летом 1841 года он встречается в Пятигорске с Лермонтовым.

До сих пор не выяснен характер отношений Михаила Юрьевича с молодым Васильчиковым, участия последнего в дуэли поэта с Мартыновым. Неизвестно даже, чьим секундантом был Васильчиков — Лермонтова или его убийцы...

Человек неглупый, независимого поведения, не стремящийся к чинам и наградам, А. И. Васильчиков должен был привлечь внимание поэта и заслужить его расположение. Так обычно оценивалась роль князя в литературе о Лермонтове. Однако в последнее время эта точка зрения ставится под сомнение. В работах Эммы Герштейн «Судьба Лермонтова» и Т. Ивановой «Посмертная судьба поэта» [2] Васильчиков предстает перед читателями как «тайный враг» поэта.

Обстоятельства дуэли М. Ю. Лермонтова настолько запутаны, что едва ли когда все станет известно о ней, — об этом писал еще первый биограф поэта П. А. Висковатый. Ясно одно: не только Мартынов, но и другие участники и свидетели трагического поединка — Глебов, Столыпин-Монго, Васильчиков — были повинны в гибели Лермонтова. Васильчиков это, видимо, понимал лучше других. И он был единственный, кто



А. И. Васильчиков. Акварель Г. Гагарина.

из этой троицы пытался как-то оправдаться, не отмалчивался, когда на страницах русских журналов начинался разговор о событиях июля 1841 года в Пятигорске.

В 1872 году в журнале «Русский архив» появилась статья Васильчикова «Дуэль и кончина Лермонтова» В ней автор недвусмысленно дает понять, что Лермонтов не искал поединка и стрелять первым отказался. Это написано в то время, когда Мартынов был еще жив.

Два года спустя в журнале «Русский вестник» была напечатана повесть Б. М. Маркевича «Две маски», в которой странным образом помянули поэта. «Лермонтов, скажу мимоходом, — утверждал автор, — был прежде всего представителем тогдашнего поколения гвардейской молодежи» [3]. А. И. Васильчиков не оставил без внимания эту реплику. В заметке «Несколько слов в оправдание Лермонтова от нареканий г. Маркевича», опубликованной в газете «Голос», он решительным образом восстает против такой характеристики поэта. Лермонтов, по свидетельству Васильчикова, печально глядел на «толпу этой угрюмой молодежи», которая действительно прошла бесследно, как и предсказал поэт, и ныне, достигнув зрелого возраста, дала отечеству так мало полезных деятелей... Он не был представителем этого общества и он очень бы оскорбился, а может быть, и посмеялся, если бы кто-нибудь «мимоходом» назвал его «представителем гвардейской молодежи тогдашнего поколения» [4].

Конечно, мы не можем достоверно судить о мотивах, которыми руководствовался Васильчиков, берясь за перо. Но объективно, желая сам того или нет, он делал доброе по отношению к памяти поэта дело.

По мнению Т. Ивановой, в выступлениях Васильчикова в защиту Лермонтова нет ничего, кроме «фальши и замаскированной ненависти». Васильчиков,

утверждает она, с «плохо скрываемым удовольствием передавал чужие отрицательные оценки Лермонтова, с которыми якобы не соглашался: «при дворе его считали вредным, неблагонамеренным и притом по фрунту дурным офицером, и когда его убили, то одна высокопоставленная особа изволила выразиться: «что туда ему и дорога»[5]. Но где здесь «плохо скрываемое удовлетворение»? На чем основано такое серьезное обвинение?

Не надо забывать, что строки эти были написаны в то время, когда о Лермонтове-поэте уже почти не говорили без прибавления эпитета «великий», когда ему было отдано по праву принадлежавшее ему место в русской литературе рядом с гениальным Пушкиным. В каком дурацком свете должны были выглядеть люди, еще совсем недавно считавшие Лермонтова всего-навсего «вредным, неблагонамеренным и притом по фрунту дурным офицером»! «Высокопоставленные особы», наверное, много бы дали за то, чтобы их «оценка» поэта была забыта и никто не напоминал о ней. Васильчиков напомнил, для этого нужна была смелость, и князю в ней отказать нельзя...

До конца своих дней Александр Илларионович шел избранным путем: карьеры не делал, несмотря на блестящие для этого возможности, находился в лагере оппозиции. Выступления в печати как экономиста и публициста принесли ему широкую известность.

Социально-экономическая доктрина Васильчикова, провозглашенная им в такой крупной работе, как «Земледелие и землевладение», и взятая на вооружение народниками девяностых годов, была, разумеется, далека от марксизма. Отрицая помещичье землевладение, он апеллирует к деревенской общине, а в крестьянском кредите видит чуть ли не панацею от всех бед. Отказ от борьбы классов, попытки их примирения, половинчатость предлагаемых мер — все это вызвало

резкую критику взглядов Васильчикова и его позднейших последователей со стороны Владимира Ильича Ленина. В своих исследованиях по аграрному вопросу в России молодой Ленин, характеризуя Васильчикова как «народничествующего помещика», подчеркивал, что своими практическими мероприятиями он представлял «интересы одной лишь мелкой буржуазии»[6].

...В середине семидесятых годов (точная дата неизвестна) умер младший брат Александра Илларионовича — Виктор Васильчиков, бывший военный министр, в Крымскую войну один из начальников штаба героической севастопольской обороны. В 1867 году этот преуспевающий государственный деятель вышел в отставку и поселился в своем тамбовском имении — селе Трубетчино Лебедянского уезда. Как помещик он отчетливо ощутил новое веяние времени и всячески к нему приспосабливался. Хозяйство вел на буржуазной основе, благодаря этому добился заметных успехов. Анализируя экономику русской пореформенной деревни, К. Маркс в статье «Задолженность частного землевладения» отмечал: «Попадаются, конечно, среди помещиков — в виде исключения — и рациональные хозяева, таков, например, В. И. Васильчиков в селе Трубетчино Тамбовской губернии Лебедянского уезда. У этого барина до отмены крепостного права имение составляло 9000 десятин со средней доходностью в 14000 рублей; после реформы и отделения крестьянских земель площадь имения сократилась до 5000 десятин (в том числе 2000 десятин леса) и приносила ему дохода средним числом до 28000 рублей; в начале же 70-х годов — 100 000 рублей!.. Доходное хозяйство. Обычная же практика в Тамбовской губернии — эксплуатация крестьянской нищеты...»[7]. К этому можно добавить лишь то, что обуржуазившийся помещик Васильчиков получал завидные прибыли и за счет развития у себя в имении обрабатывающей промышлен-

ности. Принадлежавший ему Трубетчинский сахарный завод был крупнейшим в Центрально-Черноземном центре и давал за год до 9000 пудов продукции — сахарного песку [8].

Виктор Илларионович Васильчиков умер бездетным. Имение в Трубетчино по праву наследия перешло к старшему брату.

Став трубетчинским помещиком, А. И. Васильчиков, как и его брат, хозяйствует умело, расчетливо, не прибегая к феодально-крепостническим формам эксплуатации крестьян, что было характерно для большинства других землевладельцев Тамбовской губернии. «Желая улучшить земледелие, князь Васильчиков, — сообщает его биограф, — выписывал из-за границы не только усовершенствованные земледельческие орудия, но и работников-земледельцев, чтобы показать крестьянам, каких плодов можно ожидать от улучшенной обработки земли» [9].

Видный буржуазный публицист, настойчивый пропагандист теории так называемого «общинного землевладения» А. И. Васильчиков умер 2 октября 1881 года в своем тамбовском имении. Он пережил других известных нам свидетелей трагического поединка М. Ю. Лермонтова с Мартыновым.

Похоронен он был 11 октября в Новгородской губернии в фамильном склепе родового имения князей Васильчиковых. Либеральная пресса, пропагандирующая в течение многих лет Александра Илларионовича как бескорыстного «друга народа», с умилением писала о том, что весь трехверстный путь от станции Шимека до кладбища крестьяне — бывшие крепостные Васильчикова, — распрягши лошадей, везли телегу с гробом сами. Промелькнуло в прессе и более любопытное свидетельство: в числе людей, возложивших венок на могилу князя, был дальний родственник великого поэта С. Д. Лермонтов [10].



Письмо шефа жандармов

Еще совсем недавно одна из железнодорожных станций на территории Тамбовской области носила довольно странное наименование «Бенкендорф-Сосновка». Почему Сосновка — понятно. Рабочий поселок с таким названием находился в пяти километрах от станции. А что такое Бенкендорф? Откуда пришло это нерусское слово к нам в Центральное Черноземье?

С именем Бенкендорфа ассоциируется одна из самых мрачных страниц русской истории. Участник расправы над декабристами. Шеф жандармов и начальник зловещего Третьего отделения. Любимец Николая I. Гонитель и преследователь всего передового. Таков Александр Христофорович Бенкендорф...

Рукой пустого и ничтожного авантюриста придворная аристократия убивает гениального Пушкина. Россия скорбит. Но вот сквозь плач и приглушенные проклятия гневно, дерзко, бесстрашно звучит голос Лермонтова:

И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Надменным потомкам, жадною толпою стоящим у трона, бросил вызов безвестный поручик лейб-гусарского полка. Списки «На смерть поэта» ходят по Петербургу, будоражат столицу.

И Александр Христофорович начеку. Он пишет царю геростратовски знаменитую докладную. «Вступление к этому сочинению (стихотворению М. Ю. Лермонтова. — В. П.) дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступление» [1]. Отныне черная тень шефа жандармов будет неотступно преследовать Михаила Юрьевича до конца его короткой жизни...

Но почему все-таки в шестидесятых годах прошлого века одна из маленьких тамбовских железнодорожных станций была названа именем Бенкендорфа?

Император Павел I, ухитрившийся за свое недолгое царствование раздарить приближенным и фаворитам множество сел с десятками тысяч крестьян, в 1797 году пожаловал за усердие генералу от инфантерии Христофору Ивановичу Бенкендорфу несколько имений в Тамбовском и Козловском уездах, в том числе крупное село Сосновку. В 1823 году после смерти генерала эти владения унаследовал его сын — будущий шеф жандармов.

Бывал ли когда А. Х. Бенкендорф в Сосновке — установить не удалось. Если и бывал, то, видимо, не часто. Вполне вероятно, что это могло произойти и в 1820 году, когда недалеко от его тамбовских владений в районе Козлова проходили большие военные маневры, а Александр Христофорович, будучи начальником штаба гвардейского корпуса, принимал в них непосредственное участие и даже находился в свите Александра I [2].

Вскоре после окончания маневров Бенкендорф пишет царю записку, в которой предупреждает его о существовании в России тайных обществ. Александр I — «властитель слабый и лукавый» — оставил записку



А. Х. Бенкендорф.
Портрет работы неизвестного художника.

без внимания. Несколько лет спустя, разбирая бумаги покойного брата, записку обнаружил Николай I. С этого и началась головокружительная карьера Бенкендорфа.

Среди прочих монарших милостей, выпавших на долю удачливого царедворца, был довольно дорогой подарок — обширное село Павлодарское Борисоглебского уезда. Александр Христофорович становится одним из богатейших тамбовских помещиков.

Верный слуга престола любил деньги и, как никто другой, умел их транжирить. Деньги давали поместья. Но за ними нужен был присмотр. Заниматься же хозяйственными делами Бенкендорф не любил да и не был способен. Управляющим не доверял. Что делать? Вот и вспомнил тогда Александр Христофорович, что есть у него в Тамбовской губернии человек, на которого можно положиться: генерал-майор в отставке, помещик из села Арапово, Устин Иванович Арапов.

Один из современников писал об А. Х. Бенкендорфе: «Без знания дела, без охоты к занятиям, отличавшийся особенным беспамятством и вечною рассеянностью... он никогда не был ни деловым, ни дельным человеком и всегда являлся орудием лиц, его окружающих... Он имел самое лишь поверхностное образование, ничему не учился, ничего не читал и даже никакой грамоты не знал порядочно»[3]. Эту характеристику, особенно в ее второй части, можно со всем основанием отнести и к Устину Ивановичу Арапову. Лихой рубака, отличившийся в войне 1812 года, он был человеком недалеким, ограниченным, типичным крепостником. Все образование заменило ему светское воспитание да поверхностное знание французского языка. Короче говоря, Арапов был во всем достоин своего высокопоставленного друга.

В декабре 1834 года Бенкендорф отправляет Устину Ивановичу письмо. Оно передо мною. Почерк вла-

ЦѢНА ОДИНЪ РУБЛЬ

Милостивый Государь

Устинъ Ивановичъ

Тамбовской губерніи въ разныхъ уѣздахъ
принадлежащихъ мнѣ имѣніяхъ, въ дворовыхъ людяхъ
и крестьянахъ оказывающихся, и какъ я по отъ-
[illegible] мѣста пребыванія моего и по заня-
тіямъ усиленнымъ службою мнѣ невозможно надзи-
рать за распорядками и управленіемъ тѣх-
людей и крестьянъ, а потому прошу васъ
принять на себя трудъ надзирать за оны-
ми и въ разныхъ присутственныхъ мѣстах,
гдѣ только могутъ возникать дѣла до
имѣній моихъ относящихся, имѣть хода-
тайство, и какія нужны будутъ прошенія
объявленія, подавать, присутственныхъ дѣлъ

Автограф письма Бенкендорфа к У. И. Арапову, обнаруженный в Государственном архиве Тамбовской области.

11. В. Пешков.

стный, сердитый, холодный. Видно по всему, рука цепко держит перо. Сильный нажим, словно не пишет человек, а пытается пронзить бумагу, хочет расправиться с ней за то, что терпит она всякое вольнодумство. Такой же почерк на докладной — донесении царю о гневных стихах М. Ю. Лермонтова «На смерть поэта», на многих других документах, решавших судьбы не угодных правительству литераторов, офицеров, чиновников...

Правда, в своем письме Бенкендорф не приказывает, а просит. «Милостивый государь Устин Иванович! Тамбовской губернии в разных уездах принадлежат мне имения в дворовых людях и крестьянах заключающихся, а как я по отдаленности места пребывания моего и по занятию делами службы лично не могу надзирать за распорядком и нравственностью тех людей, а посему прошу Вас принять на себя труд...» [4] Дальше следует конкретизация «труда», который должен взять на себя Арапов: «Ежели заметите кого из крестьян моих худого поведения и безнадежными к исправлению, таковых отдавать в рекруты» [5].

В этом письме весь Бенкендорф: лицемерная забота о нравственных устоях и любимейшая формула для расправы — в рекруты, на Кавказ. И ко всему — неумение грамотно изложить даже примитивные мысли.

Мы не знаем, помог ли чем Арапов Бенкендорфу, только финансовые дела Александра Христофоровича поправлялись плохо.

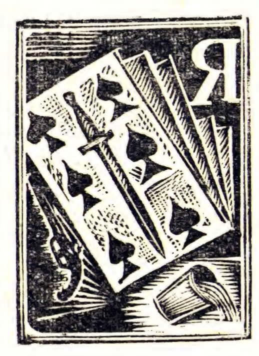
В 1844 году Бенкендорф уехал лечиться за границу. Царь подарил своему любимцу на дорогу полмиллиона рублей. Престарелый шеф жандармов увлекся молодой француженкой и с ее помощью промотал почти все деньги.

Наследники Бенкендорфа тоже проявляли немало забот «о крестьянской нравственности». И не случайно, когда в 1905 году тамбовская деревня поднялась

на революционную борьбу, одними из первых запылали помещичьи имения в Сосновке и Павлодаре.

...Давно забыли в Сосновке о помещиках. Иная жизнь в наших селах и деревнях. И лишь долгие годы напоминало о прошлом зловещее слово в названии станции. Сосновцы не раз просили заменить название станции. Ни к чему, резонно утверждали они, увековечивать имя палача. Им долго отказывали: мол, нелегкое это дело — переименование станции, связано оно с тем-то да тем... А они опять писали.

И добились-таки своего. Теперь эта маленькая, уютная станция называется Челновой. Как река, что протекает недалече: быстрая, голубоглазая, рыбная.



Яблоко от яблони

Злодейский выстрел оборвал жизнь Лермонтова.

В те дни один из современников записал в дневнике: «Странную имеют судьбу знаменитейшие наши поэты, большая часть из них умирает насильственной смертью. Таков был конец Пушкина, Грибоедова, Марлинского (Бестужева)... Теперь получено известие о смерти Лермонтова. Он был прекрасный офицер и отличнейший поэт, иные сравнивали его даже с самим Пушкиным. Не стало Лермонтова... Он был убит, убит не на войне, не рукою черкеса или чеченца, увы, Лермонтов был убит на дуэли — русским!» [1]

Имя подлого убийцы Мартынова, как и Дантеса, стало ныне нарицательным. Одно упоминание его рождает в нашем сознании представление о трусости и предательстве.

А ведь было время, когда находились люди, тратившие много энергии и чернил для того, чтобы обелить, оправдать убийцу, «восстановить» в глазах общества его «доброе имя», доказать недоказуемое: не-

винность Мартынова. В этой гнусной самой по себе затее есть, к сожалению, доля труда и тамбовца А. Н. Норцова.

Имя Алексея Николаевича Норцова хорошо знают краеведы. Кто из нас, любителей местной старины, не перелистывал многочисленных томов «Записок тамбовской ученой архивной комиссии»! Добрым словом поминали мы не раз тех, кто на протяжении более тридцати лет готовил их к печати, завидовали их настойчивости и энтузиазму в изучении прошлого, благодаря которым не исчезли бесследно многие из ценнейших документов.

Почти двадцать лет деятельностью архивной комиссии руководил А. Н. Норцов. Человеком он был консервативным, политические убеждения его характеризуют лучше всего рассуждения вроде: «Разделение на сословия с древнейших времен установлено среди человечества как следствие его нравственного сознания. Никогда и нигде не было абсолютного равенства, так как оно предполагает одинаковую сумму добродетели и качеств у всех людей, царство совершенно немыслимое на земле» [2]. Сочинения Норцова пестрят словами «бог», «всевышний», «государь наш император», «августейшее благоволение» и т. д. И все же, отбросив эту верноподданническую шелуху, мы получаем весьма толковые работы по тамбовской истории.

Писал Норцов и на другие темы. Несколько его брошюр по востоковедению и христианской мифологии были в свое время переведены на английский, французский и чешский.

В 1904 году в Тамбове вышел капитальный труд А. Норцова, к которому и сейчас неоднократно обращаются исследователи, — «Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства». Здесь-то и взял на себя председатель губернской ученой архивной комиссии бесславную роль адвоката



А. Н. Норцов. Фотография 1911 г.

убийцы великого поэта. Н. С. Мартынову отведено несколько десятков страниц. Опубликованы его бездарные вирши. А какие «остроумные» доводы в пользу убийцы предлагает автор читателям! Оказывается, участник кавказских экспедиций майор Мартынов «не

умел стрелять из пистолета и что он явился слепым орудием, когда пущенная им без прицела пуля сразила наповал его противника». К тому же: «Значение Лермонтова в нашей литературе еще не было установлено», а «в вопросах чести ни гения, ни бездарности не существует» [3].

Даже диву даешься: зачем все это потребовалось ученому в общем-то серьезному?

Ларчик открывается довольно просто. Камер-юнкер высочайшего двора, член Великобританского королевского Азиатского общества и прочая и прочая А. Н. Норцов по материнской линии состоял в довольно близком родстве с... Мартыновым.

Убийца М. Ю. Лермонтова навсегда занесен в позорный список истории. Нечестный игрок, жалкий хвастун, чванливая бездарность с претензиями литератора, — таким останется Н. С. Мартынов в сознании поколений.

Не лучшее впечатление оставляет и его родня. Отца его современники называли «не по мудрости, а токмо по имени Соломоном», а старшая сестра всю жизнь лгала и изворачивалась, лишь бы выгородить брата-убийцу.

Яблоко от яблони недалеко падает. В справедливости этой народной мудрости лишний раз убеждаешься, когда знакомишься с тамбовской ветвью «яблони» Мартынова. Она — эта ветвь — довольно буйно раскустилась в кирсановском селе Оржевке.

Каким недобрым ветром занесло Мартыновых в тамбовские края? Как очутились они здесь?

Пензенский помещик Михаил Ильич Мартынов был трижды женат и оставил после себя много детей. Все они отличались «одним общим пороком — удивительным чванством, которое проявлялось в разных видах» [4], — свидетельствует человек, близко знавший Мартыновых. Один из сыновей Михаила Ильича —

Дмитрий — был на военной службе, капитаном Воронежского батальона ушел в отставку и поселился в имении своей жены Е. П. Сабуровой — Верхней Оржевке, доставшейся ей по наследству от дяди Ивана Яковлевича Сабурова. Дмитрий Михайлович — сводный старший брат отца убийцы Соломона Михайловича — был одно время предводителем дворянства Кирсановского уезда, затем на протяжении трех лет с 1800 по 1803 — губернским предводителем. Умер он в 1809 году.

После кончины основателя тамбовской ветви Мартыновых Оржевкой владели его сыновья — Иван Дмитриевич и Сергей Дмитриевич.

А. Норцов в «Материалах для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства» по причинам нам уже известным не жалеет красок для описания добродетелей и заслуг перед «царем и отечеством» двоюродных братьев убийцы. Старший брат, И. Д. Мартынов, «кавалер мальтийского ордена св. Иоанна Иерусалимского», был гостеприимным хозяином, младший — С. Д. Мартынов — дослужился до поручика. Жили они тихо и мирно, не доставляя никаких огорчений соседям.

Но в нашем распоряжении есть и иного рода свидетельства. В 1814 году Оржевку навестил Ф. Ф. Вигель — знакомый А. С. Пушкина, один из членов «Арзамаса». В своих «Записках» он нарисовал неприглядную картину бытия братьев Мартыновых и их домочадцев. «Их жизнь была совершенно праздная, однако же они не скучали, беспрестанно посещая друг друга, пируя вместе. За обедом и по вечерам шли у них растобары о всякой всячине, они шутили не весьма приличным образом... Барыни и барышни занимались нарядами, а когда съезжались вместе, то маленькими злословиями и сплетнями...» [5]

Ф. Ф. Вигель тоже состоял в дальнем родстве с



Д. М. Мартынов.
Портрет работы неизвестного художника.

Мартыновыми, это в известной степени сдерживало его «желчное перо», и тем не менее он заключает: «Такое житие для человека с просвещенным рассудком, конечно, должно было казаться мукой...» [6].

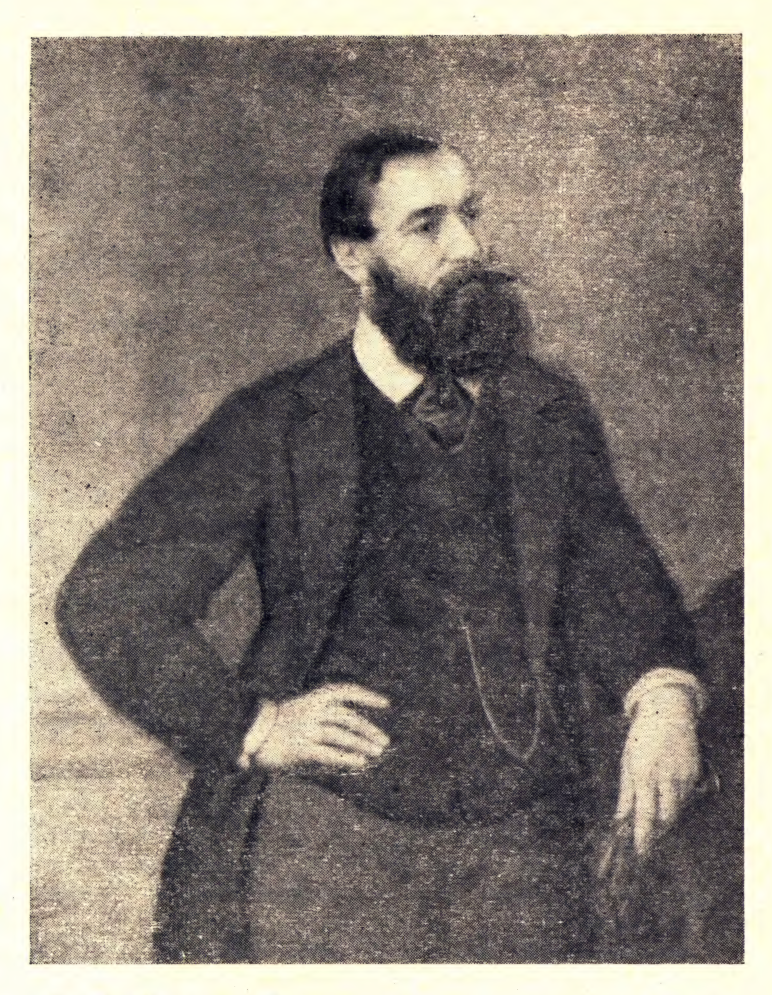
В еще более категоричной форме высказался о братьях Мартыновых их сосед, известный политический деятель, профессор государственного права Московского университета Борис Николаевич Чичерин.

Его отец Николай Васильевич родился в Тамбове в семье гвардии полковника В. Д. Чичерина.

В 1828 году, выйдя в отставку, он вместе с женой и сыном поселился в Умете — имении своего тестя, кирсановского предводителя дворянства Хвощинского. Здесь прожил до 1837 года, когда по случаю приобрел село Караул (ныне Инжавинский район), верстах в сорока от Умета.

В Умете и Карауле прошли детство и юность Б. Н. Чичерина. Незавидное бытие Мартыновых он наблюдал лично и довольно близко. Впоследствии эти наблюдения дали ему пищу для своеобразных обобщений. Русская литература, утверждал Б. Н. Чичерин, несправедлива к дворянским гнездам. Она, дескать, всегда изображала Оржевку, которая представляла собой не лучшую часть помещичьего класса. А ведь была еще по соседству с Оржевкой и Мара — знаменитое поместье Боратынских, где не прозябали, а жили полнокровной культурной жизнью и т. д. и т. п. Автор этих рассуждений не учитывал одного обстоятельства: Мара была только чудесным островком в безбрежном океане многих десятков и сотен Оржевок!

Б. Н. Чичерина трудно заподозрить в антипомещичьих настроениях. Один из столпов правого крыла русского либерализма, сын помещика, разбогатевшего на винных откупах, и сам помещик, он на крутых поворотах истории не раз оказывался в лагере реакционеров. В годы революционной ситуации (1859—1861) Чичерин



Б. Н. Чичерин. Портрет неизвестного художника. Из коллекции Тамбовского областного краеведческого музея. Публикуется впервые.

был в числе тех, кто призывал правительство к «твердости». «В настоящее время, — доказывал он, — сильная власть нужна, как нежели когда-либо» [7].

Но дядя первого наркома иностранных дел Георгия Чичерина был человеком незаурядного ума и энциклопедических знаний. Поэтому «старосветские помещики» типа Мартыновых, компрометирующие, по его мнению, весь землевладельческий класс, были ему несимпатичны. И он пишет о них с саркастической иронией, с нескрываемым раздражением: «Старший, Иван Дмитриевич, добродушный хлебосол... Второй брат, Сергей Дмитриевич, был, напротив, скряга; он ездил по гостям с огромным пуком ассигнаций, завернутых в грязный платок, и, играя по маленькой в карты с дамами, как бы нечаянно приделывал хвостики к записанным им нулям... Об этой Оржевке ходили бесчисленные анекдоты, которые забавляли соседей. Помню, между прочим, достойный пера Гоголя рассказ о разговоре между братьями Мартыновыми. После долгого раздумья Сергей Дмитриевич обратился к старшему брату с вопросом: «Неправда ли, братец, как это странно, что все реки впадают в Волгу? Например, Цна впадает в Оку, Ока в Волгу; Ворона впадает в Хопер, Хопер в Волгу». Иван Дмитриевич был совершенно озадачен этим неожиданным открытием. Поразмыслив хорошенько, он отвечал: «Да, в самом деле, это очень странно» [8].

Вот уж где комментарии действительно излишни!

Оржевку от Тархан отделяют несколько десятков километров. Близость этих двух сел отразилась в одной из народных легенд о М. Ю. Лермонтове, которую приводит в своей книге «Лермонтов в Тарханах» В. Мануйлов.

Известно, что после гибели великого поэта его прах был захоронен в Пятигорске, а в апреле 1842 года по просьбе Е. А. Арсеньевой перевезен в Тарханы. За

останками Михаила Юрьевича были посланы дворовые — бывший дядька Лермонтова Андрей Иванович Соколов и кучер Иван Николаевич Вертюков. «Вынули они гроб из земли, — повествует легенда, — открыли крышку, взглянули на Михаила Юрьевича: лежит он целехонький, только потемнел как-то. Закрыли крышку, поставили гроб в железный ящик, запаяли и — в обратный путь. А дорога лежала через Кирсановский уезд Тамбовской губернии. Доехали они до села Воробьевки и остановились на отдых. А село это принадлежало Мартынову, который убил Михаила Юрьевича. Воробьевские мужики узнали, что наши везут гроб Лермонтова и говорят им: «Вот наш барин убил вашего, а ему за это ничего не было, да еще царь землей наградил. А ваш-то шел против царя и нашел себе смерть». Когда наши узнали об этом разговоре, то пуще прежнего стали любить Михаила Юрьевича» [9].

Воробьевка, о которой упоминается в народной легенде, расположена в пяти километрах от Верхней Оржевки — вотчины Мартыновых. Поэтому, на наш взгляд, несмотря на ряд неточностей и смешений, легенда в своей основе правдоподобна.



Судьбы автографов

В середине прошлого века Лубянка в Москве была средоточием книжной торговли. В числе других здесь помещался и магазин Н. М. Щепкина, общественного деятеля и издателя, сына великого артиста. В конторе магазина находилась редакция выпускавшегося дважды в месяц журнала «Библиографические записки». Основателями его были библиографы А. Н. Афанасьев и М. П. Полуденский, но им, как государственным чиновникам — оба они служили в Московском архиве иностранных дел, — не разрешалось заниматься журналистикой, и поэтому в роли издателя выступал Н. М. Щепкин. Одно время редактором «Библиографических записок» был В. И. Касаткин — активный участник освободительного движения шестидесятых годов, член «Земли и воли». Постоянно сотрудничал в журнале известный русский библиограф Г. Н. Геннади [1].

В октябре 1858 года в редакцию «Библиографических записок» поступили два подлинных автографа М. Ю. Лермонтова. Их доставил Сергей Александрович Рачинский.

...Одна из младших сестер поэта Евгения Боратынского, Варвара, была выдана замуж за небогатого дворянина Александра Антоновича Рачинского [2]. Молодожены сначала обосновались в тамбовском имении жены (деревня Варваринка, или Рачиновка, Кирсановского уезда), а затем переехали в Смоленскую губернию. В 1836 году у них родился сын Сергей.

С. А. Рачинский — профессор ботаники Московского университета, автор популярных в свое время книг — «О движении высших растений», «О некоторых превращениях химических тканей» и особенно «Цветы и насекомые», — был большим знатоком и собирателем автографов русских писателей. В его альбоме имелись подлинные стихотворения П. А. Вяземского, А. К. Толстого, Е. А. Боратынского, И. С. Аксакова, А. А. Фета, женщин-литераторов, сотрудничавших в журнале «Русский вестник», а также письма и записки К. Ф. Рылеева, А. В. Кольцова, И. С. Тургенева. Профессор пользовался любым случаем для пополнения своей коллекции. Разбирая после смерти родителей их архив, он обнаружил в нем черновики лермонтовских стихотворений.

Два больших листка бумаги. На одном — три стихотворения: «И скучно, и грустно», «Портрет светской женщины» и «Посреди небесных тел». На другом — гениальное «На смерть поэта» (без последних шестнадцати строк). Все они были опубликованы — с поправками и переделками М. Ю. Лермонтова — в двадцатом номере журнала за 1858 год.

«Погиб поэт, невольник чести...»

Эти строки ныне известны каждому школьнику. Их вы найдете в любой хрестоматии. А тогда это была первая в России публикация. И обязана она своим появлением нашему земляку!

«Библиографические записки» просуществовали недолго. За три года (1858, 1859 и 1861) вышло шестьде-

сят четыре номера. Комплекты журнала являются сейчас библиографической редкостью. Чтобы напасть на их след, многие собиратели потратили буквально десятки лет... А сотруднице Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде потребовалось очень немного времени. Три минуты ожидания, и специальный транспортер доставил из фондов библиотеки — этого бесценного книжного сокровища — аккуратно переплетенные номера журнала.

Страницы поблекли от времени. Более века отделяет нас от их рождения. Вот неизвестные в те годы письма и стихи А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, В. А. Жуковского. И, наконец, Лермонтов. Впервые набранные типографским шрифтом бессмертные строки...

Альбом Сергея Александровича Рачинского входил в состав так называемого Татьевского архива Рачинских и хранился в Центральном Государственном архиве древних актов. В 1941 году, когда отмечалось столетие со дня смерти М. Ю. Лермонтова, альбом был передан в Центральный Государственный литературный архив СССР, где он находится и по сей день.

В 1940 году в Центральный Государственный литературный архив СССР поступил еще один лермонтовский автограф. На плотном сером листе старинного альбома в темно-красном переплете, с бронзовыми украшениями было характерным мелким почерком М. Ю. Лермонтова написано стихотворение:

Дай бог, чтоб ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вина
И взор красавицы младой;
Ланиты и вино нередко

Фальшивой краскою блестят;
Вино поддельное, кокетка,
Для головы и сердца — яд! [3]

Под стихотворением стояла подпись: М. Лермонтов...

Этот автограф подарила музею жительница Тамбова, преподаватель кафедры английского языка в пед-институте Елизавета Владимировна Купфер. Стихотворение было известно лермонтоведам и раньше, его в 1936 году опубликовали в полном собрании сочинений поэта под заголовком «Н. Н. Арсеньеву». Авторы примечаний к стихотворению указывали, что он печатается по снимку с подлинника, имеющегося в альбоме Е. Н. Ляссотович, урожденной Арсеньевой, умершей в Тамбове в 1920 году.

Как очутился автограф М. Ю. Лермонтова в Тамбове?

Николай Николаевич Арсеньев, которому поэт посвятил одно из своих юношеских стихотворных посланий, родился в 1809 году. Он был сыном Николая Васильевича Арсеньева — родного брата отца Марии Михайловны Лермонтовой — матери М. Ю. Лермонтова. Следовательно, поэту он приходился троюродным братом.

После преждевременной смерти Николая Николаевича в 1839 году альбом со стихотворением Лермонтова перешел к его дочери от брака с Екатериной Александровной Карр — Елизавете Николаевне Арсеньевой (1838—1920 гг.). Девочка шести месяцев осталась сиротой и воспитывалась у дальних родственников. В 1855 году она успешно закончила московский Екатерининский институт и вышла замуж за Андрея Осиповича Ляссотовича. Он был на двадцать лет старше своей жены, изрядно богат, имел виллу в Ницце во Франции. А.О. Ляссотович был довольно широко известен как одаренный музыкант.

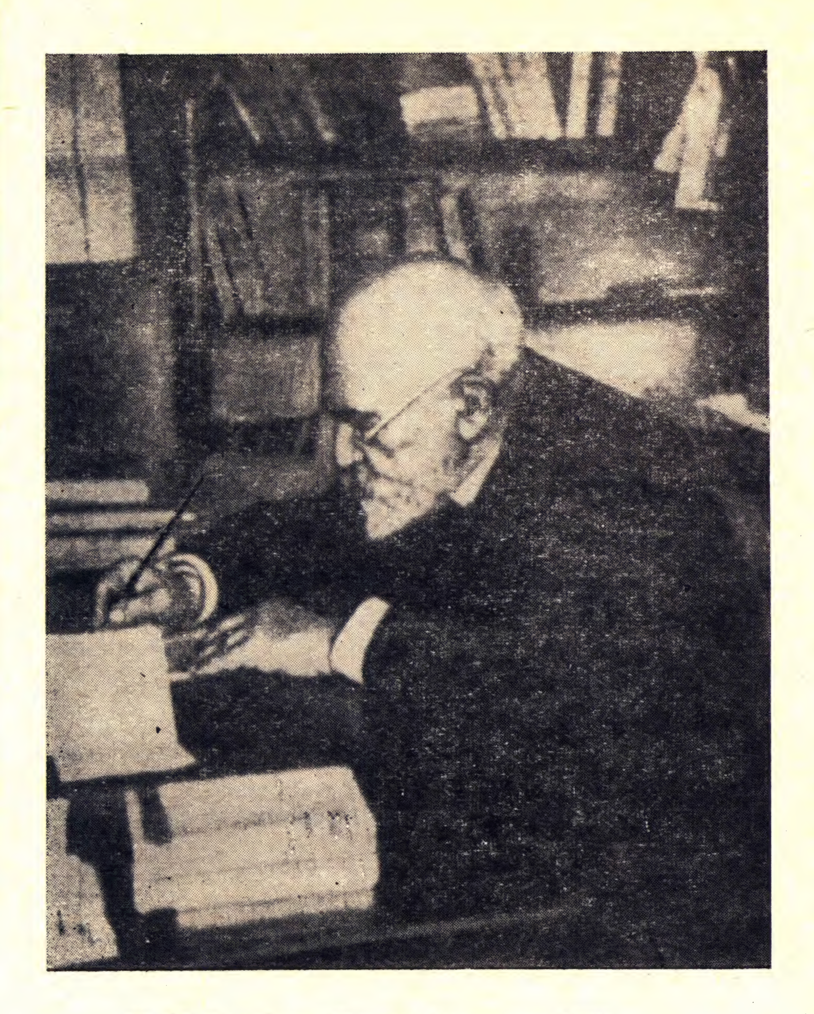
Андрей Осипович отличался авантюрными наклонностями. Вскоре после женитьбы пустился в сомнительные коммерческие предприятия, в результате промотал почти все свое состояние и чуть не угодил под суд.

Елизавета Николаевна была вынуждена покинуть незадачливого мужа и переехала с дочерью Екатериной, родившейся в 1861 году, из Тульской губернии, где они раньше жили, в Тамбов. С собой она захватила кое-что из личных вещей, среди которых был и отцовский альбом.

Трудно сказать, сколько лет этот лермонтовский автограф был бы недоступен и неизвестен читателю, не встреться на пути Елизаветы Николаевны интереснейший человек — большой знаток и любитель истории и литературы, издатель журнала «Русский архив» Петр Иванович Бартенев.

Младший сын в семье тамбовских помещиков Бартеневых, владевших селом Королевщина Липецкого уезда (его отец И. Бартенев — участник Бородинского и Лейпцигского сражений; мать, урожденная Бурцева, — сестра легендарного гусара, воспетого Денисом Давыдовым: «Бурцев ёра, забияка...»), Петр Иванович был одним из первых биографов А. С. Пушкина, неутомимым собирателем всего, что имело какое-либо отношение к жизни и творчеству великого поэта. «Среди пушкинистов не было и, конечно, не будет ему равного», — писал известный советский литературовед М. А. Цявловский.

Будучи «помешанным» на А. С. Пушкине, Бартенев, тем не менее, пользовался любым случаем, чтобы приобрести и опубликовать автографы других русских писателей. Это ему, например, обязан издатель полного лермонтовского собрания сочинений П. А. Ефремов, впервые напечатавший гневные строки поэта «Прощай, немытая Россия...».



П. И. Бартенев. Фотография конца XIX в.



Е. В. Купфер. Фотография 1913 г. Публикуется впервые.

Познакомившись с Елизаветой Николаевной, Бартенев с ее разрешения переписал стихотворение «Н. Н. Арсеньеву» и опубликовал его в седьмой-восьмой книгах «Русского архива» за 1871 год, снабдив примечанием: «С собственноручного подлинника, из альбома Елизаветы Николаевны Ляссотович, урожденной Арсеньевой».

Е. Н. Арсеньева-Ляссотович скончалась в 1920 году, похоронена была в Вознесенском женском монастыре. После ее смерти альбом с лермонтовским автографом стал собственностью ее дочери Екатерины Андреевны — матери Е. В. Купфер.

Елизавета Владимировна Купфер была последней представительницей рода Арсеньевых по женской линии. Многие преподаватели и бывшие выпускники Тамбовского государственного педагогического института помнят ее как человека большой культуры и знаний. Со дня основания института в 1930 году она работала в нем преподавателем английского языка, а затем в течение ряда лет заведовала кафедрой. Скончалась на семьдесят первом году жизни 24 декабря 1957 года.

Как бесценные семейные реликвии, вместе с альбомом хранила Елизавета Владимировна другие доставшиеся ей от матери и бабки вещи Н. Н. Арсеньева: редкие портреты родственников великого поэта, старинное бюро и шкаф красного дерева и т. д. В последние годы жизни Е. В. Купфер подружилась со старым тамбовским коллекционером, любителем старины Александром Александровичем Нееловым. Некоторые из этих вещей и сейчас украшают его коллекцию.



Лермонтовская улица

Она пряма и коротка, как жизнь поэта...

Давным-давно здесь проходила граница города, и улицу назвали Начальной[1]. Ее восточная оконечность упиралась в Цнинскую пойму, западная — в широкий ров, наполненный водой.

В первой половине прошлого века Тамбов интенсивно застраивается, стирает свои старые границы. Прежнее название устарело, и улица стала Теплой.

Почему именно Теплой? Кто ее знает! Может, потому, что тепло жилось ее тогдашним обитателям, людям в основном с достатком, чинами и титулами. Старожилы помнят: на Теплой стояли дома трех купцов — Колпачкова, Ковригина и Мокроусова, четырех священников, одного генерала, трех крупных помещиков — Пантелеймонова, Потапова и Булгакова, княжны Каниевской, графа Ишеева. И здесь же, поблизости, расположились блюстители их спокойствия — два полицейских пристава и пять городовых...

Царское самодержавие, расправившись в 1841 году с М. Ю. Лермонтовым, делало все возможное, чтобы

имя его было забыто, вычеркнуто из памяти народной. А слава Лермонтова росла. Отблески ее доходили до самых глухих провинций.

В моей скромной библиотеке есть томик из первого полного рихтеровского издания сочинений поэта. На обороте титула — надпись: «С соизволения государыни императрицы дана сия книга воспитаннице Тамбовского Александринского института благородных девиц, девице Анне Ивановой за отличные успехи и поведение, означенные в аттестате, выданном 1-го июня 1890 года...»

В томике, между прочим, опубликован «Маскарад». И это примечательно: пьеса, некогда считавшаяся «безнравственной», с царского соизволения рекомендуется для чтения воспитанной девице из высшего общества...

«Бородино», «Колыбельная», «Спор», «Выхожу один я на дорогу...» становятся подлинно народными творениями. Ныне широко известен факт: когда правительство разрешило провести в стране сбор средств для сооружения памятника поэту, первый взнос сделали тамбовские крестьяне!

Кстати, приоритет создания проекта первого памятника М. Ю. Лермонтову также принадлежит Тамбовщине. 5 апреля 1883 года в России был объявлен конкурс на лучший проект памятника поэту. Первая премия была присуждена работе учителя рисования тамбовского реального училища Ивана Петровича Фреймана. Пьедестал в виде высокой скалы. Наверху фигура Лермонтова. У подножия — изваяние женщины. На пьедестале высечены слова: «Лучше позже, чем никогда» [2]. Проект И. П. Фреймана, к сожалению, осуществлен не был.

В 1914 году мыслящая Россия отмечала столетний юбилей рождения своего великого поэта и гражданина. 28 августа в городскую управу Тамбова обратился



Эскиз проекта памятника М. Ю. Лермонтову, выполненный тамбовским художником И. П. Фрейманом.

с письмом инспектор народных училищ губернии М. Т. Кашков. «Имею честь, — сообщал он, — покорнейше просить управу войти в городскую думу в ближайшем ее заседании с ходатайством: 1) об ассигновании 400 руб. на приобретение биографии М. Ю. Лермонтова и отдельных его произведений в потребном количестве экземпляров для раздачи учащимся приходских и высших начальных училищ г. Тамбова, а также на устройство литературно-музыкального утра для тех же учащихся; 2) о наименовании 1-го Тамбовского городского приходского училища «Лермонтовским»; 3) о переименовании Теплой улицы в улицу «Лермонтова» и о присвоении имени поэта предположенному к разведению на месте разветвления Теплой и Дороховой улиц садику, в котором впоследствии можно поставить и бюст поэта в память его пребывания в Тамбове» [3].

С таким же ходатайством обратилась в городскую управу группа интеллигентов — жителей Теплой улицы.

Просьба была выполнена лишь частично — 9 сентября 1914 года постановлением городской думы Теплую переименовали в Лермонтовскую. Что же касается разбивки сквера и установки в нем бюста поэта, а также «устройства литературно-музыкального утра», то у отцов города были дела, с их точки зрения, поважней. Дворянско-купеческий Тамбов лихорадочно готовился к открытию «питиримских мощей», к приезду царя; шла бурная дискуссия: нужен или не нужен городу трамвай. А вскоре в Сараево прозвучал роковой выстрел, началась мировая война...

...Столетие со дня гибели поэта пришлось на июль сорок первого. Немецкие дивизии лавиной рвались на восток. Пройдет несколько недель, и на улицах советской столицы появятся плакаты с гордыми словами:

Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали...

В те дни в газетах можно было встретить сообщения, подобные этому: «В центральное отделение Ленинградской городской конторы Госбанка поступил в фонд обороны ценный взнос от семьи Лермонтовых — внучатых племянника и племянниц великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. Владимир Владимирович, Екатерина Владимировна, Александра Владимировна и Екатерина Андреевна Лермонтовы сдали фамильную драгоценность — старинные золотые серьги с бриллиантами чистой воды — пять каратов. Серьги оценены в двадцать тысяч рублей» [4].

Это был трудный для страны час, и казалось, что юбилеи неуместны. И все же Родина не забыла положить венок на могилу поэта.

Выходили в свет новые издания лермонтовских произведений. В кинотеатрах демонстрировался фильм «Лермонтов». Многие театры ставили его пьесы. Постановкой «Испанцев» М. Ю. Лермонтова начал свой сезон 1941 года Тамбовский областной драматический театр имени А. В. Луначарского.

Тысячи тамбовцев — женщин, стариков, подростков — отправлялись ежедневно на западную окраину города рыть противотанковые рвы. А однажды они пришли на большой пустырь, что на углу Лермонтовской и Карла Маркса, и за несколько дней превратили его в сквер. Вскоре здесь был открыт памятник великому поэту.

— В канун войны, — делится своими воспоминаниями тамбовский старожил — известный коллекционер Н. А. Никифоров, — я работал администратором городского сада. Командировали меня в Ленинград



Памятник М. Ю. Лермонтову в г. Тамбове.
Фотография В. Успенского.

на фабрику художественного литья. Оттуда я привез несколько бюстов серийного производства: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Горького, Маяковского... Мы тогда планировали реконструкцию городского сада, и бюсты эти хотели там установить. Война наши планы нарушила. А когда был разбит сквер на углу Лермонтовской и Карла Маркса, то и пригодился бюст Михаила Юрьевича...

Вот уже на протяжении многих лет у подножия памятника нередко начинаются ставшие в Тамбове традиционными недели литературы, на которые приезжают поэты и писатели Москвы, Ленинграда, Воронежа, Волгограда и многих других городов России. В дни лермонтовских юбилеев пионеры приносят сюда цветы.

Улица ничем не примечательна. Но она стала как бы символом сегодняшнего города. Рядом с одноэтажным особняком растет большой жилой дом. Школа, детский сад, магазины. Проходная завода, над воротами которого прикреплен макет ордена Трудового Красного Знамени. Это знаменитый «Комсомолец» — первенец тамбовской химии. В 1935 году завод выпускал газовые колонки, сейчас его продукция известна во многих странах мира.

Лермонтовская улица... Приятно пройтись в жаркий летний день в тени ее кленов. Мы — ребятишки восьмой школы — сажали их в первую послевоенную весну. Они разрослись, широко раскинув свои ветви...

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел...

Склонился могучий дуб над усыпальницей поэта в Тарханах... Шепчут про великую любовь к великому сыну России листья кленов на Лермонтовской улице Тамбова...

ПРИМЕЧАНИЯ

«Хотя Тарханы и Пензенской губернии...»

[1] М. Ю. Лермонтов. Сочинения в шести томах. М.—Л., АН СССР, 1954, т. VI, стр. 471. (В дальнейшем: М. Ю. Лермонтов, т... стр...).

[2] «Литературное наследство», № 45—46. АН СССР, 1948, стр. 647.

[3] М. Ю. Лермонтов, т. IV, стр. 225—226.

[4] Государственный архив Тамбовской области (ГАТО), ф. 161, оп. 54, д. 100, л. 12.

[5] М. Ю. Лермонтов, т. 1, стр. 15.

[6] Там же, стр. 386.

[7] ГАТО, ф. 161, оп. 60, д. 28, л. 5.

[8] Список населенных мест Российской империи, составленный и издаваемый Центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. XLII. Тамбовская губерния. СПб., 1866, стр. 10, 14.

[9] П. Вырыпаев. На берегу Милорайки. Лермонтов в Тарханах. Саратов, Приволжское книжное издательство, 1967, стр. 107.

[10] М. Ю. Лермонтов, т. VI, стр. 712.

[11] Там же, стр. 751.

[12] «Литературное наследство», № 45—46. АН СССР, 1948, стр. 648.

[13] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. М., АН СССР, 1956, т. XI, стр. 24.

[14] Там же, стр. 25.

[15] Там же.

Легенды и факты

[1] Д. Богданов. Лермонтов в Тамбове. «Подъем», 1935, № 3.

[2] См., например, «Школьные краеведческие вечера». Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, 1968, стр. 96.
[3] «Музыкальная жизнь», 1962, № 22, стр. 17.
[4] Н. Гордеев, В. Пешков. Тамбовская тропинка к Пушкину. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, 1969, стр. 26.
[5] М. Ю. Лермонтов, т. IV, стр. 119.

«Там есть три улицы прямые...»

[1] М. Ю. Лермонтов, т. IV, стр. 118—119.
[2] ГАТО, ф. 2, оп. 48, д. 9, л. 1.
[3] П. Н. Черменский. Прошлое Тамбовского края. Тамбовское книжное издательство, 1961, стр. 88—89.
[4] ГАТО, ф. 2, оп. 54, д. 120, л. 53.
[5] М. Ю. Лермонтов, т. IV, стр. 120.
[6] Там же.
[7] Андрей Болотов. Жизнь и приключения. М., «Молодая гвардия», 1930, стр. 150.
[8] М. Ю. Лермонтов, т. IV, стр. 120.
[9] М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1964, стр. 241.
[10] См., например, М. Ю. Лермонтов, т. IV, стр. 406.
[11] Сборник-календарь Тамбовской губернии. Тамбов, 1903, стр. 185.
[12] М. Ю. Лермонтов, т. IV, стр. 407.
[13] «Исторический вестник», т. 10, 1884, стр. 119.
[14] И. И. Дубасов. Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 1, Тамбов, 1888, стр. 87.
[15] ГАТО, ф. 4, оп. 19, д. 1, л. 18.
[16] П. Н. Черменский. Указ. работа, стр. 91.

Была ли казначейша тамбовской?

[1] М. Ю. Лермонтов, т. IV, стр. 123.
[2] Там же, стр. 142.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 126.
[5] Там же, стр. 120.
[6] «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии». Вып. № 54, 1911, стр. 23—25.
[7] М. Ю. Лермонтов, т. IV, стр. 127.

[8] «Тамбовская правда», 1960, № 157 от 3 июля.
[9] М. Ю. Лермонтов, т. IV, стр. 121.
[10] ГАТО, ф. 2, оп. 41, д. 107, л. 1—12.
[11] М. Ю. Лермонтов, т. IV, стр. 142.
[12] «Тамбовская правда», 1946, № 87 от 30 апреля.
[13] М. Ю. Лермонтов, т. IV, стр. 122.

«Путешествие В. А. Жуковского»

[1] М. Ю. Лермонтов, т. VI, стр. 444.
[2] Дневник В. А. Жуковского с примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1903, стр. 335.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 335—336.
[5] ГАТО, ф. 161, оп. 63, д. 28, л. 25.
[6] Дневник В. А. Жуковского, стр. 336.

Братья Протасьевы

[1] ГАТО, ф. 161, оп. 10, д. 3, л. 72.
[2] П. Висковатый. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891, стр. 38.
[3] Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Исследования и материалы. Сборник первый. М., 1941, стр. 638.
[4] Честон и Славолюб — абстрактные носители человеческих черт характера: первый — символ чести, второй — тщеславия, любитель славы.

«Муз прилежный обожатель...»

[1] ГАТО, ф. 2, оп. 22, д. 19, л. 3.
[2] Там же, ф. 161, оп. 55, д. 76, л. 1.
[3] Н. В. Давыдов. Из прошлого. М., 1914, стр. 331.
[4] М. Ю. Лермонтов, т. 1, стр. 17.
[5] «Цитра, или мелкие стихотворения». М., 1830, стр. 11—12.
[6] Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Биография, т. 1. М., 1945, стр. 127.
[7] «Отечественные записки», т. 68, отд. VI, 1850, стр. 113.
[8] И. Р. Грузинов. Записки покойного Якова Васильевича Базлова. М., 1863, стр. 1.

9 Там же, стр. 3.
10 «Журнал землевладельцев», 1858, раздел VI, стр. 17.
11 Там же, стр. 4.

Потомки строптивого стольника

1 «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии». Вып. № 55, 1907, стр. 102.
2 Там же, стр. 105.
3 ГАТО, ф. 161, оп. 54, д. 111, л. 1.
4 «Русский библиофил», № 5, 1915, стр. 74.
5 ГАТО, ф. 161, оп. 54, д. 111, лл. 17, 18, 23.
6 М. Ю. Лермонтов, т. II, стр. 113.
7 «Русский библиофил», № 5, 1915, стр. 81.
8 П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. 1. М., «Художественная литература», 1965, стр. 65.

Встречи с «певцом пиров и грусти томной»

1 В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1955, стр. 297.
2 В. А. Соллогуб. Воспоминания о князе В. Ф. Одоевском.— В кн.: В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. Заседание общества любителей российской словесности 13 апреля 1869 г. М., 1869, стр. 90.
3 А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание 3-е, т. X. М., «Наука», 1966, стр. 78.
4 Е. А. Боратынский. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951, стр. 141.
5 Екатерина Сушкова. Записки. Л., Academia, 1928, стр. 175—176.
6 Б. Эйхенбаум. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924, стр. 42.
7 М. Ю. Лермонтов, т. 1, стр. 253.
8 М. Ю. Лермонтов, т. VI, стр. 873.
9 М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., «Художественная литература», 1964, стр. 256—257.
10 М. Ю. Лермонтов, т. VI, стр. 847—848.
11 Е. А. Боратынский. Указ. соч., стр. 312.

«Среди кружка родного...»

1 М. Ю. Лермонтов, т. VI, стр. 300.
2 М. Ю. Лермонтов, т. II, стр. 182.

[3] М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., «Художественная литература», 1964, стр. 168—169.

[4] Выставка лермонтовских фондов московских музеев. Издание Гослитмузея. М., 1940, стр. 25.

[5] Н. Пахомов. Живописное наследство Лермонтова. «Литературное наследство», № 45—46. М., АН СССР, 1948, стр. 101.

[6] М. Ю. Лермонтов, т. IV, стр. 131—132.

«Победа сердца...»

[1] Н. Гордеев, В. Пешков. Тамбовская тропинка к Пушкину. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, 1969, стр. 88.

[2] Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. Под ред. Н. В. Измайлова. М.—Л., АН СССР, 1960, стр. 175.

[3] Ираклий Андроников. Я хочу рассказать вам... Рассказы. Портреты. Очерки. Статьи. Издание второе, дополненное. М., «Советский писатель», 1965, стр. 82.

[4] Пушкин в письмах Карамзиных, стр. 181.

[5] М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., «Художественная литература», 1964, стр. 272—273.

[6] Там же, стр. 273.

Нижегородские драгуны

[1] В. Потто. История Нижегородского 44-го драгунского полка, т. 1, СПб., 1894, стр. 60.

[2] ГАТО, ф. 4, оп. 183, д. 18, л. 15.

[3] Там же, л. 22.

[4] Ираклий Андроников. Лермонтов в Грузии в 1837 году. М., 1955, стр. 96.

«Рыцарь из Тамбова»

[1] А. И. Герцен. Сочинения в 9 томах, т. 4. М., 1956, стр. 203.

[2] Т. П. Пассек. Из дальних лет. Воспоминания, т. 1. ГИХЛ, 1963, стр. 363.

[3] Там же, стр. 456.

[4] А. И. Герцен. Сочинения в 9 томах, т. 4, стр. 213.

[5] Т. П. Пассек. Указ работа, т. 2. стр. 79.

[6] М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., «Художественная литература», стр. 208.

[7] Там же, стр. 465.

[8] Б. Илёшин. Поэт Е. А. Боратынский. Тамбовское книжное издательство, 1961, стр. 29.

[9] М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений в 5 томах. Редакция и комментарии Б. М. Эйхенбаума. Т. 2, стр. 236.

[10] Т. П. Пассек. Указ. работа, т. 2, стр. 272.

Декабрист Сергей Кривцов

[1] М. Гершензон. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914, стр. 132.

[2] М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., «Художественная литература», 1964, стр. 211.

[3] И. Андроников. Лермонтов. Исследования и находки. Изд. 3-е. М., 1969, стр. 117—142.

[4] М. Гершензон. Указ. работа, стр. 200—211.

[5] Там же, стр. 271.

Поэт и генерал

[1] ГАТО, ф. 161, оп. 28, д. 16, л. 71.

[2] М. Ю. Лермонтов, т. II, стр. 168—169.

[3] Там же, стр. 172.

[4] Там же, стр. 171.

[5] И. К. Ениколопов. Лермонтов на Кавказе. Тбилиси, изд-во «Заря Востока», 1940, стр. 69.

[6] М. Ю. Лермонтов, т. VI, стр. 456.

[7] И. К. Ениколопов. Указ. работа, стр. 103.

Липецкий старожил

[1] «Русская старина», т. 155, июль — сентябрь, 1913, стр. 503.

[2] Там же, стр. 492.

[3] Ф. Ф. Майский. Юность Лермонтова (Новые материалы о пребывании Лермонтова в Благородном пансионе).— «Труды Воронежского государственного университета», т. XIV, вып. II, стр. 238.

[4] ГАТО, ф. 161, оп. 45, д. 83.

[5] «Русская старина», т. 155, июль — сентябрь, 1913, стр. 500.

[6] «Литературное наследство», № 45—46, М., АН СССР, 1948, стр. 715.

«Как мальчик кудрявый, резва...»

[1] И. С. Тургенев. Собрание сочинений в 12 томах, т. 1. М., «Художественная литература», 1953, стр. 435.

[2] Описание отдельных русских хозяйств. Вып. VI. Тамбовская губерния. СПб., 1898, стр. 3.

[3] В. А. Соллогуб. Воспоминания. Academia, 1931, стр. 288.

[4] М. Ю. Лермонтов, т. II, стр. 164.

[5] Н. А. Некрасов. Избранные произведения в 2 томах, т. 1. М., 1966, стр. 142.

[6] В. А. Соллогуб. Воспоминания, стр. 70.

[7] М. Ю. Лермонтов, т. VI, стр. 457—458.

[8] Н. А. Некрасов, т. 1, стр. 143—144.

Нити к «Вадиму»

[1] В. Е. Якушкин. Александр Сергеевич Пушкин. Из черновых его бумаг. «Русская старина», № 9, 1887, стр. 547.

[2] «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. 52, 1907, стр. 96.

[3] М. Ю. Лермонтов, т. VI, стр. 18.

[4] Ираклий Андроников. Лермонтов. Исследования и находки. Изд. 3-е. М., 1969, стр. 100—101.

[5] ГАТО, ф. 4, оп. 28, д. 7, л. 7.

[6] В. Чернопятов. Род Крюковых. М., 1915, стр. 23—24.

[7] ГАТО, ф. 4, оп. 42, д. 13, л. 4.

[8] М. Ю. Лермонтов, т. VI, стр. 469, 471.

[9] В. Чернопятов. Указ. работа, стр. 31.

[10] Т. Иванова. Юность Лермонтова. М., 1957, стр. 266.

[11] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Изд. 3-е, т. VI. М., 1966, стр. 227.

[12] Е. А. Боратынский. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951, стр. 111.

[13] ГАТО, ф. 2, оп. 26, д. 5, л. 29.

[14] С. А. Андреев-Кривич. Тарханская пора. М., 1968, стр. 145.

[15] «Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края». Вып. 1. Тамбов, 1925, стр. 25

Секундант в последней дуэли

[1] Эмма Герштейн. Судьба Лермонтова. М. ,«Советский писатель», 1964, стр. 173.
[2] См.: Эмма Герштейн. Указ. работа; Т. Иванова. Посмертная судьба поэта. О Лермонтове, о его друзьях подлинных и о друзьях мнимых, о тексте поэмы «Демон». М., «Наука», 1967.
[3] М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. «Художественная литература», 1964, стр. 375.
[4] Там же, стр. 376—377.
[5] Т. Иванова. Указ. работа, стр. 48—49.
[6] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 470.
[7] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII. М., 1952, стр. 81.
[8] П. Н. Черменский. Прошлое Тамбовского края. Тамбовское книжное издательство, 1961, стр. 119.
[9] А. Голубев. Князь Александр Илларионович Васильчиков. Биографический очерк. СПб., 1882, стр. 42.
[10] Там же, стр. 149.

Письмо шефа жандармов

[1] М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., «Художественная литература», 1964, стр. 399.
[2] А. Н. Норцов. Кирасир военного ордена Алексей Тимофеевич Слепцов (1786—1831). Тамбов, 1912, стр. 48.
[3] В. Вересаев. Спутники Пушкина, т. 2. М., 1937, стр. 174.
[4] ГАТО, ф. 2, оп. 57, д. 945, л. 2.
[5] Там же.

Яблоко от яблони...

[1] М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., «Художественная литература», 1964, стр. 363.
[2] А. Норцов. Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства, т. 1. Тамбов, 1904, стр. 1.
[3] Там же, стр. 75.
[4] Ф. Вигель. Записки. Ч. II, 1892, стр. 99.
[5] Там же, ч. IV, стр. 119—120.

[6] Там же, стр. 121.

[7] Воспоминания Б. Н. Чичерина. Московский университет. М., 1929, стр. 30.

[8] Б. Н. Чичерин. Из моих воспоминаний. По поводу дневника Н. И. Кривцова. «Русский архив», т. IV, 1890, стр. 512.

[9] В. Мануйлов. Лермонтов в Тарханах. Пензенское областное изд., 1949, стр. 96—97.

Судьбы автографов

[1] Ник. Смирнов-Сокольский. Моя библиотека. Библиографическое описание, т. 2. М., «Книга», 1969, стр. 124.

[2] В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 1. СПб., 1886, стр. 160.

[3] М. Ю. Лермонтов, т. II, стр. 222.

Лермонтовская улица

[1] «Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края», № 1. Тамбов, 1925, стр. 28.

[2] Описание фондов Пушкинского дома. М.—Л., АН СССР, 1953, стр. 224, 225.

[3] ГАТО, ф. 17, оп. 45, д. 156, л. 1.

[4] «Тамбовская правда». 1961, от 29 августа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Андроников Ираклий. Рассказы литературоведа. М., 1969.

Андроников Ираклий. Лермонтов. Исследования и находки. Изд. третье. М., 1969.

Андроников Ираклий. Лермонтов в Грузии в 1837 году. М., «Советский писатель», 1955.

Андроников Ираклий. Я хочу рассказать вам... Рассказы. Портреты. Очерки. Статьи. Издание второе, дополненное. М., «Советский писатель», 1965.

Андреев-Кривич С. А. Тарханская пора. М., «Детская литература», 1968.

Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII. М., 1952.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений, т. 1, 8, 11. М., 1955.

Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений. Под ред. М. Л. Гофмана. Т. 1, Пг. АН, 1914.

Боратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951.

Боборыкин В. В. Три встречи с М. Ю. Лермонтовым. «Русский библиофил», 1915, № 5.

Боборыкин П. Д. Воспоминания, тт. 1—2. М., «Художественная литература», 1965.

Бронштейн Н. Доктор Майер. «Литературное наследство», № 45—46. М., АН СССР, 1948.

Богданов Д. Лермонтов в Тамбове. «Подъем», 1935, № 3.

Болотов Андрей. Жизнь и приключения. М., «Молодая гвардия», 1930.

Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов. Биография, т. 1. М., 1945.

Вересаев В. Спутники Пушкина, тт. 1—2. М., 1937.

Вигель Ф. Записки, ч. II. М., 1892.

Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891.

Воспоминания о графе Н. С. Мордвинове и семействе его. Записки дочери его Н. Н. Мордвиновой. СПБ, 1873.

Вырыпаев П. Кругом родные все места. Пенза, Книжное издательство, 1963.

Вырыпаев П. На берегу Милорайки. Лермонтов в Тарханах. Саратов. Приволжское книжное издательство, 1967.

Выставка лермонтовских фондов московских музеев. Издание Гослитмузея. М., 1940.

Герцен А. И. Сочинения в 9 томах, т. 4. М., 1956.

Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914.

Герштейн Эмма. Судьба Лермонтова. М., «Советский писатель», 1964.

Гинзбург Л. Творческий путь Лермонтова. Л., Гослитиздат, 1940.

Голубев А. Князь Александр Илларионович Васильчиков. Биографический очерк. СПБ, 1882.

Гордеев Н., Пешков В. Тамбовская тропинка к Пушкину. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, 1969.

Грановский Б. Народный русский композитор. К 100-летию со дня смерти А. Н. Верстовского. «Музыкальная жизнь», 1962, № 22.

Грузинов И. Быт крестьянина Тамбовской губернии. «Журнал землевладельцев», т. II, 1858, № 5.

Грузинов И. Записки покойного Якова Васильевича Базлова. Ч. 1—2. М., 1863.

Грузинов И. Мечты и звуки поэзии. Стихотворения. М., 1842.

Грузинов И. Отблески поэзии. Стихотворения. М., 1849.

Грузинов И. Цитра, или мелкие стихотворения. М., 1830.

Давыдов В. Н. Рассказ о прошлом. М.—Л., «Искусство», 1962.

Давыдов Н. В. Из прошлого. Ч. 1—2. М., 1914.

Дальний Б., Богданов Д. Державин в Тамбове (1786—1788). Тамбов, 1947.

Дневник В. А. Жуковского с примечаниями И. А. Бычкова. СПБ., 1903.

Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 1—5. Тамбов, 1883—1897.

Еникополов И. К. Лермонтов на Кавказе. Тбилиси, изд-во «Заря Востока», 1940.

Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. Историческая монография. СПБ, 1873.

Иванова Л. Лермонтов и декабрист М. А. Назимов. «Литературное наследство», № 58. М., АН СССР, 1952.

Иванова Т. Лермонтов на Кавказе. Эссе. М., «Детская литература», 1968.

Иванова Т. Москва в жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. М., «Московский рабочий», 1950.

Иванова Т. Посмертная судьба поэта. О Лермонтове, о его друзьях подлинных и друзьях мнимых, о тексте поэмы «Демон». М., «Наука», 1967.

Иванова Т. Юность Лермонтова. М., «Советский писатель», 1957.

Илёшин Б. Поэт Е. А. Боратынский. Тамбов, Тамбовское книжное издательство, 1962.

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1.

Латышев С. Б., Мануйлов В. А. Как погиб Лермонтов. «Русская литература», 1966, № 2.

Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений в 5 томах. Редакция и комментарии Б. М. Эйхенбаума. М.—Л., «Академия», 1937.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 5 томах. М., 1965.

Левит Т. Литературная среда Лермонтова в Московском благородном пансионе. «Литературное наследство», № 45—46. АН СССР, 1948.

М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., «Художественная литература», 1964.

Лермонтов Михаил Юрьевич. Сборник статей и материалов. Ставропольское книжное издательство, 1960.

М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Воронеж, издание Воронежского университета, 1964.

Мануйлов В. А. Лермонтов в Петербурге. Лениздат, 1964.

Мануйлов В. Лермонтов в Тарханах. Пензенское областное издательство, 1949.

Мануйлов В. Летопись жизни и творчества Лермонтова. Л., 1964.

Мещерский А. В. Воспоминания. «Русский архив», 1901, № 1.

Некрасов Н. А. Избранные произведения в 2 томах, т. 1. М., 1966.

Новые материалы об Е. А. Арсеньевой. Публикация

Л. Модзалевского. «Литературное наследство», № 45—46 АН СССР, 1948.

Норцов А. Значение военного мундира, как символа, и некоторые тамбовские военные факты. «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии». Вып. 54, Тамбов, 1911.

Норцов А. Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства, т. 1. Тамбов, 1904.

Норцов А. Н. Кирасир военного ордена Алексей Тимофеевич Слепцов (1786—1831). Тамбов, 1912.

Описание отдельных русских хозяйств. Вып. VI. Тамбовская губерния. СПБ, 1898.

Описание материалов Пушкинского дома. М.—Л., АН СССР, 1953.

Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания. Тт. I—II. Гослитиздат, 1963.

Потто В. История Нижегородского 44-го драгунского полка, т. 1. СПб., 1894.

Пахомов Н. Живописное наследие Лермонтова. «Литературное наследство», № 45—46. АН СССР, 1948.

Прокопенко Л. Герой «Тамбовской казначейши». «Тамбовская правда», 1960, № 157 от 3 июля.

Путеводитель по Липецким минеральным водам. Составил директор Липецких минеральных вод доктор медицины Н. Н. Маншеев. СПБ, 1895.

Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. Под ред. Н. В. Измайлова. М.—Л., АН СССР, 1960.

Россия. Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами. СПБ, 1913.

Руммель В. В. и Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 1. СПБ., 1886.

Смирнов-Сокольский Ник. Моя библиотека. Библиографическое описание, т. 2. М., «Книга», 1969.

Савинова А. Лермонтов и художник Г. Г. Гагарин. «Литературное наследство», № 45—46. АН СССР, 1968.

Сборник-календарь Тамбовской губернии. Тамбов, 1903.

Соллогуб В. А. Воспоминания. М., Academia, 1931.

Соллогуб В. А. Воспоминания о князе В. Ф. Одоевском.— В кн.: В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. Заседание общества любителей российской словесности 13 апреля 1869. М., 1869.

Сушкова Екатерина. Записки. Л., Academia, 1928.

Список населенных мест Российской империи, составленный и издаваемый центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. XLII. Тамбовская губерния. СПБ, 1866.

Татьевский сборник С. А. Рачинского, СПБ, 1899.
Труды Воронежского государственного университета, XIV, вып. II. Воронеж, 1949.
Тургенев И. С. Собрание сочинений в 20 томах, т. 1. М., «Художественная литература», 1953.
Чернопятов В. И. Род Крюковых. М., 1915.
Черменский П. Н. Прошлое Тамбовского края. Тамбовское книжное издательство, 1961.
Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет. М., 1929.
Чичерин Б. Н. Из моих воспоминаний. По поводу дневника Н. И. Кривцова. «Русский архив», 1890, т. IV.
Эйхенбаум Б. М. Лермонтов. Л., 1924.
Якушкин В. Е. Александр Сергеевич Пушкин. Из черновых его бумаг. «Русская старина», 1887, № 9.
Яшвили Н. Мой дедушка Петр Иванович Бартенев. «Прометей», 1969, № 7.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Павлович Пешков

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЧИТАЯ...

Редактор Р. Воротникова. Художественный редактор Л. Клочков. Технический редактор Г. Баклыкова. Корректор З. Моисеева. Сдано в набор 21/III 1972 г. Подписано в печать 5/VII 1972 г. ЛЕ02734. Формат 70 × 108 1/32. Усл. печ. л. 8,93. Уч.-изд. л. 8,08. Бумага № 2. Цена 36 коп. Тираж 50 000 экз. Заказ № 14526. Центрально-Черноземное книжное издательство, г. Воронеж, ул. Цюрупы, 34. Типография изд-ва «Коммуна», г. Воронеж, пр. Революции, 39.

Цена 36 коп.



страницы прошлого читая...